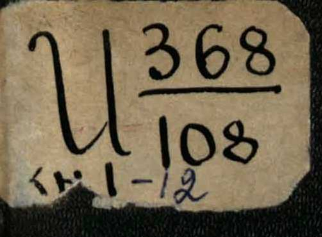

И 368/108
кн. 1-12

МІРОВАЯ ВОЙНА

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ и ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ.

МІРОВАЯ ВОЙНА

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ
И
ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ

Книга I.

ИЗДАНІЕ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
МОСКВА.—1915.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ.

Вселенскій конфликтъ.

Возстанетъ народъ на народъ и царство на царство...
но не ужасайтесь: это еще не конецъ.

(Изъ «Благой Вѣсти»).

Нѣсколько словъ о современныхъ войнахъ. — Причины и поводъ всесвѣтной бойни. — Германскія притязанія. — Австрійскія поползновенія. — Жизненные интересы Россіи и славянства. — Франція и Англія. — Прочія европейскія державы. — Кровавая бойня. — Самоувѣренность австрійцевъ и нѣмцевъ. — Русская мобилизація. — Разочарованіе нашихъ враговъ. — Марна, Нѣманъ, Варшава, Лодзъ. — Гнусные пріемы веденія войны австрійцами и въ особенности германцами. — Бельгія, Польша, Лувенъ и Калишъ. — Реймсъ. — Опустошенная своими Галиція. — Война и культура. — Будущая Европа послѣ всемірной войны.

ПОСЛѢДНЕЮ крупной европейской войной была франко-прусская 1870—71 гг. Война Россіи съ Турціей, разразившаяся семь лѣтъ спустя, имѣла для Европы уже только второстепенное значеніе и при всей своей кровопролитности не можетъ итти ни въ какое сравненіе съ предшествующей ни по величинѣ сражавшихся армій, ни по новизнѣ и внушительности примѣненныхъ на ней военно-техническихъ средствъ, ни по объему ея политическихъ послѣдствій. Въ военномъ и политическомъ отношеніи русско-турецкая война не открыла особенно широкихъ новыхъ горизонтовъ, тогда какъ франко-германская, во-первыхъ, создала огромную и опасную Германскую имперію, а, во-вторыхъ, заставила всѣ народы европейскаго материка ввести у себя всеобщую воинскую повинность, такъ что борьба прежнихъ постоянныхъ армій должна была на будущее время превратиться въ борьбу вооруженныхъ народовъ. Отъ введенія у себя всеобщей воинской повинности успѣла уклониться до сихъ поръ изъ европейскихъ государствъ только одна островная Англія, тогда какъ тоже островная, но азіатская Японія ввела ее у себя съ первыхъ же шаговъ, какъ только начала реформироваться и обновляться. Съ тѣхъ поръ всякая европейская война могла быть только народною и никакою другою.

Великія европейскія державы, послѣ франко-прусской войны, 43 года не воевали другъ съ другомъ. Между тѣмъ арміи все умножались и умножались, вооруженія росли. Придумывались все новыя и новыя средства для нападенія и защиты, все новые способы для взаимнаго истребленія. Народы вооружались, но не рѣшались драться: при современныхъ истребительныхъ орудіяхъ ужъ слишкомъ ужасной обѣщала быть грядущая война.

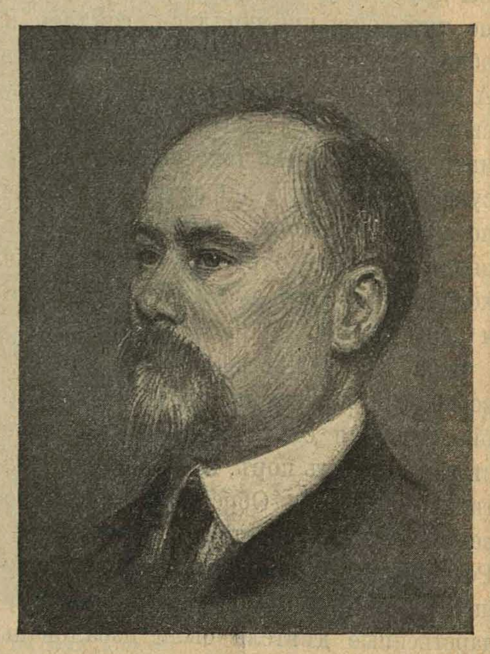

Король Англіи Георгъ V.

Русско-японская война пріоткрыла завѣсу надъ ужасами будущей большой войны, но это не остановило всеобщихъ вооруженій и не заставило народы серьезнѣе отнестись къ вопросу объ отысканіи новыхъ способовъ для разрѣшенія международныхъ споровъ. Угроза войны продолжала висѣть надъ міромъ. Принципіально ни одно государство не отказывалось отъ войны и только страхъ передъ невѣроятнымъ кровопролитіемъ удерживалъ народы отъ рокового шага.

Всѣ, однако, чувствовали, что война, рано или поздно, неминуемо разразится. Причины и поводы накоплялись съ каждымъ годомъ. Конфликты происходили тамъ и тутъ и улаживались лишь кое-какъ, при чемъ никто не оставался доволенъ, и каждый мысленно откладывалъ окончательное рѣшеніе «на будущее время». Двѣ балканскихъ войны, несмотря на пролитую въ изобиліи кровь, не только не внесли хотя бы незначительнаго успокоенія, но, наоборотъ, еще больше запутали нѣкоторые вопросы. Въ европейской атмосферѣ скоплялось все больше и больше электричества. Чувствовалось приближеніе грозы.

Самую главную угрозу европейскому миру представляла давно уже Германія, послѣ побѣдоносной войны съ Франціей начавшая мечтать ни болѣе, ни менѣе, какъ о всемірномъ владычествѣ. И въ этомъ направленіи все время работала ея внѣшняя политика, постоянно задѣвая и нарушая интересы то Россіи, то Англіи, то Франціи. Только невѣроятное, порою даже казавшееся непостижимымъ миролюбіе этихъ странъ отсрочивало до самаго послѣдняго времени всеевропейскій конфликтъ.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ вступившая въ союзъ съ Германіей и передъ тѣмъ побитая ею Австрія, частью опираясь на свою союзницу, частью даже подталкиваемая ею, начала напирать на южное славянство и, не довольствуясь

Раймондъ Пуанкаре, президентъ французской республики.

Босніей и Герцеговиной, стремилась къ Солоникамъ и вообще «au delà de la Митровица».

Подталкиваемая Германіей, Австро-Венгрія во время балканскихъ замѣшательствъ два раза мобилизовала свою армію въ угрожающемъ по отношенію къ Россіи смыслѣ, однако оба раза дипломатамъ удавалось находить компромисы, хотя и не особенно удачные, а стало-быть и не особенно прочные, но все-таки отдалявшіе кровавую развязку, и дѣло до войны не доходило. Не доходило оно до войны главнымъ образомъ потому, что Германія еще не кончила своихъ вооруженій и не находила минуту удобной для начала задуманной ею «предупредительной» войны съ Россіей и Франціей.

Австрія или, точнѣе, Австро-Венгрія является настоящей тюрьмой для входящихъ въ ея составъ славянскихъ народностей. Венгры и австрійскіе нѣмцы другъ друга смертельно ненавидятъ, но тутъ они примирились, сойдясь на общей ихъ ненависти къ славянамъ. А Габсбурги царствовать умѣютъ, искусились во всевозможныхъ политическихъ интригахъ за болѣе чѣмъ шестисотлѣтнее существованіе ихъ династіи. Они отлично умѣютъ ссорить и управлять. Славянамъ въ Габсбургской имперіи приходится туго: ихъ душатъ тамъ и нѣмцы и венгерцы.

Сараевское убійство дало Австріи превосходный поводъ наброситься на Сербію, которая стала ей поперекъ горла съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ тамъ прекратилась династія Обреновичей, австро-венгерскихъ клевретовъ. Думали, что Россія ни въ какомъ случаѣ не вступится. Австрійскіе и германскіе государственные дѣятели были избалованы русскимъ миролюбіемъ, русской безконечной уступчивостью. Ультиматумъ 11 іюля былъ предъявленъ Сербіи, несмотря на предостереженія со стороны Россіи. Конфликтъ сразу назрѣлъ и разразился.

Въ Европѣ каждый ребенокъ зналъ, что въ случаѣ войны съ Германіей Франція не оставитъ Россію одну, а Россія—Францію. Немыслимо было Россіи допустить разгромъ Франціи—и обратно: разгрома или униженія Россіи Франція допустить не могла. Ихъ существованіе, ихъ цѣлость и ихъ могущество взаимно необходимы имъ обѣимъ въ одинаковой степени. Побѣда Германіи, захватившей сразу же Бельгію, грозила Англіи нарушеніемъ самыхъ жизненныхъ ея интересовъ. Европейскій конфликтъ превратился во вселенскій. Я смѣло называю его такъ, потому что война коснулась всѣхъ пяти частей свѣта: она ведется—кромѣ Европы, также и въ Азіи, и въ Америкѣ (морская), и въ Африкѣ, и въ Австраліи. Изъ внѣевропейскихъ государствъ въ ней участвуютъ: Японія, Австралійская республика, Канада, Индія, наконецъ турецко-азіатскія владѣнія. Ужасами войны болѣе или менѣе потрясены или задѣты такъ или иначе всѣ страны міра, всѣ народы вселенной. Не сегодня-завтра къ той или другой изъ воюющихъ сторонъ готовы присоединиться новые участники великаго кровопролитія.

Не считая крошечной, но геройской Бельгіи, до сихъ поръ отъ вселенской войны хуже всего приходится Австріи. Ея войска многократно разбиты русскими и сербами и потерпѣли милліонный уронъ убитыми, ранеными и плѣнными. Галиція и Буковина почти цѣликомъ захвачены русскими. Ими же захвачена часть Венгріи. Послѣднее пораженіе австрійцевъ въ Сербіи носитъ характеръ полнѣйшей катастрофы. Если Италія и Румынія присоединятся къ союзникамъ, тогда крушеніе Габсбургской монархіи неминуемо и неизбѣжно. Тогда ее спа-

Вѣнценосный герой—король Бельгіи Альбертъ I.

сетъ развѣ только какое-нибудь исключительное чудо. Немудрено, поэтому, что повсюду упорно держатся слухи объ австрійскихъ стремленіяхъ къ сепаратному міру. При создавшейся обстановкѣ этому вполнѣ можно вѣрить.

Всемірная война гремитъ и пылаетъ вотъ уже шестой мѣсяцъ, а на скорый ея конецъ еще пока очень мало надежды. А какъ высоко залетали мечты нашихъ надменныхъ враговъ: они разсчитывали

Австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ.

покончить и съ Франціей, и съ нами въ какихъ-нибудь два мѣсяца. Похвальбы самаго безшабашнаго свойства такъ и сыпались съ ихъ стороны. Одинъ нѣмецкій генералъ похвалялся, что будетъ пить 2 сентября утренній кофе въ Парижѣ. Другой былъ вполнѣ убѣжденъ, что черезъ мѣсяцъ послѣ начала войны австрійцы займутъ Кіевъ, а черезъ мѣсяцъ Москву, что нѣмцы черезъ мѣсяцъ послѣ перехода русской границы будутъ въ Варшавѣ и Вильнѣ, а еще черезъ мѣсяцъ—въ Петербургѣ. И вдругъ вмѣсто всего этого—позорныя пораженія, на Марнѣ, на Нѣманѣ, подъ Варшавой, на Вислѣ, подъ Лодзью, въ Галиціи, въ Карпатахъ! Сербію собирались «покарать» и «раздавить», «стереть съ европейской карты»—и потерпѣли отъ сербовъ цѣлый рядъ унизительныхъ пораженій, при чемъ побѣдителямъ досталось чуть не сто тысячъ плѣнныхъ.

Ожидалось нашими врагами, что наша мобилизація сойдетъ не только не гладко въ техническомъ отношеніи, но что даже ей будутъ чиниться препятствія со стороны самого населенія, что у насъ поднимутся раздоры и распри, какъ девять лѣтъ тому назадъ. Надѣясь на эти раздоры, грубый, нахальный и кичливый нѣмецъ разсчитывалъ, что въ самый короткій срокъ Россія, жалкая, побѣжденная, растерзанная и униженная, будетъ у его ногъ. Вмѣсто этого — рядъ кровавыхъ уроковъ, рядъ неслыханныхъ пораженій и милліонный итогъ потерь на одномъ русскомъ фронтѣ, если считать съ начала войны. И приблизительно такія же потери во Франціи и въ Бельгіи да столько же со стороны Австріи. Неслыханныя кровавыя гекатомбы!

Русская мобилизація совершилась технически въ превосходномъ порядкѣ, превзошедшемъ у насъ самыя смѣлыя ожиданія, такъ какъ принимались при этомъ въ расчетъ наши разстоянія и далеко не густая сѣть желѣзныхъ дорогъ. Что касается раздоровъ, то о нихъ не было даже нигдѣ и помина съ самаго момента объявленія мобилизаціи. Всѣ военнообязанные охотно, съ полнымъ, сознательнымъ одушевленіемъ пошли исполнять свой долгъ. Съ востока, съ сѣвера, съ юга двинулись къ угрожаемой границѣ «русскія рати» и встали на ней «гранитной стѣной». Объ эту стѣну разбились подъ рядъ три наступленія австрійцевъ и германцевъ.

Мы уже видѣли, что, начиная войну, противники Россіи разсчитывали на лег

Верховный Главнокомандующій россійскихъ войскъ Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ.

Французскій генералиссимусъ Жоффръ.

кую побѣду надъ ней и надъ Франціей. Въ особенности надъ Россіей. Предполагали при началѣ войны внутренніе у насъ безпорядки, которые они сами же, передъ войной, пытались провокаторски вызвать. Предполагали, что и денегъ у Россіи не будетъ, что и люди не захотятъ итти, что у насъ и организація плохая, и вести войска будетъ некому. Судили о насъ по японской войнѣ. О Франціи судили по тому, что было сорокъ три года назадъ. Англійскую армію совсѣмъ не ставили въ счетъ, судя по войнѣ съ бурами. И что же оказалось? Наша полевая артиллерія показала себя могучей и несокрушимой, съ нашей конницей не могутъ справляться ни австрійская, ни германская кавалерія, о стойкость нашей пѣхоты разбились волны австрогерманскаго нашествія. Нашлись и люди, нашлись выдающіеся вожди. Вотъ ген. Ренненкампфъ, герой наступленія въ Восточную Пруссію, гдѣ начались наши первыя побѣды. Въ Восточной Пруссіи «вскрылись первыя чудеса», какъ поется въ одной старинной солдатской пѣснѣ суворовскихъ временъ, и чуть ли не самимъ Суворовымъ сочиненной:

Наша Кинбурнска коса
Вскрыла первы чудеса.

Вотъ Эйдкуненъ, Шталлюпененъ, Гумбинненъ, берега рѣки Роминте, Франкенау... Городъ за городомъ переходятъ въ наши руки... Сольдауская катастрофа или, какъ ее нѣмцы называютъ, сраженіе при Танненбергѣ, останавливаетъ наши успѣхи, но дѣло сдѣлано, задача исполнена: съ французскаго фронта отвлечены на восточный огромныя силы пруссаковъ, нѣмецкое наступленіе на Парижъ остановлено. Наша армія въ Восточной Пруссіи спасла Парижъ, отъ котораго нѣмецкіе разъѣзды были уже въ 12 километрахъ, послѣ того какъ одной изъ нѣмецкихъ

Командующій англійской арміей на европейскомъ материкѣ, фельдмаршалъ сэръ Джонъ Френчъ.

Разбитый на Нѣманѣ, подъ Варшавой и подъ Лодзью нѣмецкій фельдмаршаль Гинденбургъ, комически произведенный въ этотъ чинъ за свои пораженія.

армій удалось при Ла-Ферѣ прорвать французскій центръ. Пусть мы потомъ потерпѣли въ Восточной Пруссіи неудачу, но зато мы дали возможность нашимъ союзникамъ выиграть битву на р. Марнѣ и обезпечить свою столицу отъ всякой возможности дальнѣйшихъ покушеній.

Да, люди у насъ нашлись. Вотъ, далѣе, ген. Рузскій, покоритель Львова и блестящій защитникъ Варшавы, опрокинувшій австрійскій лѣвый флангъ на берегахъ Гнилой Липы. Все значеніе этого генерала, весь объемъ его способностей могутъ получить свою полную оцѣнку только послѣ войны, когда все сдѣлается извѣстнымъ. Вотъ завоеватель Галича, ген. Брусиловъ, войска котораго первыми перешли Карпаты и вступили въ Венгрію. Вотъ ген. Ивановъ, главнокомандующій сѣверо - западнымъ фронтомъ, ближайшій помощникъ Верховнаго Главнокомандующаго. А защитники Оссовца и Ивангорода, талантливые Шульманъ и Шварцъ? А командиръ Кавказскаго корпуса Ирманъ? А Радко Дмитріевъ, болгаринъ-герой? И сколько еще другихъ! Нашлись и вожди, нашлись и талантливые, храбрые исполнители ихъ плановъ, нашлись тысячи, десятки тысячъ героевъ долга и самопожертвованія. И русская армія покрыла себя новой неувядаемой славой.

Германцы дерутся съ невѣроятнымъ упорствомъ и, нужно отдать имъ справедливость, съ замѣчательной храбростью. Тыловая организація у нихъ идеальная, тяжелая артиллерія дѣйствуетъ губительно и рушитъ города, какъ картонныя издѣлія. Но все ихъ упорство разбивается о стойкость союзниковъ. Менѣе, чѣмъ они, стойки австрійцы, но и они въ эту войну проявили рѣдкую способность быстро оправляться послѣ поражeній, хотя и терпятъ ихъ чуть ни на каждомъ шагу. Зато безусловнаго осужденія заслуживаютъ примѣняемые тѣми и другими гнусные способы веденія войны, возбуждающіе всеобщее отвращеніе.

Сербскій наслѣдный королевичъ Александръ, многократный побѣдитель австрійцевъ.

Сербскій фельдмаршалъ Путникъ, организаторъ сербскихъ побѣдъ.

Что сталось съ несчастной Бельгіей— всѣмъ хорошо извѣстно. Ограблена, разрушена. Мирные жители истребляются, нѣтъ пощады даже дѣтямъ. Женщины подвергаются самымъ звѣрскимъ насиліямъ. Тоже и въ Польшѣ. Лувенъ, Калишъ, Реймсъ навсегда останутся памятниками нѣмецкаго звѣрства и самаго разнузданнаго хищничества. Не война, а систематическая кража со взломомъ. Крадутъ солдаты, крадутъ офицеры, даже нѣмецкіе принцы не гнушаются самымъ банальнымъ воровствомъ. Можно подумать, что всею нѣмецкою націей утрачены безвозвратно самыя элементарныя понятія о чести, потеряны послѣдніе остатки совѣсти. Австрійцы разграбили и разорили своихъ собственныхъ подданныхъ въ Галиціи и Буковинѣ, очевидно, будучи увѣрены уже теперь, заранѣе, что эти земли утрачены Австріей безвозвратно. Инструкція нѣмецкаго военнаго начальства, изданная для жителей Восточной Пруссіи, откровенно предписываетъ послѣднимъ дѣйствовать по отношенію къ непріятельскимъ оккупаціоннымъ войскамъ въ духѣ самаго коварнаго шпіонства и самаго низкаго предательства. Австрійцы во время своихъ недолгихъ гастролей въ Сербіи поступали и тамъ съ неменьшей дикостью и неменьшимъ варварствомъ, съ тою только разницей, что имъ пришлось оттуда скоро убраться, тогда какъ нѣмцы все еще продолжаютъ опустошать Бельгію и терзать занятую ими часть завислинской Польши.

Но всему этому уже предвидится неизбѣжный конецъ. Третье австро-германское наступленіе уже остановлено послѣ цѣлаго ряда сраженій, побѣдоносныхъ для нашихъ армій. Лодзинская битва, которую Вильгельмъ почему-то назвалъ «кайзершлахтъ» — «императорской битвой»—хотя и не дала рѣшительныхъ результатовъ, но истощила германскую армію почти въ конецъ, и послѣдствія ея должны обнаружиться въ самомъ непродолжительномъ времени. Съ конца октября по вторую половину декабря полчища фельдмаршала Гинденбурга, по приблизительному подсчету, потеряли около 600.000 человѣкъ. Это не считая Нѣмана и Вислы въ сентябрѣ и октябрѣ!

Генералъ-адъютантъ Н. Н. Янушкевичъ начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Генералъ-адъютантъ Ивановъ, главнокомандующій арміями юго-западнаго фронта, разгромившій австрійцевъ въ галиційской битвѣ.

Всѣ же потери германцевъ на нашемъ фронтѣ съ самаго начала войны и до послѣдняго времени можно считать не меньше *милліона*, и это вовсе не будетъ преувеличеніемъ. Столько же, если не больше, потеряли и австрійцы. Уже теперь ясно, за кѣмъ долженъ остаться верхъ въ этой неслыханной бойнѣ, отъ которой содрогается вселенная. Наша армія уже почти на всѣхъ отдѣлахъ своего громаднаго стратегическаго фронта вновь перешла въ наступленіе. Переходятъ въ наступленіе и наши западные союзники. Уже не за горами то время, когда многострадальная Бельгія будетъ очищена отъ жестокихъ временныхъ завоевателей, а на востокѣ война изъ Польши перенесется въ Силезію, Познань и дальше, въ глубину Германіи, на ея собственную территорію.

Но на особенно скорое окончаніе міровой войны все-таки еще нѣтъ надежды. Часъ возмездія приближается, но еще не наступилъ. Кровавый пиръ потребуетъ и унесетъ еще много, много жертвъ съ обѣихъ сторонъ. Еще много предстоитъ впереди трудовъ и лишеній нашимъ воинамъ, много еще потребуется отъ нихъ героизма, самоотверженія, пока не наступитъ желанный миръ для утомленной, но и обновленной Европы.

А Европа, несомнѣнно, обновится во многихъ и многихъ отношеніяхъ, если война окончится побѣдой тройственнаго согласія, а не торжествомъ двухъ нѣмецкихъ имперій. Всякая война противна культурѣ по своему существу, но бываютъ обстоятельства, создается иногда такая обстановка, что война является *культурною необходимостью*. Таковъ теперешній вселенскій конфликтъ. Нѣмцы считаютъ себя культурнѣйшимъ народомъ въ мірѣ, но ихъ культура за послѣднее время, почти за цѣлыхъ полвѣка, была обращена почти исклю-

Генералъ-адъютантъ Ренненкампфъ, руководившій августовскимъ набѣгомъ на Восточную Пруссію.

Генералъ-адъютантъ Рузскій, завоеватель Львова, блестящій защитникъ Варшавы противъ нѣмецкихъ полчищъ.

чительно на матеріальныя цѣли: развитіе промышленности, торговли и, главнымъ образомъ, на прогрессъ всевозможной техники, въ особенности военной. Новѣйшая нѣмецкая изящная литература давно въ упадкѣ, современныхъ нѣмецкихъ поэтовъ рѣшительно не стоитъ читать. Когда-то процвѣтавшая нѣмецкая философія пробавляется далеко не крупными процентами съ прежняго капитала. Нѣмецкіе ученые юристы-государственники открыто проповѣдуютъ въ общежитіи торжество грубой силы надъ правомъ. Процвѣтаютъ одни прикладныя науки. Европейской культурѣ грозитъ серьезная опасность въ случаѣ торжества нѣмцевъ въ міровой войнѣ; спасти культуру можетъ только побѣда Россіи и ея союзницъ. Австрія и Германія—это двѣ имперіи-тюремщицы для славянъ и всѣхъ другихъ народовъ, имѣвшихъ несчастіе попасть въ сферу ихъ тяжелой, неопрятной государственности. Останься за ними побѣда—и Европа погрузится во мракъ безправія, при которомъ немыслимъ будетъ истинный культурный прогрессъ. Ту войну, которую ведутъ Россія, Франція и Англія, вполнѣ справедливо называютъ многіе святою войной; она дѣйствительно святая, потому что она озарена благородной идеей—идеей возстановленія, по крайней мѣрѣ, культурныхъ, если не всѣхъ политическихъ правъ слабыхъ народовъ, лишившихся такъ или иначе своей государственной самостоятельности.

Благодѣтельныя культурныя послѣдствія грядущей побѣды тройственнаго согласія, несомнѣнно, будутъ громадны. Готическая имперія, созданная Бисмаркомъ, отяготѣла надъ міромъ. Она всѣмъ грозитъ и никому не приноситъ пользы. Своей военщиной она мѣшаетъ здоровому прогрессу, заставляя разоряться на вооруженія весь цивилизованный міръ. Будетъ побѣждена Германія—и устранится вѣчная угроза миру, освободятся народы отъ тяжелаго кошмара крови, для прогресса не останется тѣхъ препятствій, которыя его теперь, именно благодаря тевтонскому милитаризму, такъ сильно задерживаютъ. Когда покончено будетъ съ Германіей, съ Вильгельмомъ II, тогда будетъ покончено съ

Генералъ-отъ-инфантеріи Радко Дмитріевъ, герой балканскихъ войнъ, побѣдитель турокъ при Лозенградѣ и австрійцевъ во многихъ битвахъ въ Галиціи.

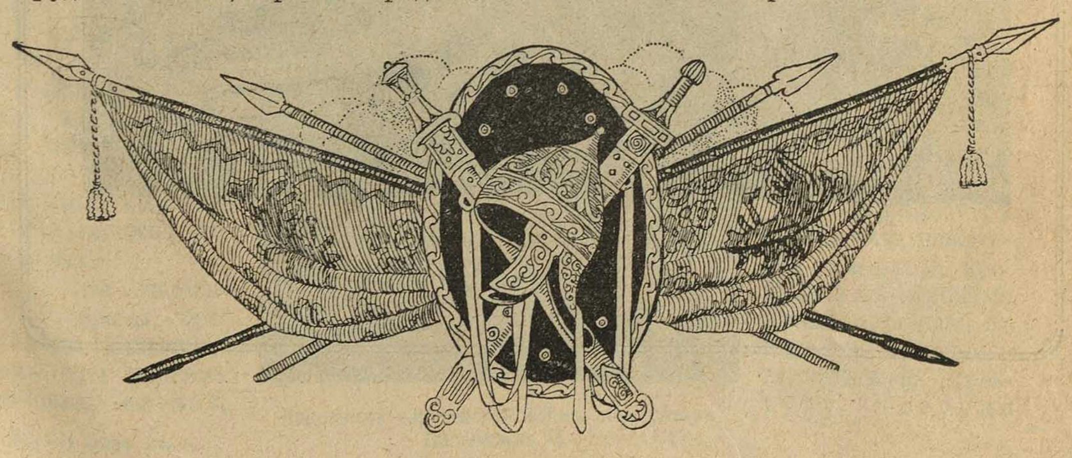
«наполеонизмомъ безъ Наполеона», какъ удачно выразился англійскій первый министръ Асквитъ,—то-есть, съ безпримѣрными притязаніями, но безъ малѣйшаго признака геніальности. Вмѣстѣ съ тѣмъ должна произойти послѣ этой войны генеральная переоцѣнка всѣхъ цѣнностей — въ наукѣ, въ философіи, въ морали, въ правѣ, въ изящной литературѣ, въ поэзіи, въ художествѣ. Будетъ дарованъ, наконецъ, «миръ мірови»—и міръ, несомнѣнно къ лучшему, измѣнитъ свой видъ. Можно, пожалуй, не только мечтать, но и надѣяться, что неслыханная война будетъ послѣднею черной страницей европейской исторіи, и что на этой страницѣ исторія Европы, не закончится, а, напротивъ, послѣ того откроется непрерывный рядъ только свѣтлыхъ ея страницъ...

Генералъ-отъ-инфантеріи Брусиловъ, взявшій Галичъ и прошедшій за Карпаты со своей «желѣзной» арміей.

Что касается политическихъ послѣдствій побѣды державъ коалиціи, то тутъ заранѣе предсказывать что-нибудь очень трудно. Конечно, Германіи придется поплатиться и территоріей и деньгами, но въ какой мѣрѣ и какъ—это покажетъ дальнѣйшій ходъ и исходъ войны. Что касается Австріи, то съ Галиціей, Буковиной, Босніей, Герцеговиной—ей, несомнѣнно, придется проститься. Венгрія, Богемія должны получить самостоятельность, а нѣмецкія земли Австріи, по всей вѣроятности, войдутъ въ составъ новаго союза южно-германскихъ государствъ, которыя изъ состава теперешней Германіи будутъ, несомнѣнно, выдѣлены. Особаго вреда нѣмецкому народу сдѣлано не будетъ, онъ только будетъ поставленъ въ полную невозможность вредить другимъ. Что касается единственной австро-германской союзницы, Турціи, то она будетъ вычеркнута изъ списка европейскихъ державъ и, кромѣ того, лишится Сиріи, какъ уже лишилась Египта, который объявленъ независимымъ государствомъ.

Но все это будетъ достигнуто—увы!—еще не такъ скоро... *Е. К.*

Какъ нѣмцы ведутъ войну.

Коронованные поджигатели міровой войны.

Вильгельмъ.

Вильгельмъ II отождествляетъ собою эпоху Германіи — тупоголовой, самодовольной, жадно простирающей свои хищныя щупальцы во всѣ стороны міра.

Вильгельмъ, почувствовавшій свое желѣзное «могущество», какъ бы отрекся отъ всѣхъ идейныхъ просвѣтлѣній, заполнивъ свою душу чаднымъ вожделѣніемъ грядущихъ побѣдъ.

«Прусская каска» и «крупповскіе заводы» съ ихъ тысячами пушекъ такъ вскружили голову тевтонскому кайзеру, что онъ уже съ нескрываемымъ презрѣніемъ взиралъ на весь міръ и бросалъ въ сторону славянъ полныя цинизма и насмѣшки выраженія:

«Низшая раса!» «Восточные варвары!» «Народъ — навозъ, долженствующій быть удобреніемъ для германской культуры!» «На свѣтѣ нѣтъ ничего выше Германіи!»

Всѣ эти лаконическія фразы, бросаемыя Вильгельмомъ при всякомъ удобномъ случаѣ, зарождались подъ вліяніемъ сознаннаго могущества милитаризма.

Прусская блестящая каска рѣшительно закрыла отъ Вильгельма обширные идейные горизонты, всецѣло низводя его мышленіе въ область всесильно-бряцающаго германскаго оружія.

На крупповскіе заводы Вильгельмъ взиралъ, какъ на главные устои современной германской культуры.

Опираясь на это стальное могущество, Вильгельмъ однажды, до-нельзя опьяненный дерзающимъ воинственнымъ задоромъ, воскликнулъ:

«Sic volo! Sic jubeo!» (Такъ хочу! Такъ повелѣваю!)

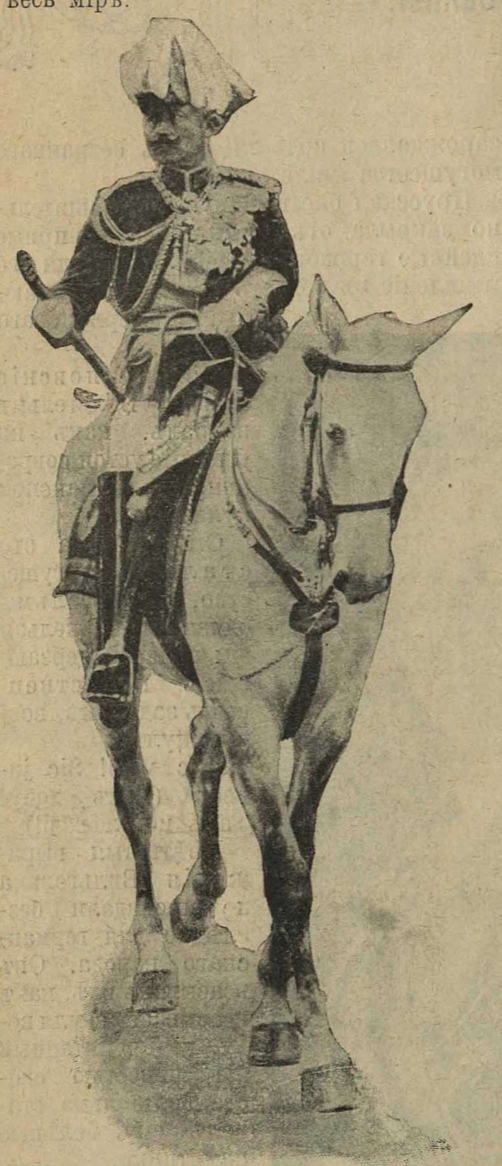
Цвѣтистыя выраженія Вильгельма не пропадали безслѣдно для германскаго народа. Онъ всасывалъ ихъ, какъ всасываетъ земля воду, и, пропитанный заносчивостью своего Вильгельма, ставилъ ему нелѣпые памятники.

Зараза вздорной кичливости, рожденной въ верхахъ, проникала въ народныя массы, порождая въ нихъ ту особенную дьявольскую культуру, которая

Виновникъ европейской войны императоръ Вильгельмъ II.

проявила свои перлы въ настоящую войну.

Рано или поздно, Вильгельмъ мечталъ осуществить свое желаніе: поработить весь міръ.

Вильгельмъ въ формѣ фельдмаршала британской арміи.

Идея «бронированнаго кулака», утверждаясь въ народныхъ массахъ, производила въ нихъ то губительное разложеніе, какое бываетъ въ организмѣ, заполненномъ зловредными бациллами.

Дьявольское выраженіе Вильгельма «Sic volo. sic jubeo!» настойчиво, какъ червь, протачивалось въ народную германскую душу, вывѣтривая въ ней какіе бы то ни было зачатки свѣтлыхъ побужденій.

Преобладаніе матеріалистическихъ идей въ ущербъ духовнымъ достигло въ Германіи своего апогея.

Жестокость и человѣконенавистничество германцевъ проявили себя съ небывалой еще въ мірѣ безпощадностью.

Алчность, продажность и безсердечіе вотъ главные двигатели современной Германіи.

Мечтами о всесвѣтномъ захватѣ заодно были проникуты: и придворная камарилья и германскій народъ.

Въ сущности послѣдній никогда не отличался особенной возвышенностью духа. Тевтонская раса издревле таила въ себѣ недобрые инстинкты.

Брошенное Вильгельмомъ сѣмя человѣконенавистничества ко всему, что не Германія, упало на хорошую почву.

Взошли ростки зловреднаго дурмана. Послѣднимъ былъ отравленъ и самъ кайзеръ.

Рѣшенія его иногда носили характеръ явной необдуманности. Непомѣрная гордыня застилала туманомъ разумъ.

Подъ впечатлѣніемъ какого-либо только что сообщеннаго извѣстія, Вильгельмъ зачастую приходилъ къ совершенно неожиданному заключенію и тотчасъ же предписывалъ исполненіе.

Подобными необдуманными молніеносными предписаніями Вильгельмъ неоднократно ставилъ въ затруднительное положеніе своихъ канцлеровъ, часто возлагая на нихъ отвѣтственность передъ парламентомъ и общественнымъ мнѣніемъ.

Вильгельмъ, а также и его престолонаслѣдникъ постоянно топорщились, изображая своей персоной какую-то непобѣдимую героическую фигуру.

Весь надутый видъ Вильгельма съ его приподнятыми кверху спесивыми усами, его воинственные взоры, его кичливая осанка и надменно вскинутая голова, все это вмѣстѣ взятое какъ бы непрестанно и напряженно подчеркивало:

«Можетъ ли быть на свѣтѣ что-либо непобѣдимѣе и могущественнѣе Гер-

манiи?! Нашъ «бронированный кулакъ» сожметъ и скомкаетъ любую изъ державъ, которая осмѣлится не исполнить нашего хотѣнiя! Только одинъ намекъ на наше требованiе—и все трепещетъ и склоняется предъ нашей мощной силой! Такова непобѣдимая Германiя!»

Этотъ побѣдоносный, презирающiй все, что не Германiя, кичливый видъ Вильгельма — гипнотически дѣйствовалъ на всю Германiю. Она незыблемо вѣрила въ сверхъестественныя боевыя качества своей геройской армiи.

Похвальба этой удивительной армiей разносилась по всему мiру, такъ какъ нѣмцы рѣшительно заполонили всѣ страны сѣтью своихъ торговыхъ и промышленныхъ предпрiятiй.

Теперь, послѣ «экзамена», который держала германская армiя на поляхъ сраженiй, гипнозъ непобѣдимости германской мощи давно уже разсѣялся, и вмѣстѣ съ этимъ разсѣянiемъ надутой спеси надменно вздернутые кверху усы Вильгельма, должно-быть, опустились; воинственно сверкавшiе дерзанiемъ взоры поугасли, украшенная блестящей каской голова не вскидывается съ прежней пѣтушиной кичливостью.

«Боевой задоръ пресловутаго кайзера замѣтно понизился», передаютъ лица, видѣвшiя Вильгельма послѣ нѣсколькихъ крупныхъ пораженiй его войскъ. На смѣну «пѣтушинаго задора» появилась безпощадная тевтонская озлобленность.

Недавно еще мѣтившiй «въ Наполеоны, какъ и его дѣтище—кронпринцъ,— кичливый родитель не разъ уже, говорятъ, призадумывался о мирѣ.

Непобѣдимая въ глазахъ нѣмецкаго народа «крупповская артиллерiя» оказалась безсильной, столкнувшись съ героическимъ духомъ вынужденныхъ къ войнѣ народовъ.

То, что проповѣдывалъ Вильгельмъ, было оскорбленiемъ для всего человѣчества. Эта проповѣдь явно носила духъ затаптыванiя въ грязь всего, что не было Германiей.

Одинъ изъ канцлеровъ Вильгельма выразился:

«Договоры только опутываютъ ноги Германiи въ ея движенiи впередъ. Разрубить ихъ мечомъ. Маленькiя нацiи стоятъ на пути Германiи, — затоптать ихъ въ грязь германскимъ сапогомъ. Россiя бросаетъ вызовъ супрематiи Германiи въ Европѣ,—бросить на нее германскiе легiоны и задавить. Англiя угрожаетъ мiровой гегемонiи Германiи,— вырвать изъ ея рукъ трезубецъ!»

И отсюда наипреступнѣйшiй выводъ кайзера:

Вильгельмъ послѣ пораженiя на русскомъ фронтѣ.

«У насъ будетъ новая мораль, навязанная мiру силой! Она будетъ «made in Germany!» (германскаго издѣлiя).

Это была проповѣдь мѣднаго прусскаго лба и косматаго сердца.

Все царствованiе Вильгельма—сплошное напряженiе, непрестанныя натуги направить всю энергiю и всѣ познанiя страны на изобрѣтенiе орудiй разрушенiя и смерти.

Вильгельмъ, прикалывающій раненаго на охотѣ кабана.

читая книги генерала Бернгарди: «Ближайшая война» и «Россія и мы». Въ нихъ открыто высказывается почти то же самое, что восторгаетъ пресловутаго кайзера.

Генералъ Бернгарди повѣствуетъ:

«Франція должна быть окончательно раздавлена, такъ, чтобы она не могла вновь стать на нашей дорогѣ». «Мирное соглашеніе съ Англіей есть, въ концѣ-концовъ, такая глупость, которой ни одинъ серьезный нѣмецъ не захочетъ вѣрить».

«Одна Германія должна владычествовать надъ всѣмъ міромъ и все должно передъ ней преклоняться!»

Могла ли при такихъ условіяхъ надменная нація культивироваться въ направленіи какихъ-либо идейныхъ начинаній?!

Все глохло и замирало.

Міровая война слишкомъ явно вскрыла всю тевтонскую низменность натуры. До войны про эту «низменность» германскаго духа почти совсѣмъ не говорили, хотя она давно уже сказывалась. Кайзеръ проявилъ себя варваромъ еще въ 1900 году 29 іюля — при отправленіи германскихъ войскъ въ Китай, когда онъ напутствовалъ своихъ солдатъ слѣдующими словами:

«Пощады не давать и плѣнныхъ не брать! Всѣ, кто попадетъ въ ваши руки, будутъ въ вашей власти!»

Всѣ военные германскіе писатели особенно поощрялись Вильгельмомъ за грубые выпады по адресу другихъ державъ.

Вся Пруссія во главѣ съ своимъ императоромъ захлебывалась отъ восторга,

Говорятъ, что Вильгельмъ психически боленъ. Но развѣ не больна тою же болѣзнью вся Германія?!

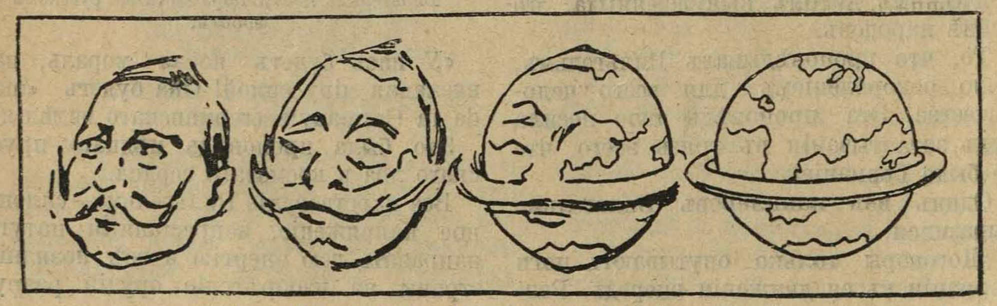
Не спеціальная ли это для Германіи болѣзнь, называемая тевтонскимъ озвѣрѣніемъ?!

У Вильгельма для Германіи оказывается даже «свой старый Богъ», исключительно покровительствующій нѣмецкому народу.

Этотъ «старый германскій Богъ» долженъ повергнуть всѣ остальные народы подъ стопы германскаго императора.

Стремленіе онѣмечивать всѣ побѣжденные народы издавна вошло въ систему германскихъ управителей и успѣшно продолжалось до сихъ поръ.

Вильгельмъ такъ же, какъ и хищные предки его, продолжаетъ смотрѣть на славянство, какъ на «навозъ», и на

Мечта Вильгельма о міровомъ господствѣ (карикатура).

Англійскія карикатуры на Вильгельма.

костяхъ и крови этого «навоза» замышляетъ созиданіе еще большаго нѣмецкаго могущества.

Мицкевичъ въ «Конрадѣ Валленродѣ», характеризуя безпощадное варварство тевтоновъ, указываетъ на историческіе факты. Нашествіе нѣмцевъ онъ сравниваетъ съ безпощадной чумой, изрыгающей свое тлетворное дыханіе на десятки тысячъ несчастныхъ людей.

«Тамъ, гдѣ проходили нѣмцы,—говоритъ онъ,—цѣлыя страны превращались въ могилы».

Не то же ли самое мы видимъ теперь?

Развѣ безпощадный кровожадный кайзеръ Вильгельмъ не отдалъ приказанія своимъ озвѣрѣвшимъ полководцамъ стирать съ лица земли десятки селъ и городовъ? Развѣ онъ не злорадствуетъ, когда орудійнымъ огнемъ разрушаютъ вдребезги священные историческіе памятники искусства и величественные храмы и соборы?!

На увѣщанія папы прекратить бомбардировку Реймскаго собора, кайзеръ отвѣчаетъ тѣмъ, что приказываетъ еще усиленнѣе громить святыню.

Гдѣ же культура германская? Не сплошной ли она дьявольскій размахъ бездушнаго машиннаго механизма, лютой звѣриной тупоголовости, повальнаго безсердечія и техники, техники и техники—вплоть до абсолютнаго умерщвленія духа.

Какъ нельзя больше характеризуетъ тиранство германцевъ памятникъ «Великому Курфюрсту» на одномъ изъ мостовъ Берлина.

Огромная массивная фигура тевтонскаго рыцаря, грузно сѣвшая на такого же огромнаго тяжеловѣснаго коня.

Выраженіе лица рыцаря — надменно-дерзкое; мрачно-ожесточенные взоры съ презрѣніемъ устремлены на четыре прикованныя цѣпями къ пьедесталу памятника униженно-склоненныя человѣческія фигуры. Послѣднія олицетворяютъ собою тѣ народы, которые Германія съ злорадствомъ повергла въ полнѣйшее рабство. Къ этимъ четыремъ униженно склоненнымъ фигурамъ нѣмцы жаждутъ присовокупить и двѣ другія, долженствующія олицетворять собою Россію и Францію.

Ни въ одномъ государствѣ всего земного міра, кромѣ Германіи, нѣтъ ничего подобнаго въ изображеніи памятниковъ. Только одна Германія способна проповѣдывать тиранію и вражду ко всѣмъ, кто не германецъ.

Грубъ и невѣжественъ тотъ народъ, который воздвигаетъ такіе памятники.

Современные тевтоны ничѣмъ не отличаются отъ древнихъ, опустошавшихъ Галлію, Испанію, Италію, а въ 455 году напавшихъ на Римъ и грабившихъ его въ продолженіе 14 дней, при чемъ всѣ произведенія искусства были уничтожены съ звѣрской безпощадностью.

Если мы заглянемъ въ книги военныхъ и даже профессорскихъ круговъ современной Германіи, мы воочію убѣдимся—какое безчеловѣчіе насаждается въ гущѣ нѣмецкихъ народныхъ массъ.

Одинъ изъ нашихъ талантливыхъ публицистовъ справедливо замѣчаетъ:

«Нѣмецкой культурѣ нечего сказать міру. Это—культура пушекъ, машинъ, культура внѣшней чистоты и порядка, культура колбасы и сосисекъ, надъ которыми не безъ причины смѣются русскіе и англичане.

За нѣсколько дней до войны Вильгельмъ сказалъ имперскому канцлеру:

«Я нанесу неслыханный ударъ Россіи, этой инфузоріи, способной размножаться путемъ расширенія. Это—законъ эволюціи малоспособныхъ организмовъ. Это—сама цѣль ея роста. Я заткну ей ротъ, сдѣлаю ее нѣмой. Она не услышитъ и не увидитъ, какъ у нея отнимутъ руки».

До чего дошла Германія, воспитанная въ милитаризмѣ, наглядно видно изъ того, какъ превозносится нѣмецкій народъ съ церковной каѳедры.

«Нѣмецкій народъ,—провозглашаютъ германскіе священнослужители — народъ, избранный Богомъ, и его враги—враги Господа».

Каковъ этотъ богоносный народъ, мы явно видимъ по его безбожному инквизиторству при вступленіи въ занятые города и селенія.

Можетъ ли «избранный Богомъ» народъ вершить надъ мирными жителями безчеловѣчныя истязанія!

«Мы самая развитая нація, какая только есть, и дальше всѣхъ ушли въ наукѣ и искусствѣ!»—восклицаютъ нѣмцы.

Но мало этого. Профессоръ Реймеръ доказываетъ филологическимъ методомъ, что Іисусъ Христосъ является предвозвѣщеніемъ о грядущемъ германцѣ, такъ какъ буква «I» въ этомъ имени—фонетически равнозначущая съ «g», а «ss», переходитъ въ «r», и такимъ образомъ, изъ «Iesus» получается «Gerus», въ которомъ «us» есть не что иное, какъ свойственное латинскому языку окончаніе мужского рода, соотвѣтствуетъ нѣмецкому «man». Выходитъ «Iesus»—равно «German», т.-е. нѣмецъ».

Кронпринцъ.

Многіе увѣрены, что война началась благодаря вліянію наслѣдника германскаго престола.

Отчасти это такъ. Кронпринцъ сыгралъ немаловажную роль въ дѣлѣ развитія милитаризма за время своего пребыванія въ военныхъ сферахъ. Но еще задолго до его вліянія вся Германія уже была пропитана заносчивой спесью и умѣла относиться съ презрѣніемъ ко всему, что не было Германіей.

Кронпринцъ уподобился только волчонку, всосавшему съ молокомъ матери всѣ ея хищные инстинкты.

Кронпринцъ дышалъ тѣмъ же воздухомъ, какимъ дышала вся Германія, слишкомъ надменно закинувшая голову послѣ франко-прусской войны.

Какъ извѣстно, милитаристскіе круги Германіи давно уже требуютъ «разрѣшенія всѣхъ своихъ вопросовъ силою оружія».

Кронпринцъ былъ втянутъ въ это русло, какъ щепка втягивается въ быстро крутящійся водоворотъ.

Внушеніе кронпринцу «милитаристскихъ идей» дало такіе блестящіе результаты, что онъ сталъ бредить великимъ полководцемъ—Наполеономъ первымъ.

Кронпринцъ началъ съ того, что рѣшительно заполнилъ свое жилище изображеніями геніальнаго корсиканца. Великій полководецъ изображенъ во всевозможныхъ позахъ. На роскошной мраморной доскѣ надъ каминомъ Наполеонъ I въ позѣ «генія войны» увитый лаврами, слегка наклонившій го-

Англійскія карикатуры на Вильгельма.

Англійскія карикатуры на Вильгельма.

лову. Рядомъ у стѣны, на стеклянной доскѣ, положенной на кронштейны, императоръ Наполеонъ на красавцѣ конѣ, круто согнувшемъ свою сильную шею...

Дальше—рѣшительно вездѣ—на письменномъ столѣ, на этажеркахъ на столикахъ, на полкахъ, на шкапахъ и мраморныхъ колоннахъ,—всюду статуэтки великаго полководца. И если бы кто пожелалъ счесть огромное количество изображеній Наполеона во всѣхъ видахъ, навѣрное бы сбился со счета.

Но кронпринцъ великолѣпно знаетъ, сколько у него «Наполеоновъ», и съ нескрываемымъ самодовольствомъ могъ бы отвѣтить—триста!

Кронпринцъ буквально бредитъ Наполеономъ.

Величественная фигура великаго полководца грезилась во снѣ и наяву и рѣшительно не давала ему покоя.

«Во что бы то ни стало, но подняться на пьедесталъ всемірнаго побѣдителя!» помышлялъ про себя кронпринцъ и въ минуты кабинетнаго уединенія и во время блестящихъ мишурныхъ парадовъ, когда цѣлыя сотни саженныхъ гренадеровъ грузнымъ шагомъ проходили передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ.

Гремѣла музыка, и вдохновенный кронпринцъ уже отождествлялъ свою персону съ полководцемъ.

«Съ моими гренадерами, съ моею гвардіей я удивлю весь міръ своимъ побѣднымъ шествіемъ!» мятежнымъ вихремъ проносились въ головѣ кронпринца боевые помыслы, и ближе придвигалась къ нему искушающая тѣнь великаго полководца. Она терзала, мучила и въ то же время ласкала душу его неизъяснимымъ наслажденіемъ.

«Для чего же всѣ эти прекрасныя войска въ моемъ распоряженіи, какъ не для того, чтобы окружить меня ореоломъ безсмертной славы», разсуждалъ онъ.

«Къ славѣ же, къ славѣ и неисчислимымъ побѣднымъ лаврамъ, которыхъ не видѣлъ даже «тотъ», чье имя записано на скрижаляхъ.

«Впередъ же, впередъ, мои славные гренадеры! Я уже вижу на вашемъ челѣ вѣнецъ міровой славы!»

Дальше этого кронпринцъ не шелъ. Вся его жизнь укладывалась въ узкія казарменныя рамки. Оружіе, которымъ онъ владѣлъ, требовало крови. Кронпринцъ не могъ удовлетвориться однимъ сіяніемъ мишурныхъ парадовъ. Его могла удовлетворить только пролитая человѣческая кровь. Несмотря на свои 32 года, кронпринцъ въ сущности все еще оставался штыкъ-юнкеромъ, готовымъ каждую минуту бряцать своимъ оружіемъ.

Личность кронпринца ничѣмъ не замѣчательна; внѣшность его заурядна; на некрасивомъ лицѣ нѣгъ никакого отсвѣта внутренняго содержанія.

По виду это обычный армейскій офицеръ, типъ котораго распространенъ въ Германіи тысячами. Даже героизмъ кронпринца какого-то лубочнаго свойства.

Кронпринцъ естественный результатъ Бисмарковской эпохи, провозгласившей своимъ девизомъ: «Сила есть право». Воспитанный въ духѣ «желѣза и крови», онъ такъ и замкнулся въ этомъ узкомъ кругу, рѣшительно отказавшись отъ всякой попытки расширить горизонты своего мышленія.

Германія только и дѣлала, что усиливала свое военное могущество.

Вся прусская идеалогія сказалась въ крупповскихъ заводахъ.

«Эта «крупповщина» послѣдняго времени рѣшительно душила въ германскомъ

Англійскія карикатуры на Вильгельма.

народѣ какіе бы то ни было идейные ростки, провозглашая силу—правомъ. Благодаря такому неустанному внушенію, размахъ солдатской прусской силы постепенно превращался въ безгранично жестокую грубость. Въ сущности говоря, вся современная Германія — это ограниченный коснѣющій въ казарменной муштрѣ русскій вахмистръ.

стало очевиднымъ, что подобная культура германскаго народа надолго станетъ отдавать специфическимъ казарменнымъ духомъ, тормозя, такимъ образомъ, прогрессъ другихъ народностей, вынужденныхъ тянуться за Германіей, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ ея девизомъ: «Сила есть право».

Ни одна изъ странъ всего міра не достигала въ наше время той степени національнаго эгоизма, которымъ напитывалась какъ губка водою вся жаждущая пушечной славы Германія.

Больше всего кронпринцъ боится мысли, далеко ушедшей отъ милитаризма. Значеніе меча для воинствующаго генералъ-лейтенанта важнѣй всего. Все, что не связано съ мечомъ, по выраженію кронпринца, является анеміей мысли.

«Намъ нужно побольше эгоизма и рѣшимости, питаемыхъ увѣреннымъ самосознаніемъ», провозгласилъ онъ въ своей рѣчи.

«Народу, который не хочетъ захирѣть, нужно крѣпящее лѣченіе желѣзомъ».

Такую «жестокую культуру» проповѣдывалъ кронпринцъ, совершенно пренебрегая высшими человѣческими идеями. То, что унижаетъ человѣческое до-

Армія запасныхъ императора Вильгельма (карикатура).

Былъ далекъ отъ всякой тонкости и пресловутый кронпринцъ.

Міровое положеніе Германіи преслѣдовало его неотступно. Это положеніе должно было созидаться «милитаристическимъ гипнозомъ». «Вся культура Германіи должна всходить на дрожжахъ милитаризма». Для всей Европы

стоинство—побоище войны—кронпринцъ превозносилъ.

И дальше:

«Намъ, нѣмцамъ, не нуженъ гармоническій и мирный прогрессъ всѣхъ народовъ».

Этой послѣдней фразой кронпринцъ окончательно объяснилъ, къ чему онъ

стремится, рѣшительно отказываясь отъ какихъ бы то ни было началъ возвышенной человѣческой культуры.

Пули «думъ-думъ» пущены въ дѣло по настоянію кронпринца.

Говорятъ, что даже самъ Вильгельмъ былъ нѣсколько смущенъ, выслушивая отъ сына столь безчеловѣчное предложеніе, но кронпринцъ ничтоже сумняшеся отвѣтилъ:

«Война есть война, и нечего сентиментальничать! Эти пули должнымъ образомъ подѣйствуютъ на психику врага».

Послѣ объявленія Австро-Венгріей войны Сербіи кронпринцъ воспрянулъ духомъ. Завѣтныя мечты его должны были осуществиться. На его долю выпадала роль полководца арміи.

На военномъ совѣтѣ, состоявшемся въ Берлинѣ, кронпринцъ открыто заявилъ:

«Въ сущности Германія готовилась къ войнѣ съ Россіей давно, готовилась къ ней съ самаго окончанія франко-прусской войны, когда она увидѣла себя во весь ростъ своего могущества и доблестной славы. Наши пушки готовы, наша армія и мои гвардейцы рвутся въ бой, какъ львы. Отнынѣ карта Европы должна быть измѣнена. Франціи больше не существуетъ, а Россія,—это огромная куча навоза, которую мы сожжемъ безъ всякаго затрудненія. Наша армія по своей колоссальнѣйшей мощи—первая въ мірѣ, и тягаться съ нею никто не сможетъ безъ того, чтобы въ скоромъ времени не запросить о пощадѣ».

Два богобоязненныхъ монарха по колѣно въ человѣческой крови (карикатура).

Мечты и действительность о завтракѣ въ Парижѣ (карикатура).

«Мы давно уже готовимся къ побѣдоносной войнѣ, и въ тѣхъ странахъ, на которыя долженъ быть направленъ нашъ сокрушающій ударъ, тщательнѣйшимъ образомъ собираются свѣдѣнія о боевыхъ способностяхъ и снаряженіи противника. Отъ послѣдняго рестораннаго лакея до министра встанетъ вся Германія для расширенія своего могущества. Намъ никто не страшенъ».

И кронпринцъ самодовольно улыбнулся и звякнулъ шпорой съ задоромъ впервые надѣвшаго мундиръ юнкера.

«Въ Россіи, которой многія державы такъ серьезно опасаются, почва для

вспышки блистательно подготовлена нашими неустанными сотрудниками, обильно населяющими всю россійскую территорію,— продолжалъ онъ,— всѣ россійскіе лѣса сплошь набиты нашими усердными соотечественниками. Это наша точнѣйшая топографія. Всѣ лѣсные участки, всѣ шоссейныя дороги, всѣ поля, пересѣченныя извилинами рѣкъ, запечатлѣны на планахъ и до

Германскій кронпринцъ послѣ пораженія на французскомъ фронтѣ (карикатура).

послѣдней точности измѣрены. Мы будемъ прекрасно освѣдомлены о той мѣстности, въ которой намъ придется наступать. Къ тому же надо обратить вниманіе на Петербургъ. Въ сущности, это скорѣе нашъ нѣмецкій городъ, чѣмъ русскій. Возьмите вкупѣ всѣ промышленные, торговые и даже политическіе центры и вы убѣдитесь въ нашей геніальной тактикѣ, опутавшей Россійское государство неисчислимыми ячейками сѣти, въ которыхъ безпомощно барахтаются россіяне. И все это только потому, что мы одинъ изъ могущественнѣйшихъ народовъ! Мы сумѣли многое взять и геніальной дипломатіей и мощной угрозой, когда это слѣдовало. Мы не разъ уже «нажимали» на Россійское государство, и оно вынуждено было преклониться передъ нашей мощью. Эти варвары-россіяне ослаблены въ данное время нашей безпрерывной агитаціей въ сторону забастовокъ. Въ Петроградѣ ежедневно и ежечасно происходятъ кровавыя столкновенія рабочихъ партій съ полиціей. Нужное сѣмя нами брошено и взошелъ тотъ плодъ, котораго мы ожидали. Не сегодня—завтра политическіе раздоры въ Россіи примутъ грандіозный характеръ, и Россія станетъ на рубежѣ событій 1905 года. При подобномъ настроеніи общественныхъ массъ Россію можно будетъ взять «голыми руками», и мы возьмемъ ее однимъ молніеноснымъ ударомъ, какъ и Францію. Наши два фронта — это два тягчайшихъ стальныхъ молота, подъ которыми въ сущности окажется мягкое олово, изъ котораго мы вылѣпимъ все, что намъ угодно. Господа! Я уже вижу грядущую всемірную славу Германіи! Она должна возсіять надъ всѣмъ міромъ! Мы должны итти по стопамъ Фридриха Великаго, основателя прусскаго могущества! О, мы докажемъ всему міру, что для него осталось только одно: преклониться передъ нашей неисчерпаемой силой. Наша артиллерія и наша конница поразятъ весь міръ своими превосходнѣйшими качествами. То, что есть въ нашей артиллеріи (намекъ на 42-сантиметровыя пушки), должно потрясти всѣ воюющія съ нами державы. Прахъ и пепелъ останутся на мѣстѣ недавнихъ вражескихъ крѣпостей. Мы всесильны!—уже чуть ли не задыхаясь отъ кроваваго боевого восторга воскликнулъ кронпринцъ, дружественнымъ взглядомъ окидывая главу берлинской полиціи фонъ-Ягова и своего второго любимца—графа Ольденбурга, извѣстнаго своей крылатой фразой о лейтенантѣ и десяти солдатахъ, «которые по приказанію императора, могутъ въ любой моментъ разогнать рейхстагъ».

Кронпринцъ все съ бо̀льшимъ энтузіазмомъ продолжалъ: «Вы—послѣдователи моихъ идей — знаете уже, что я заявилъ себя сторонникомъ разрѣшенія всѣхъ міровыхъ вопросовъ остреемъ меча. И теперь, наконецъ, настала желанная минута, когда мы смѣло можемъ наброситься на врага и безграничнор асширить свои владѣнія. Я одоб-

ряю мнѣніе майора Фробеніуса, доказывающаго въ своей книгѣ, что настало, наконецъ, время безпощадно громить Россію и Францію, и что разгромъ этотъ вполнѣ осуществимъ при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находятся оба нашихъ противника. «Теперь или никогда!» воскликну я вмѣстѣ съ майоромъ Фробеніусомъ! Носh!.. Носh!.. Да здравствуетъ Германія!»

Всѣ присутствовавшіе, какъ одинъ человѣкъ, поднялись съ своихъ мѣстъ и слили воедино свои клики съ кликомъ кронпринца. Одинъ изъ генераловъ обратился къ кронпринцу съ словами:

«Ваше высочество! Россія стремительными шагами подвигается въ области боевой техники. Ея военныя преобразованія и усовершенствованія заслуживаютъ должнаго вниманія. Еще два, три года напряженной дѣятельности, и отъ прежней Россіи — до періода русско-японской войны—не останется и намека. На арену политической дѣятельности выступитъ могущественнѣйшая нація, опирающаяся на непобѣдимую армію. Вы правы, ваше высочество, провозглашая своимъ девизомъ: «Теперь или никогда!» Я вполнѣ солидаренъ съ вашимъ разумнымъ рѣшеніемъ.

Кронпринцъ закинулъ голову и надменно отвѣтилъ генералу:

— Относительно «непобѣдимости русской арміи» я съ вами не согласенъ... Нѣтъ той арміи въ мірѣ, которую бы Германія не смогла побѣдить. Но, разумѣется, послѣ будетъ труднѣе побѣдить, чѣмъ теперь. А потому, пока не поздно — воспользуемся болѣе легкой побѣдой. Нѣсколько молніеносно брошенныхъ тарановъ—и врагъ бѣжитъ».

Во время этого военнаго совѣщанія, кайзеръ отсутствовалъ.

Неудержимо стремящійся къ боевымъ выступленіямъ кронпринцъ даже не подумалъ считаться съ мнѣніемъ своего престарѣлаго родителя. Онъ отлично учитывалъ ультра-милитаристское настроеніе военныхъ круговъ, и всѣ тѣ доводы, на которые не могъ бы не сдаться и самъ—любящій театральные боевые жесты и заносчивыя лаконическія фразы родитель—Вильгельмъ.

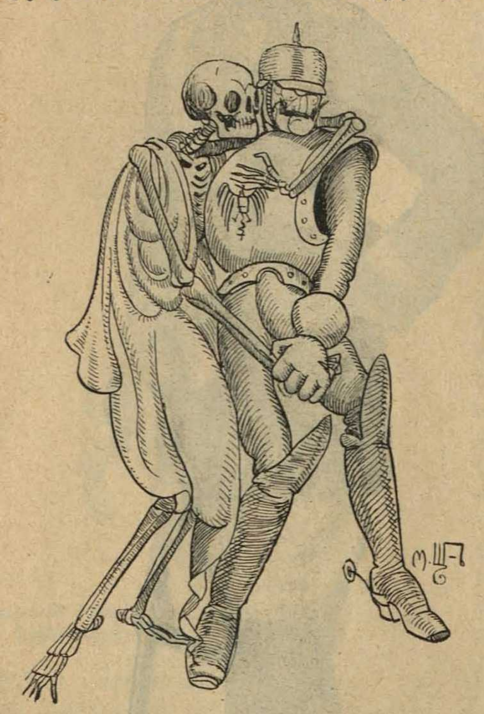
Германскій кронпринцъ Вильгельмъ.

Послѣдній, если и не прочь былъ отъ войны съ Россіей и Франціей, все еще не рѣшался на рискованный боевой шагъ. Удерживали его отъ этого слиш-

комъ излюбленныя меркантильныя соображенія.

Въ сущности Вильгельмъ оказался скорѣе хорошимъ купцомъ, чѣмъ патентованнымъ военнымъ. Многія торговыя предпріятія, въ которыхъ анонимно участвовалъ кайзеръ, поглощали все его вниманіе.

По этому поводу кронпринцъ въ кругу своихъ излюбленныхъ друзей не

Германскій союзъ со смертью (карикатура).

преминулъ чистосердечно высказаться: «Отецъ мой недавно провозгласилъ во всеуслышаніе: «Я защищаю нѣмецкаго купца. Его врагъ — и мой врагъ». Но мой отецъ заблуждается, если думаетъ, что «презрѣнная погоня за наживой свойственна душѣ германскаго народа».

Кронпринцъ, очевидно, имѣлъ совершенно превратное понятіе о германскомъ народѣ, предполагая въ немъ стремленіе къ рыцарскимъ боевымъ выступленіямъ ради химерической славы.

Нѣтъ болѣе меркантильной, мелочной и безбожно грабящей націи, чѣмъ Германія — это воочію показываетъ современная война.

Кронпринцъ открыто порицалъ своего родителя за его дружбу съ крупными коммерсантами и пришелъ къ тому убѣжденію, что въ дѣлѣ войны можно обойтись и безъ почтеннаго», слишкомъ ужъ «меркантильнаго родителя».

Когда Вильгельмъ вернулся въ Берлинъ, военная почва была уже подготовлена и атакованный со всѣхъ сторонъ кайзеръ тотчасъ же втянулся въ безумную военную авантюру. Въ меркантильной головѣ его разомъ вспыхнула неистощимая жажда наживы за счетъ разгромленныхъ Россіи и Франціи.

Онъ вспомнилъ милліарды Франціи семидесятаго года.

«Обнаженнымъ мечомъ можно пріобрѣсти сокровищъ во сто разъ больше чѣмъ мирнымъ путемъ!»

«Впередъ же, впередъ, мои гренадеры!» — захлебываясь воскликнулъ вслѣдъ за сыномъ Вильгельмъ.

Безконечная пошлость нѣмецкаго шовинизма заставила его обнажить мечъ противъ дружественныхъ націй.

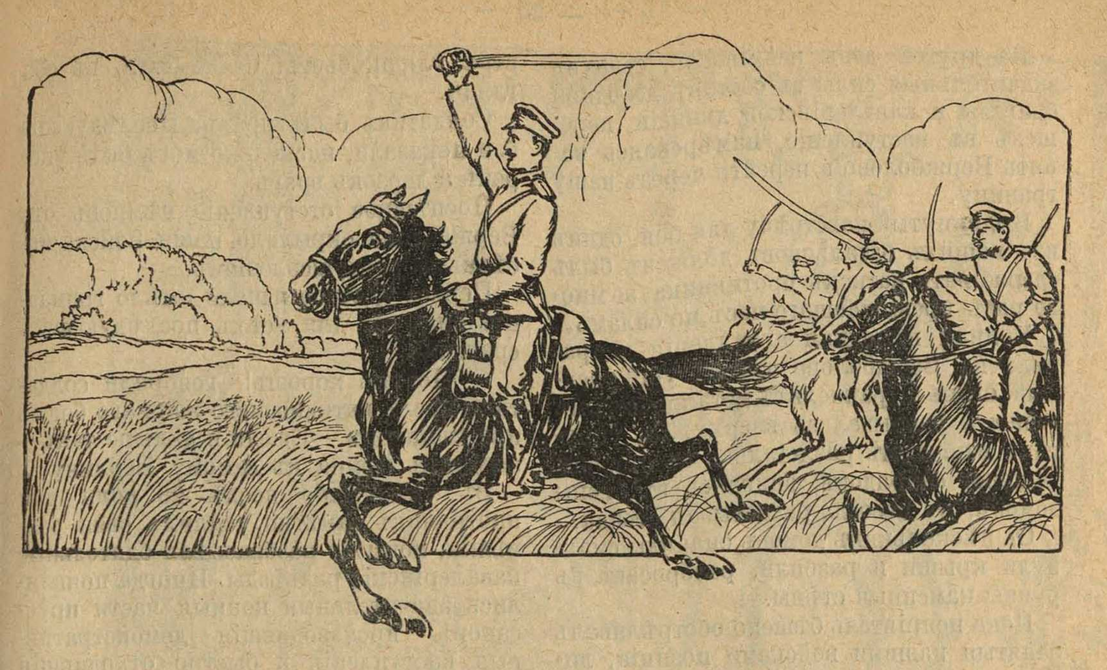
Доказывая почтенному родителю необходимость войны противъ Россіи и Франціи, кронпринцъ воскликнулъ:

— Повторяю тебѣ, отецъ: Россію можно взять голыми руками. Во-первыхъ, она не успѣетъ ко времени мобилизоваться, а во-вторыхъ, Петроградъ, какъ тебѣ извѣстно, уже наканунѣ революціи. За столицей послѣдуетъ вся Россія. Подобные внутренніе безпорядки смертельны для народа, которому объявлена война. Княжество Финляндское, Царство Польское—все это обрушится заодно въ пьяной революціонной вакханаліи. И подобную минуту упустить?! Да это было бы величайшей глупостью со стороны всесильной Германіи».

И снова загремѣло нѣмецкое «Носһ».

И германская армія во главѣ съ гвардейскими гренадерами двинула свои полчища въ предѣлы Франціи и Россіи.

Первыя лихія стычки нашей кавалеріи.

Очеркъ *Б. М. Скубенки-Яблоновскаго.*

Непріятель находился невдалекѣ, но гдѣ именно онъ засѣлъ, подстерегая наше передвиженіе, никто не зналъ.

Наканунѣ цѣлый эскадронъ нѣмецкихъ гусаръ надменно прогарцовалъ вблизи нашей сторожевой заставы, затаившейся за надежнымъ прикрытіемъ изъ кустовъ и травы.

Нѣмецкіе гусары появились во всей своей мишурной пестротѣ: въ красныхъ штанахъ, въ голубыхъ доломанахъ, на прекрасныхъ изящныхъ коняхъ.

Казалось, что они совершаютъ парадную прогулку, нисколько не думая о войнѣ. И такъ и читалось во всѣхъ движеніяхъ и выправкѣ перворазрядной конницы безмѣрное бахвальство своимъ положеніемъ «наилучшей въ мірѣ кавалеріи».

Дойдя до нашихъ авангардныхъ частей, гусары боя не приняли, быстрымъ галопомъ унесясь въ обратную сторону...

Съ нашей стороны провизжали первыя пули вдогонку пестро-наряженному противнику.

Солдаты, лежа за прикрытіемъ, посмѣивались про себя:

— Вишь нарядились, колбасники!.. Точно на парадъ. Со всей премуссіей... А покатили шибко назадъ!

Едва только скрылся за холмистой мѣстностью гусарскій эскадронъ, какъ слѣва въ двухверстномъ разстояніи отъ нашихъ авангардовъ изъ-за высокаго бурга тотчасъ показался другой кавалерійскій разъѣздъ.

Появился онъ какъ-то внезапно, словно мгновенно выросъ изъ-подъ земли.

Остановился на минуту, всмотрѣлся по сторонамъ и маршъ-маршемъ, подъ угломъ отъ нашихъ аванпостовъ, поскакалъ въ направленіи длинной узкой полосы лѣса надъ оврагомъ...

«Тахъ-та-тахъ-тахъ!»... раздалось изъ нашей засады, и два нѣмецкихъ всадника на всемъ скаку свалились на землю. Одна изъ лошадей споткнулась, вскинулась было кверху и грузно грохнулась съ разбѣга..

Нѣмецкій отрядъ даже не огянулся на сраженныхъ пулями своихъ солдатъ а только круто свернулъ влѣво и махомъ, на-утекъ, пошелъ по прямой линіи...

Ночь прошла спокойно.

На другой день непріятель, стянувъ значительныя силы въ составѣ до одной бригады и кавалерійской дивизіи, перешелъ въ наступленіе, намѣреваясь занять Вержболово и перейти черезъ нашу границу.

Выдвинутый навстрѣчу для боя, одинъ изъ нашихъ батальоновъ долженъ былъ сдерживать натискъ противника, во много разъ превышавшаго насъ по силамъ.

Конная нѣмецкая артиллерія направила на Вержболово частый убійственный огонь. Шрапнель съ металлическимъ стономъ разрывалась вверху. Съ упругимъ взвизгомъ разлетались въ стороны осколки снарядовъ, впиваясь въ стѣны домовъ, въ песокъ, разметывая стекла...

Съ нѣсколькихъ домовъ снаряды смахнули крыши и разбили, разбросавъ въ руины каменныя стѣны.

Пока непріятель бѣшено обстрѣливалъ занятыя нашими войсками позиціи, лихая кавалерія наша была брошена на Эйдкуненъ.

Блеснули въ воздухѣ шашки...

— Въ атаку, ребята!

Кавалерійская бригада противника, предвидя атаку нашей конницы, показала тылъ.

Всполошенной лавиной ринулись въ бѣгство пруссаки. Вслѣдъ за ними дрогнули и, отстрѣливаясь, стали отступать и пѣхотныя части 33 полка, понесшія при отступленіи серьезныя потери.

Противникъ понесъ при этомъ первомъ рекогносцировочномъ боѣ потери до тысячи человѣкъ.

Наши солдаты въ одинъ голосъ заявляли:

— Вотъ онъ каковъ, нѣмецъ-то?! Не важенъ—шибко улепетываетъ. А мы думали того—кавалерія у нихъ первый сортъ...

— Погоди, не размялись еще нѣмцы...—съ усмѣшкой замѣчали другіе.

— Дай ему обойтись немного съ нашими... Вѣдь это онъ, можетъ, такъ себѣ изнарошно кидается въ оступленіе, чтобы нашихъ въ ловушку завести.

— Ужъ и въ ловушку?! Экій трусливый! Сидѣть бы тебѣ въ деревнѣ на печи да кусать колачи...

— Ладно, разсказывай себѣ, да только знай, ротъ не разѣвай. На войнѣ всякое бываетъ. Сегодня отступаетъ, а завтра, гляди, бьетъ. Стало-быть, въ оба гляди.

Солдатикъ былъ правъ. Послѣдующіе бои показали, насколько могъ быть упоренъ и дерзокъ врагъ.

Поспѣшное отступленіе нѣмцевъ отъ Вержболова окрылило наши войска побѣднымъ воодушевленіемъ.

Первое удачное начало имѣло громадное значеніе для всѣхъ послѣдующихъ сраженій.

— Починъ хорошъ!—говорили солдатики послѣ пятидневнаго жаркаго боя съ противникомъ.—Ежели и дальше такъ—загонимъ нѣмца къ самому Берлину.

Въ слѣдующіе послѣ 26 іюля дни противникъ замѣтно усилилъ свои развѣдки, повсюду разбрасывая бдительные кавалерійскіе разъѣзды. Иногда появлялись значительныя конныя части пруссаковъ, производившія демонстративныя наступленія и быстро отходившія подъ прикрытіемъ пѣхоты при намѣреніи нашей конницы броситься въ атаку.

Выступавшая на защиту конницы прусская пѣхота несла тяжелыя потери отъ нашего мѣткаго ружейнаго огня.

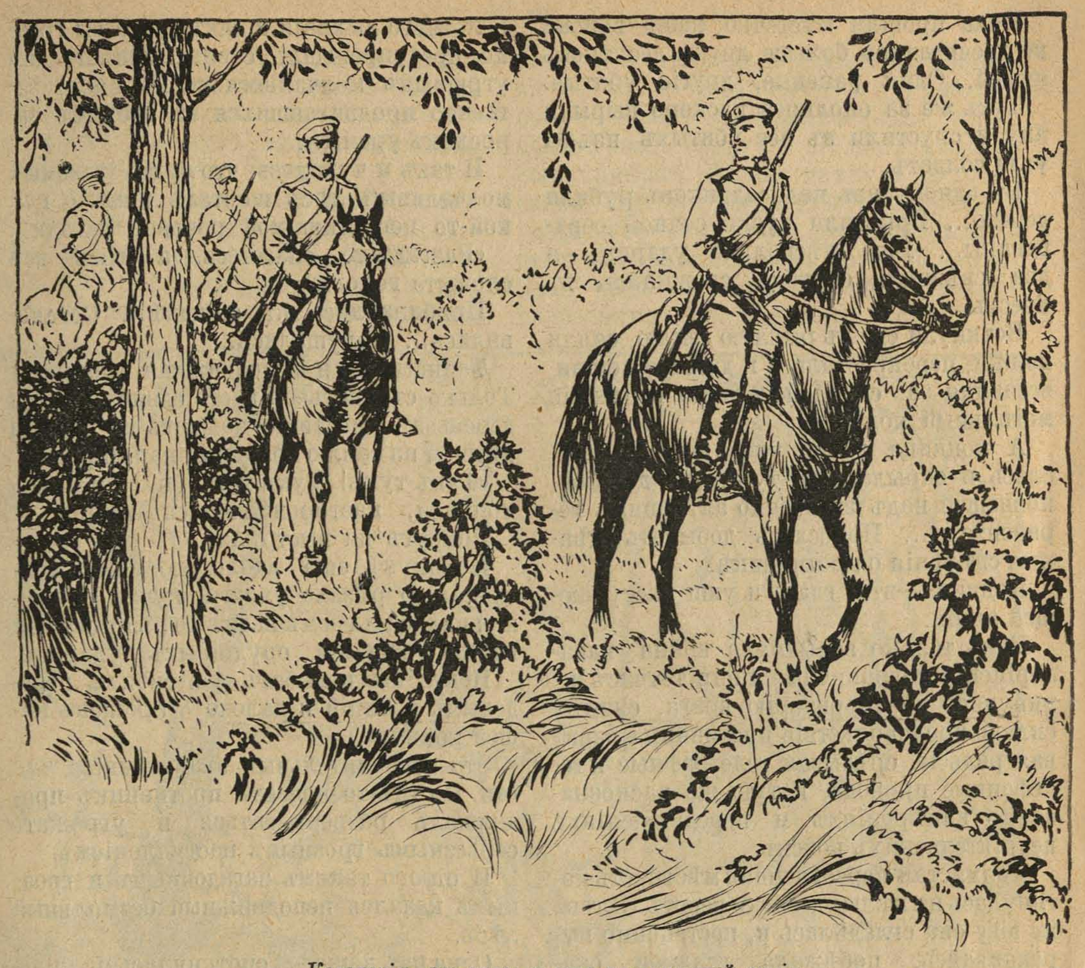
Германцы при первыхъ столкновеніяхъ съ нашими авангардными частями не могли похвастаться мѣткостью ружейной стрѣльбы.

— Плохо стрѣляютъ...—неоднократно раздавалось со стороны нашихъ сѣрыхъ богатырей.—Ему бы подучиться маленько не мѣшало.

— Подучится...—острили другіе.—Нешто мало мишеней будетъ?

— Это вѣдь такъ себѣ—играемся пока....—ввертывали свое словцо болѣе опытные, побывавшіе въ огнѣ русско-японской войны унтеръ-офицеры,—перегуиваемся, а зайдетъ споръ у насъ посильнѣй—здорово начнемъ свинцомъ плеваться. И они и мы—ладно пристрѣляемся. И не смотри, братцы, на врага, какъ на махонькаго ребенка, что нетрудно руками взять. Смотри на него серьезно,—какъ на силу большую, тогда не дрогнешь ни въ какую минуту. Будешь заранѣе знать, что тебѣ придется всю силу свою напрячь.

Отбросивъ нѣмцевъ къ ихъ фатерланду, наши войска двинулись дальше, занимая по пути небольшія мѣстечки.

Кавалерія—это глаза и уши наступающей арміи.

Едва только головныя части батальона вдвинулись въ околицу одного изъ поселковъ, какъ со всѣхъ сторонъ изъ оконъ и подваловъ засвистали пули... Нѣсколько нашихъ солдатъ свалились на землю, другіе въ какомъ-то странномъ удивленіи схватились руками за грудь и бока... А вслѣдъ за первымъ жаднымъ посвистомъ пуль пронзительно взвизгивали уже цѣлые рои другихъ, выпущенныхъ засѣвшимъ въ стѣнахъ коварнымъ противникомъ.

Снова, какъ сѣрые мѣшки, обрываются къ землѣ наши защитники родины, а другіе въ это время направляютъ ожесточенный огонь по первымъ попавшимся на глаза окнамъ.

Свистятъ и жужжатъ въ какомъ-то бѣснующемся хаосѣ десятки и сотни пуль, съ острымъ чоканіемъ ударяются онѣ о желѣзныя крыши и каменныя стѣны домовъ... Звенитъ разбитое вдребезги стекло... Нѣкоторые изъ нашихъ солдатъ—по два и по три человѣка—съ ружьями на-перевѣсъ кидаются къ дверямъ, взламываютъ ихъ и со штыкомъ набрасываются на засѣвшаго врага.

Расправа ожесточенная, но короткая.

На штыкахъ еще дымится человѣческая кровь... Тяжелые стоны раненыхъ смѣшиваются съ чоканіемъ и посвистомъ мятущихся пуль.

— Экій подлый народъ!—съ негодованіемъ восклицали наши, неожиданно попавшіе подъ разстрѣлъ изъ оконъ, солдаты. — Такъ и норовитъ онъ все изъ-за угла... Злобствующій народъ!

Пока прошли мѣстечко, наши войска не досчитались больше двухъ десятковъ людей. Одни раненые, другіе убитые.

Тутъ же за околицей наскоро вырыли яму и опустили въ нее убитыхъ изъ-за угла солдатъ.

Въ одномъ изъ палисадниковъ рубили дерево... Брызгали куски сочной сердцевины... Еще нѣсколько ударовъ—и два свѣжихъ отрубка сложились въ крестъ.

Воткнули его въ рыхлую землю, сняли шапки, перекрестились и дальше пошли, оставляя за собой негаданно вспухшій могильный холмъ.

А конница давно уже вихремъ неслась и скрылась за туманной дымкой, повисшей надъ загадочно алѣющимъ горизонтомъ... Понеслась добывать цѣнныя свѣдѣнія о противникѣ.

Конница—это глаза и уши наступающей арміи.

Какъ только вспыхнула война, кавалерійскія пограничныя части тотчасъ же ринулись на территорію врага, сжигая склады продовольствія противника, взрывая рельсы, срѣзывая телеграфные и телефонные провода, и тутъ же распознавая о намѣреніяхъ и передвиженіяхъ непріятельскихъ войскъ.

Холмистая пересѣченная мѣстность потянулась на цѣлые десятки верстъ. Влѣво къ югу она сгладилась и, постепенно выравниваясь, побѣжала гладкой скатертью... А за нею, гдѣ-то вправо, выросла щетиной гривка кустарника, подбѣжала къ строевому лѣсу и вошла въ его угрюмую урему...

* * *

Это было уже далеко въ сторону.

Нашъ эскадронъ во главѣ съ командиромъ выѣхалъ на развѣдку въ районѣ лѣсистой пересѣченной мѣстности.

Надо было «освѣтить» значительное пространство въ западномъ направленіи отъ нашихъ пѣхотныхъ частей.

Мы выѣхали еще затемно, соблюдая возможную тишину.

Вдали, въ призрачной дымкѣ предутренняго тумана темными полосами проглядывалъ лѣсъ... Онъ то обнажался, то снова прятался въ ползучихъ космахъ болотнаго дыханія и какъ будто бы грозно предупреждалъ своимъ таинственно угрюмымъ молчаніемъ всѣхъ насъ, затаенно продвигавшихся къ густымъ зарослямъ уремы...

И такъ и чудилось, что будто угрюмый молчаливый лѣсъ шепталъ намъ о какой-то непостижимой роковой загадкѣ.

«Разгадаете—спасетесь, а нѣтъ—всѣ сложите головы!»

Приблизились къ опушкѣ... Остановились... Вслушались...

Таинственная неподвижная тишина... Только съ листьевъ густо сдвинувшихся деревьевъ отрывисто падаютъ на нижнія вѣтви и на землю холодныя капли росы.

«Тукъ-тукъ! Тукъ-тукъ» и снова безмолвная, насторожившаяся тишина.

Вокругъ ни выстрѣла.

Наканунѣ еще вдоль по линіи безпрерывно рѣзала ухо трескучая ружейная пальба и гремѣли гдѣ-то въ отдаленіи глухіе раскаты орудійныхъ ударовъ.

Врагъ былъ выбитъ изъ своихъ передовыхъ позицій и далеко отброшенъ нашей конницей.

Это незначительныя авангардныя части. Но гдѣ-то впереди противникъ продолжалъ развертываться и угрожать серьезнымъ грознымъ наступленіемъ.

И оттого такимъ загадочнымъ и грознымъ казался неподвижный безмолвный лѣсъ.

Одна изъ лошадей споткнулась на краю лѣсной лужи и хлюпнула копытомъ, насторожила уши, отрывисто фыркнула и замерла...

— Вотъ что, братцы...—тихимъ твердымъ голосомъ началъ эскадронный командиръ.—Пойдемъ мы всѣ вразбродъ. На трое разобьемся. Я пойду лѣсомъ надъ оврагомъ по одну сторону, вторая часть по другую, а третья влѣво отъ опушки. Такъ и пройдемъ подальше впередъ. Нѣмецъ затаился, должно-быть, не такъ ужъ и далеко. Нащупаемъ. Можно будетъ сцѣпиться съ нимъ — сцѣпитесь, нельзя—уходите.

Всѣ эти слова бывалый эскадронный командиръ произносилъ, какъ прирожденный охотникъ, собирающійся въ облаву на хищнаго звѣря. Ясные глаза его чуть примѣтно улыбались, и въ ихъ сосредоточенно - высматривающемъ выра-

женіи чуялось страстно - упорное стремленіе къ выслѣживанію врага. И мнѣ припомнились слова, сказанныя командиромъ наканунѣ нашей развѣдки у мирно пылавшаго костра:

— Развѣдка—это квинтъ-эссенція войны. Въ ней и романтика, и личные подвиги, и инициатива. Такой образъ военныхъ дѣйствій даетъ удовлетвореніе личнымъ стремленіямъ къ отвагѣ и геройству. А ужъ когда заговорятъ своимъ бѣшенымъ языкомъ пушки, это—вакханалія. неразбериха. Орудія противъ орудій плюются сотнями пудовъ желѣза, а ты сиди себѣ на мѣстѣ да изображай собою мишень. А въ нашемъ дѣлѣ хорошо: все выворачивай наружу, что есть у тебя изъ сметки, храбрости и ловкости. Удивляй противника нежданнымъ наскокомъ до помраченія разсудка, кидайся вихремъ на обозы, пускай къ небу краснаго пѣтуха, когда дорвешься до складовъ военныхъ припасовъ. Лихо и любо ходить на такія развѣдки! А сцѣпишься съ нѣмцемъ, вдосталь натѣшишься рубкой. Есть гдѣ саблю и руку испробовать. Нашъ «вахмистръ-дядя» испробовалъ какъ слѣдуетъ на мясѣ нѣмцевъ свой клинокъ. Двоихъ махнулъ съ такой силой, что отъ плеча до печени прошелъ ударъ, а тремъ другимъ, что наскочили на него, раскроилъ черепа до подбородка. Знай какъ съ нами воевать, нѣмецкіе колбасники! Это вамъ не свиней колоть, а съ русскими кавалеристами рубиться.

Цѣпь спѣшенныхъ кавалеристовъ.

«На этотъ разъ, — подумалъ я,— не миновать намъ стычки съ нѣмецкой конницей. До сихъ поръ уходила она отъ насъ, не принимая боя, да не все же ей прятаться? Теперь они собрались съ силами. Не сегодня—завтра закипитъ бой по всей линіи».

Мы разомкнулись..

— Въ добрый часъ!—молодцевато бросилъ командиръ.—Помните молодцы—въ руки враговъ живьемъ не даваться. Айда!

Тронулись. Мягко приникали къ землѣ лошадиныя копыта... Впереди у ручья, сползавшаго съ крутого холма, съ трескомъ сорвалась какая-то стая дикихъ птицъ...

Это сѣрыя куропатки. Мелькнули на мгновеніе въ глазахъ и также внезапно скрылись въ дымчатомъ дыханіи глубокаго разлога.. Я вспомнилъ объ охотѣ. Сравнительно недавно еще, совершенно не предвидя войны, многіе изъ моихъ товарищей строили планы охотничьихъ экскурсій. И вотъ мы уже попали въ русло совершенно другой охоты—охоты на людей.

Эта непредвидѣнная никѣмъ изъ насъ своеобразная охота такъ же заставляла напрягать все свое вниманіе, какъ охота на звѣря.

Выслѣживаніе и взвинченные нервы—все это было въ порядкѣ обычной охоты, и только сознаніе особенно угрожающей опасности и представленіе впереди себя человѣка вмѣсто звѣря, заставляло какъ-то странно содрогаться сердце и преждевременно рисовать передъ собою кровавыя схватки. Но возбужденный донельзя въ такія минуты разумъ находилъ какую-то особенную, невѣдомую до сихъ поръ лазейку и начиналъ съ этой новой своей позиціи доказывать, что въ сущности душа и сердце должны замолкнуть на время этихъ рекогносцировочныхъ экскурсій и только сметка, отвага, сила и твердая рука должны вступить въ отправленіе своихъ обязанностей.

Еще минута—и уже вполнѣ яснымъ и оформленнымъ становилось необычное исключительное положеніе.

«Если мы и охотимся за людьми, то не по своей винѣ. Наша охота—самозащита. Безумцы и дикари—тѣ, кто вынудилъ насъ къ войнѣ; и совѣсть наша спокойна, и рѣки неповинной крови, что отовсюду потекутъ по обширному пространству земли, не на насъ возопіютъ къ небу о справедливомъ возмездіи».

«Пьяный кровавый угаръ еще только начинается, — вихремъ проносилось въ моей возбужденной головѣ, — и люди не совсѣмъ еще ослѣпли, разсуждая объ ужасахъ войны. Но настанетъ время, когда на изуродованные окровавленные человѣческіе трупы станутъ смотрѣть съ такимъ же равнодушіемъ отупѣнія, какъ на обыкновенныя разсѣченныя дрова».

Долго мы ѣхали большимъ лѣсомъ...

Стало уже свѣтло. Птицы защебетали въ кудрявыхъ вѣтвяхъ деревьевъ. Солнце улыбалось такъ весело и радостно, что какъ-то забывалось о грозной цѣли развѣдки. По ясной голубой скатерти медленно плыли курчавыми барашками бѣлыя, щедро позолоченныя солнцемъ облачка. Воздухъ былъ напоенъ теплымъ лѣснымъ ароматомъ, а самый лѣсъ, казалось, только что всталъ на молитву послѣ недавняго пробужденія, умылся росой и застылъ въ неизреченномъ экстазѣ ликующей благодарности.

Еще продвинулись впередъ... Смотрю—лѣсъ немного порѣдѣлъ, деревья въ стороны раздвинулись, поляна выяснилась, а за нею сейчасъ же за мелкимъ кустарникомъ, словно изъ-подъ земли, цѣлый нѣмецкій эскадронъ выдвинулся... Продвигался параллельно опушкѣ...

Не успѣлъ я и глазомъ моргнуть, какъ ужъ они насъ примѣтили. Шаговъ четыреста—не больше. Некуда пятиться. А командиръ такъ и вскинулся. Шашка взвизгнула, да вскрикъ такой особенный, азартный рѣзанулъ по воздуху, словно длинное кнутовище хлестко жигануло подлѣ уха...

«Въ атаку!»

Рванулись и они...

Рука и не опомнилась, а ужъ шашка въ моихъ рукахъ наголо.

Рванулись на-галопѣ другъ противъ друга, какъ ошпаренные кипяткомъ, а слѣва, гдѣ-то сбоку, такъ и посыпалось, словно кто свинцовые орѣхи сверху обронилъ на чугунную доску...

«Тра-тахъ-тахъ! Трахъ-тахъ-тахъ! Та-тахъ!»..

Съ боковъ, надъ головами и подъ самыми копытами коней такъ и зажужжали бѣшенымъ дождемъ взметнувшіяся пули... Только пыль летитъ съ земли...

«Вжи-и-и-вжи—вжи-вжи!»..

Только что просвистѣли, а впереди уже грозной стѣной повисаетъ на глаза съ шашками наголо, прямо въ лобъ мчащаяся на насъ тяжелая нѣмецкая кавалерія...

Захватъ нашей конницей австрійскихъ обозовъ.

Словно грозная свинцовая лавина напираетъ она на наши втрое меньшія силы.

Въ представленіи мгновенно отражается грузный свинцовый массивъ впереди, и въ такое же мгновеніе ощущаешь себя въ сравненіи съ нимъ слишкомъ легковѣснымъ, почти невѣсомымъ, но искусно верткимъ и отчаяннымъ.

Одинъ противъ трехъ. Есть надъ чѣмъ поработать.

Въ мгновеніе ока кусты пролетѣли подъ ногами у лошадей, словно кто ихъ вырвалъ однимъ щипкомъ, и въ ту же секунду на всемъ разлетѣ скачки грузно сшиблись грудью остервенѣвшіе кони...

Какія-то странныя, непонятныя въ своемъ выраженіи озвѣрѣлыя лица, сцѣпленные зубы; каски точно надвинутыя на головы...

Нѣсколько лошадей отъ бѣшенаго разбѣга такъ неистово саданулись грудь о грудь, что тутъ же осѣли на заднія ноги... Мгновеніе—и все перепуталось, все закружилось и заплясало подъ ногами и во взорахъ... Горячей неистовой волной подхватило взбудораженную кровь и обожгло ею и голову, и руки, и грудь...

Весь ты словно раскаленный уголь, который подъ острымъ вихремъ все ярче да все грознѣе разгорается...

Сабли зацокали...

«Цокъ-цакъ-цокъ-цакъ, цокъ-цокъ-цокъ!

И не опомнился, какъ ужъ и на меня наскочилъ дюжій краснощекій офицеръ.. Только на мгновеніе и схватилъ его лицо, а въ другую секунду—все вниманіе на сабляхъ. Зазвенѣла и завизжала сталь...

«Цокъ-цакъ-цокъ!»

А сбоку слѣва попрежнему неистовая ружейная трескотня. Должно-быть, по нашимъ, что вдоль опушки пошли...

«Цокъ-цакъ, цокъ!» Зловѣще продолжаютъ звякать клинки отточенныхъ сабель, изловчаясь мгновенно рубануть..

Навалился на меня пруссакъ въ дикомъ озлобленіи. Нѣсколько удачныхъ ударовъ я отбилъ. Ожесточился онъ до бѣлаго каленія... Свистнула сабля надъ самымъ моимъ ухомъ... Едва отвелъ ударъ... Сабля моя какимъ-то чудомъ не шаркнула изъ руки... На трехъ пальцахъ задержалась... Изловчился, впился въ рукоятку всей силой, да сразу подъ каску нѣмцу въ щеку подлѣ глаза... Покачнулся, вскинулся въ сѣдлѣ—и наземь. А сбоку наши рубятся во всю. Нѣмцевъ ужъ половины нѣтъ. Окинулъ глазомъ на секунду всѣхъ своихъ рубакъ. Стойко держатся. Волчками вьются между тяжелыми конями нѣмцевъ, рубятся азартно... Грузно падаютъ пруссаки съ лошадей подъ копыта другимъ конямъ. Кости хрустятъ подъ копытами... И люди, и лошади словно ослѣпли и остервенѣли до послѣдней степени. Неистовая ярость охватила и коней. Люди озлобленно рубятся, а кони неистово грызутся, въ бѣшенствѣ щиплютъ другъ друга зубами за морды, за шеи, хрипятъ и мечутся...

Снова я на схваткѣ... Только что взглянулъ на всѣхъ, а ужъ двое насѣли на меня... Подался назадъ, а сабля въ рукѣ такъ и ходитъ и влѣво и вправо. Вижу—не сдобровать... Отвернулъ коня въ сторону, вздыбилъ его, а самъ тѣмъ временемъ въ секунду выхватилъ револьверъ... Саблю въ другую руку. Бросилъ коня впередъ, вытянулъ руку впередъ... «Ба-бацъ» — свернулся пруссакъ съ сѣдла. Другому послалъ выстрѣлъ—выкинулся и тотъ.

Отлегло отъ сердца. А вокругъ люди валятся—и пруссаки и наши. У самыхъ ногъ моей лошади вдругъ чей-то конь упалъ. Бьется кверху поднятыми ногами...

Смотрю—на командира нашего насѣло нѣсколько солдатъ. Едва увертывается...

Ловко вильнулъ въ сторону одинъ изъ нашихъ солдатъ, да разомъ шашкой пруссака по рукѣ. Такъ и булькнула сабля у того. Ротъ перекосило, а командиръ уже успѣлъ рубануть. Нѣтъ ужъ нѣмца на сѣдлѣ.. Застряла только въ стремени нога, и высокій мощный конь взметнулся на дыбы, въ бѣшеномъ испугѣ кромсая копытами путающееся подъ ногами человѣческое тѣло И еще и еще рубятся... Вотъ уже, кажется, совсѣмъ мало осталось ихъ. Не выдержали, дрогнули, назадъ повернули лошадей..

«Уррр-а-а! Урра-а!» такъ и впилось въ воздухъ неистовымъ потокомъ съ

нашей стороны, и всѣ мы ринулись вдогонку за врагомъ...

Бѣшенымъ галопомъ проскакали до оврага, да вдругъ надъ головами у насъ шарахнулась шрапнель... Брызнуло свинцомъ во всѣ стороны, да, слава Богу, мимо. Вихремъ несемся впередъ... Вотъ-вотъ настигнемъ тяжелую, убѣгающую отъ насъ конницу. Немного только—и дорвемся до нея, врубимся...

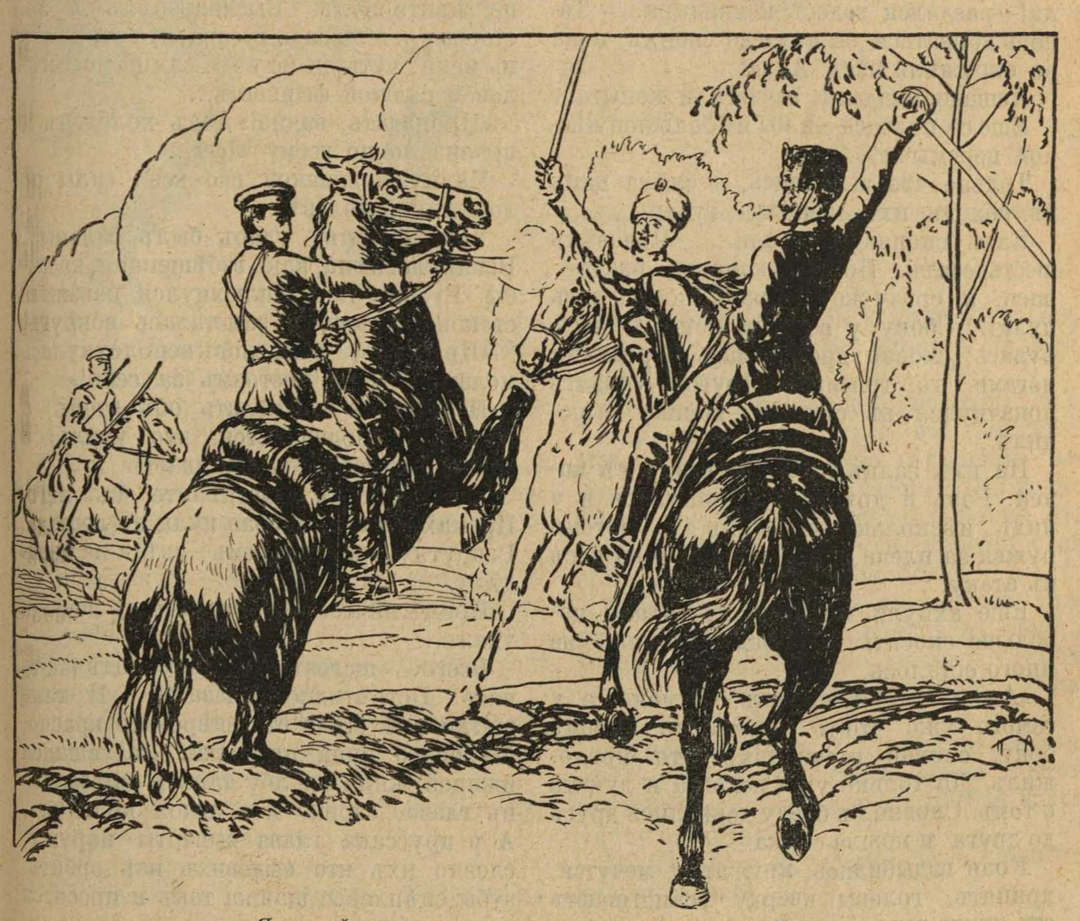
Глянулъ я вправо, а тамъ—не больше версты—чуть ли не два эскадрона на насъ прутъ, а немного лѣвѣе въ сторону—батарея... Только что мы у холма очутились—такъ и ахнула по насъ. Некуда дальше сунуться... Попали, что называется, между трехъ огней...

По командѣ вразсыпную да къ лѣсу...

А сзади садятъ, какъ бѣшеные... Снаряды рвутся далеко впереди... Дорвались до лѣса, а нѣмцы почти на плечахъ у насъ нависаютъ. Живо скинулись мы съ коней, спѣшились у опушки и поджидаемъ на себя пруссаковъ...

Тѣ распалились... Видятъ, что насъ небольшая горсточка, такъ и напираютъ, думаютъ, что мы черезъ лѣсъ на-утекъ пошли. А мы уже поджидаемъ... Шаговъ на полтораста подпустили ихъ, да какъ жиганемъ по нимъ пачечнымъ огнемъ—только брыкъ да брыкъ съ коней. Падаютъ лошади... Другія въ паникѣ безъ всадниковъ несутся по полю.

Опамятовались нѣмцы, предположили, должно-быть, что насъ невѣсть сколько въ лѣсу залегло. Свернули назадъ и маршъ-маршемъ обратно пошли... Прямо на свою батарею. Дошли до нея и сейчасъ же оттуда на насъ плюнула шрапнель. Снарядъ за снарядомъ пошелъ косить по опушкѣ.

— Я выстрѣлилъ сначала въ одного, а потомъ и въ другого.

Вышки деревьевъ такъ и затрещали, словно кто неистово сталъ кромсать ихъ.

Кинулись мы къ конямъ, вспрыгнули въ сѣдла и давай Богъ ноги прежней дорогой во всю прыть... А справа ружейная стрѣльба непрерывной дробью раскатывается за оврагомъ. «Должно-быть, наши спѣшились, думаю, и отбиваются отъ лютого врага»...

Съ полчаса шли мы усиленною рысью по узкой лѣсной дорогѣ, и сами не замѣтили, какъ очутились на совершенно незнакомой намъ полянѣ...

Должно-быть, впопыхахъ свернули не туда, куда слѣдовало.

Доскакали и остановились... А сзади снова слышно, какъ по лѣсу катится шрапнель въ бѣшеномъ разлетѣ разбрызгивая вѣтки.

— Впередъ, ребята! Дѣло свое сдѣлали!—раздался голосъ командира. — Теперь дорваться бы намъ до своихъ, пока не окружили насъ. Айда!

Лошади наддали, зачастили копыта...

Еще съ полчаса—и мы на большой лѣсной перемычкѣ...

Только что вынеслись, а слѣва намъ въ обходъ ихъ конница—гусары...

Какъ вкопанные стали... Человѣкъ шестьдесятъ. Потомъ команда раздалась, и сразу же на насъ посыпались пули... Сбоку у солдата лошадь свихнулась, словно провалилась передними ногами въ трясину. Другой солдатъ покачнулся въ сторону, шашку выронилъ..

На ихъ залпъ наши отвѣтили съ коней. Разъ и другой кувыркнулось и у нихъ нѣсколько человѣкъ, а потомъ ружья за плечи, шашки долой и на насъ въ атаку...

Еще ахнули мы по нимъ, чтобы побольше скосить до рубки. Нашихъ не много осталось.

«Авось, не пропадемъ, думаю, а у самого уже что-то жжетъ въ лѣвомъ боку, словно горчичникъ кто приложилъ. Да только ужъ некогда и думать о томъ. Словно въ бреду дорвались другъ до друга, и пошла сѣчка...

Кони вздыбились, кружатся, мечутся, хрипятъ, головы кверху вскидываютъ отъ круто затянутаго повода... А цоканье такое зловѣщее, противное со всѣхъ сторонъ лязгаетъ въ уши, словно смерть точитъ свои зубы...

«Коли пропадать, думаю, такъ ужъ дешево не продамъ своей жизни!»

И такое свирѣпое отчаяніе нашло на меня, что вотъ, кажется, десятокъ ихъ положу. Волчкомъ, волчкомъ между ними, а ни одного не ударилъ, только съ азартомъ отбиваюсь, какъ отъ пчелъ. А они, знай, насѣдаютъ...

Одинъ изъ нихъ обозлился должно быть,—выхватилъ револьверъ и прямо въ меня..

Бацнуло... Бацаютъ и справа. Это командиръ нашъ отстрѣливался. И не опомнился я, какъ лошадь моя сразу тутъ же и плюхнулась... Словно ноги ей кто подрѣзалъ.

Пуля вмѣсто меня—въ голову лошади угодила.. Какимъ-то чудомъ конь меня не притиснулъ. Выскользнулъ я въ сторону... А лошадь гусара, что стрѣлялъ въ меня, чуть ли не надъ самой моей головой слюной фыркаетъ...

«Пропадать, видно!» такъ холодомъ и пронизало по всему тѣлу...

Махнулъ шашкой изо всей силы по лошадиной головѣ...

Должно-быть, ударъ былъ сильный. Вскинулась она, какъ взбѣшенная, на дыбы. Гусаръ такъ и плюхнулся навзничь съ коня, а лошадь заметалась вокругъ.

«Пронесло!—безъ словъ всполохнулась молитва.—Еще постоимъ за себя!»

Не успѣлъ помыслить объ этомъ, а ужъ тотъ поднимается, что упалъ, и новый пруссакъ наскакиваетъ...

Едва успѣлъ выстрѣлить въ него. Промахнулся... Вторая пуля въ лошадь. Вскрутнуло эту вихремъ—свѣта не взвидѣла.

Прицѣливаюсь въ того, что съ лошади упалъ...

Всего — шаговъ шесть раздѣляютъ насъ. Встрѣтились глазами... И такъ жутко мнѣ стало отъ звѣрскаго красно-багроваго лица пруссака. Вздувшаяся ижицей жила на лбу такъ и врѣзалась въ глаза, словно кто иглой кольнулъ. А у пруссака глаза выперты наружу, словно ихъ кто выдавилъ изъ орбитъ; зубы сцѣплены; шашка такъ и просится меня рубануть...

— Конецъ моей шашки врѣзался въ шею пруссака.

Вотъ уже всего въ трехъ шагахъ отъ меня... Нажалъ гашетку. Нѣтъ выстрѣла... Только звякнулъ курокъ...

Впопыхахъ и не замѣтилъ, что всѣ заряды разстрѣлялъ.

На секунду жутко стало, оторопь прошла по тѣлу, оттого, что не успѣю шашку изъ лѣвой руки въ правую принять...

Швырнулъ револьверъ въ лицо пруссаку, а самъ секундой той—шашку въ правую руку.

— Ну-ка, помѣряемся,—а самого уже азартъ отчаянія бьетъ.

Пруссакъ надвигается все ближе; вижу лицо у него въ крови. Это револьверъ ему въ щеку угодилъ.

Шипитъ что-то нѣмецъ сквозь зубы, остервенѣло ругается...

Скрестились шашки...

Рубиться я былъ гораздъ. Талантъ къ этому былъ. Иной разъ прямо чутьемъ угадывалъ, въ какой моментъ ссадить противника.

«Цокъ-цакъ-цокъ-цокъ-цакъ-цокъ!..»

Такъ все и потонуло въ глазахъ... Ничего не вижу, что дѣлается вокругъ. Только клинки звенятъ, да видно блескъ ихъ стали, да еще вотъ чуется, что смерть вблизи стоитъ и жеребій свой бросаетъ—кому быть сбитымъ...

Цокаемся, цокаемся и никакого толку... Лихой рубака нарвался на меня... Вижу, что силы у насъ равныя и долго будемъ рубиться до результата... Прыгаемъ какъ пѣтухи...

«Здорово рубится пруссакъ!—думаю про себя.—Ужъ больно рьяно хочетъ зашибить меня... Да погоди, погоди, авось улучу минутку...»

Распалился я; прямо вотъ словно спортъ какой.

И долго бы мы еще цокались, если бы справа изъ-за лѣса вдругъ не грянуло пронзительное раскатистое «ура».

Пруссакъ невольно на одну только секунду отрѣшился отъ сосредоточеннаго вниманія на клинкѣ—и это его сгубило..!

Русское нежданное «ура» мгновенно помогло мнѣ срѣзать пруссака. Немного не дотянулъ онъ шашки въ сторону, какъ ужъ ее моя отбила и какъ въ масло врѣзалась въ шею пруссака... Такъ и брызнула фонтаномъ кровь изъ-подъ воротника гусарскаго мундира...

Тыкнулся пруссакъ на сторону. Глянулъ я вправо, а ужъ наша часть эскадрона, что ходила къ опушкѣ, лавой врѣзалась въ непріятеля, и зазвенѣла и зацокала сталь съ какимъ-то особеннымъ бравурнымъ весельемъ..

Минута, другая—и отъ шестидесяти солдатъ противника только горсточка въ двадцать человѣкъ осталась—и вся вразсыпную, кто куда могъ...

Наши вдогонку и съ наскока—со всего плеча рубятъ...

Шмыгнули пруссаки въ лѣсъ, а наши стали лошадей ихъ ловить, чтобъ возмѣстить своихъ убитыхъ въ стычкѣ.

Собрали раненыхъ и айда—къ опушкѣ. Думаемъ—проскочимъ къ своимъ.

Версты три проѣхали благополучно. Свернули съ широкой поляны къ опушкѣ, продвинулись впередъ и сразу же напоролись на непріятельскую пѣхотную цѣпь...

Запѣли и завизжали пули со всѣхъ сторонъ, какъ сумасшедшія...

Шарахнулись мы къ лѣсу, спустились въ длинный разлогъ и маршъ-маршемъ пустились къ своимъ передовымъ позиціямъ. А пули все еще летѣли и тукались о вѣтки, подсѣкая ихъ на другомъ холмѣ справа.

Отъѣхали подальше, и тутъ только я замѣтилъ, что многіе изъ нашихъ солдатъ окровавлены. У однихъ руки шашкой противника порѣзаны ниже локтя, у другихъ онѣ окровавлены отъ прикосновенія къ раненымъ. У одного половина уха отхвачена, и кровь обильно стекаетъ къ плечу и на грудь, а онъ даже не слышитъ боли, пока нервы немного не улеглись, и люди не спомнились отъ грознаго кроваво-пьянаго угара.

Прощупалъ свой бокъ—платье коробомъ стало отъ крови. Боль все усиливается, словно кто буравомъ раскаленнымъ внутри сверлитъ...

«Дешево отдѣлался! — думаю. — Сколько разъ на волосокъ отъ смерти былъ, а вотъ же—поди—слегка только задѣло пулей. Должно-быть, навылетъ скользнула... Благодареніе Богу!»

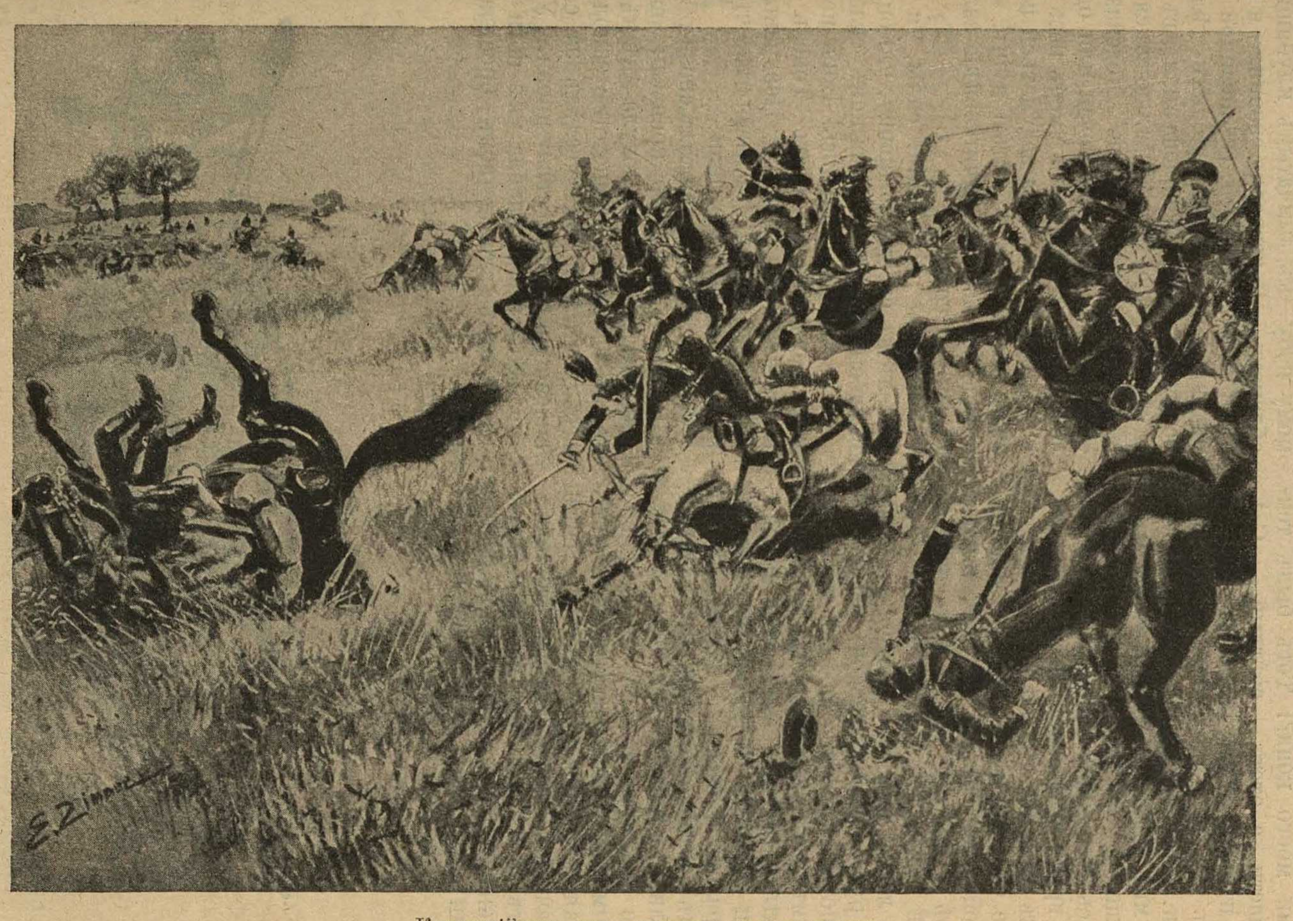
Когда стали подъѣзжать къ своимъ позиціямъ, меня совсѣмъ развезло. На душѣ все еще радостно, что выскользнулъ изъ десятка смертельныхъ опасностей, а между тѣмъ все пьянѣлъ да пьянѣлъ я, и сознаніе какимъ-то страннымъ туманомъ застилало. Все, словно сонъ, и ничего этого кроваваго со мной и съ моими товарищами не было. Какимъ-то призракомъ, какимъ-то тяжкимъ кошмаромъ предстали всѣ недавнія побоища, и я понялъ только одно: что по какому-то страшному непреложному закону попалъ въ общій кровавый водоворотъ, въ общую неистово несущуюся кровавую волну, и что у меня уже не хватитъ дальше силъ ни разсуждать ни анализировать свои смертельные удары.

«Что я такое въ этой колоссальной, небывалой еще отъ начала міра войнѣ?! Маленькій, слѣпой, ничего не видящій передъ собою винтъ въ огромномъ сложномъ механизмѣ такой же слѣпой, но чудовищно движущейся машинѣ—мясорубкѣ. Кто-то—безумный дьяволъ, а не человѣкъ,—звѣрски толкнулъ своей каиновой рукой маховое чудовищное колесо одной машины, и оно тотчасъ же привело въ дѣйствіе шестерни другой, и завертѣлось и зарычало, дробя кости и мясо милліоновъ людей. И до тѣхъ поръ не остановится эта колоссальная, слѣпая въ своей чудовищной работѣ мясорубка, пока первая машина, которую все еще толкаетъ рука озвѣрѣлаго Каина-убійцы, не остановится отъ порчи механизма»...

А въ головѣ все сильнѣе и сильнѣе жаръ...

Вотъ уже и наши позиціи... Нѣсколько сотъ шаговъ...

Скидываюсь съ коня—съ чужого, отбитаго у противника, смотрю на него—

Кавалерійская атака нашихъ лихихъ драгунъ.

и опять мнѣ кажется все окружающее какимъ-то вымученнымъ и тяжкимъ сномъ... Гдѣ, когда и почему все это такъ случилось, что нѣтъ передъ глазами моего коня?! Тотъ былъ темной масти, а этотъ — свѣтлый... Сдѣлалъ нѣсколько десяковъ шаговъ — и вдругъ земля, словно полотнище подъ ногами, задвигалась и закачалась, и стало мнѣ тошно и страшно отъ странно путавшихся мыслей. Словно колючки впились съ одной стороны виска, и въ то же время стало темнѣть въ глазахъ... И такъ тошно и горько во рту, словно только что выпилъ стаканъ неимовѣрно горькой хины. Еще сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и покачнулся... А въ лѣвомъ сапогѣ что-то густо хлюпаетъ... Дотронулся лѣвой рукой до рейтузъ—вся ладонь руки стала красной. «Протекло въ сапогъ. Пустяки!» съ какимъ-то особеннымъ шумомъ завертѣлась угасающая мысль, и тѣло стало внезапно тёрпнуть и холодѣть. И только въ боку все разгорался, и страшно, казалось, прожигалъ все тѣло до кости раскаленный, назойливо шипящій уголь...

«Все это пустяки!» опять съ равнодушнымъ отупѣніемъ подсказала потухающая мысль.— Вѣдь тамъ же сотни и тысячи ихъ—нашихъ страстотерпцевъ-солдатъ, и у нихъ еще не такія раны. Страшныя, разорванныя варварскими пулями думъ-думъ.

И представилось моему угасавшему опьяненному потерей крови взору—колоссальнѣйшая окровавленная груда тѣлъ, постепенно возраставшая къ самому небу—къ дымчатымъ клубящимся облакамъ... И невольно сравнилъ я себя съ этой потрясающей, разорванной снарядами грудой человѣческихъ тѣлъ и услышалъ, какъ всполошенная, въ послѣднихъ усиліяхъ цѣпляющаяся за дѣйствительность мысль подсказала: «Что же изъ того, что груда или одинъ человѣкъ?! Въ каждомъ умеръ весь земной міръ! Можешь ли задуматься послѣ этого надъ совокупностью душъ?»

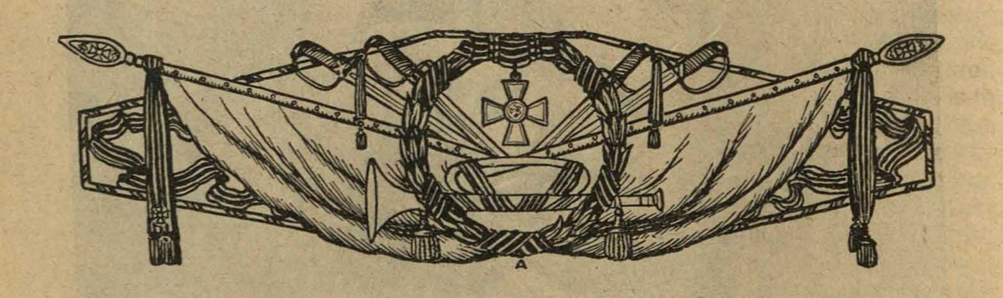
Еще сильнѣе и мучительнѣй зажгло въ боку и груди...

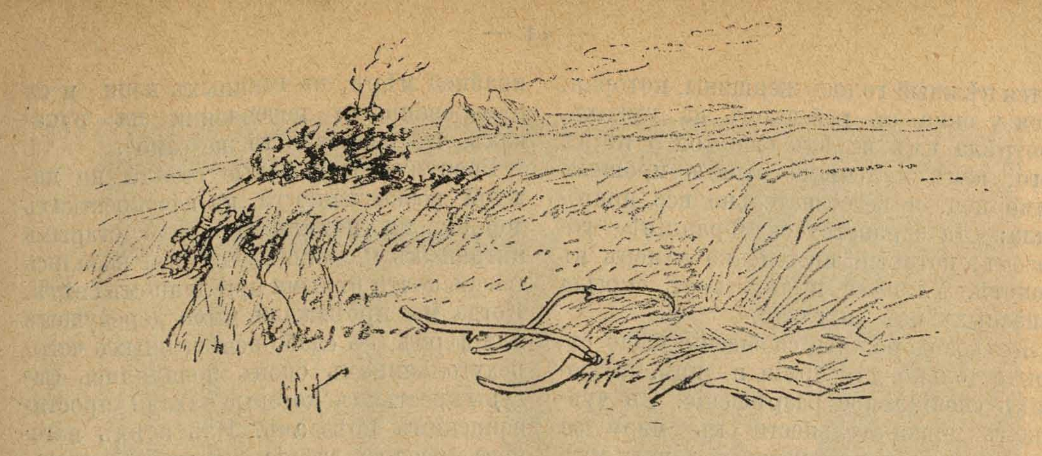
Напрягая послѣднія силы, я подошелъ къ своему товарищу, улыбнулся и словно не своимъ языкомъ сказалъ:

«Ну, вотъ и свидѣлись! Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ. Теперь ужъ крещеный въ бою... Поздравь съ жизнью... Командиръ говоритъ, что въ развѣдкахъ—«романтика»...

Дальше я не продолжилъ своей рѣчи...

Внезапно вздулась кровавая шипящая пѣна, неистово плюнула мнѣ къ глаза, въ безумномъ бѣшенствѣ заполнила весь ротъ и послала вслѣдъ за собою сплошную грозную стѣну крови... Упругая стѣна эта подшибла мнѣ ноги и съ неистовымъ злорадствомъ бросила на землю...

Францiя въ первые дни войны.

Изъ дневника художника *Л. Хорнбай.*

Два объявленія, изданныя военнымъ министерствомъ французской республики, украшаютъ стѣны маленькой гостиницы въ Понкруа. Одно извѣщаетъ о «всеобщей мобилизаціи всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ», и передъ нимъ постоянно толпится народъ. Другое, еще влажное отъ клейстера, почти не привлекаетъ вниманія горожанъ; оно касается только двухъ лицъ во всемъ городкѣ, изъ коихъ однимъ являюсь я. Это объявленіе извѣщаетъ иностранцевъ, что они обязаны явиться въ канцелярію мэра съ документами, удостовѣряющими ихъ личность.

Мэръ, съ которымъ я шапочно знакомъ, долго рылся въ различныхъ запыленныхъ книгахъ, которыя мы обыкновенно считаемъ лишь частью неизбѣжныхъ внѣшнихъ атрибутовъ всякой канцеляріи — и послѣ того, какъ онъ много разъ читалъ и перечитывалъ мои документы и доставалъ для справокъ все новыя запыленныя книги, я получилъ паспортъ и пропускъ въ Парижъ— первый документъ этого рода, выданный въ Понкруа за послѣднія сорокъ лѣтъ.

По пути къ вокзалу я шелъ слѣдомъ за первой партіей запасныхъ, во главѣ которыхъ маршировали барабанщикъ и знаменосецъ. Это были по большей части крестьяне въ заплатанныхъ куртkахъ и деревянныхъ башмакахъ, пришедшіе изъ выбѣленныхъ деревенскихъ домиковъ и съ полей, гдѣ женщины и дѣти стояли и махали платками на прощаніе.

Мы прошли черезъ маленькую площадь, гдѣ въ этотъ часъ дня городской глашатай обычно бьетъ въ барабанъ и возвѣщаетъ, повидимому, безлюдному городку день и часъ ближайшаго публичнаго аукціона или, что господинъ такой-то желаетъ обмѣнять четыре головы скота, лошадь и тачку на желѣзную жатвенную машину. Но сегодня глашатай шагалъ въ качествѣ барабанщика рядомъ съ знаменосцемъ во главѣ партіи уѣзжающихъ запасныхъ. Изъ всѣхъ оконъ женщины махали трехцвѣтными флагами, въ то время какъ ихъ мужья, съ походной сумкой въ рукѣ, выбѣгали изъ домовъ, чтобы присоединиться къ отряду, который Понкруа посылалъ для защиты Франціи.

Они подошли къ вокзалу подъ барабанный бой, стукъ деревянныхъ башмаковъ и мощные все покрывающіе звуки Марсельезы, въ пѣніи которой принимали участіе также женщины и дѣти. Много криковъ «Да здравствуетъ Франція!» раздавалось на ихъ пути; но въ моей памяти навѣки неизгладимо оста-

нется нѣжный голосъ женщины, которая, стоя у окна съ ребенкомъ на рукахъ, смотрѣла имъ вслѣдъ еще долго послѣ того, какъ маленькій отрядъ прошелъ мимо нея, и безсознательно все повторяла: «Да здравствуетъ Франція!»—голосомъ, который постепенно замеръ въ шопотѣ. Уличная пыль вскорѣ скрыла запасныхъ изъ ея глазъ.

Желѣзнодорожное сообщеніе было открыто только для арміи и лицъ, имѣющихъ спеціальное разрѣшеніе. Съ чувствомъ признательности къ мэру за выданный паспортъ, который давалъ мнѣ право воспользоваться желѣзной дорогой, я сѣлъ въ воинскій поѣздъ. Выглянувъ изъ окна, я увидѣлъ, какъ вдоль всего поѣзда матери поднимали дѣтей для прощальныхъ поцѣлуевъ. Какой-то старикъ стоялъ на платформѣ со слезами на глазахъ. Къ нему подошелъ молоденькій офицеръ и сказалъ ему нѣсколько словъ утѣшенія и ободренія: пусть онъ, молъ, не безпокоится; о его сынѣ и другихъ будутъ хорошо заботиться. Старикъ смахнулъ слезы съ рѣсницъ и поднялъ глаза на офицера.

— Вы думаете, ваше благородіе, я потому плачу, что сына взяли на войну?— отвѣтилъ онъ. — Нѣтъ, я плачу потому, что онъ не можетъ итти. Онъ лежитъ больной вонъ тамъ.

И онъ указалъ рукой на крышу больницы, возвышающуюся надъ деревьями.

Когда поѣздъ тронулся, одна изъ провожающихъ женщинъ вдругъ сунула ребенка на руки растерявшемуся отцу, крича ему, чтобы онъ довезъ его до слѣдующей станціи, а тамъ оставилъ бы кому-нибудь.

Въ Дуарненэ была пересадка, и я очутился вмѣстѣ съ пятнадцатью призванными — большей частью смуглыми загорѣлыми рыбаками—въ купэ третьяго класса, разсчитанномъ на восемь пассажировъ. Въ Кэмперѣ опять была пересадка, и въ Нантѣ тоже. Тамъ мы при слабомъ вечернемъ свѣтѣ увидѣли часовыхъ, разставленныхъ вдоль всего полотна дороги. Особенно тщательно охранялись мосты и стрѣлки. Кучера и возницы всѣхъ экипажей, стоявшихъ у шлагбаумовъ, были въ военной формѣ— или, если не въ полной формѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ военныхъ кэпи и съ нумерованными перевязями на рукавахъ, что̀ означало то же самое.

Вооруженные часовые стояли на каждой возвышенности, на перекресткахъ дорогъ, на поляхъ и возлѣ старыхъ вѣтряныхъ мельницъ, которыя казались теперь почти бѣлыми при лунномъ свѣтѣ. Когда мы проѣзжали мимо деревушекъ или фермъ, въ слабо освѣщенныхъ четырехугольникахъ оконъ появлялись фигуры крестьянъ, которые махали «прости» воинскимъ поѣздамъ. Изъ всѣхъ вагоновъ неслось пѣніе, и послѣ многочисленныхъ остановокъ на разъѣздахъ мы, наконецъ, добрались до Тура. Время было за полночь, но на вокзалѣ царило необычайное оживленіе, и онъ буквально кишѣлъ войсками.

Туръ, 2-го августа.

Былъ второй часъ ночи, когда подняли наспѣхъ изготовленный плакатъ, возвѣщающій отходъ поѣзда въ Парижъ. Такимъ образомъ я прождалъ въ этомъ гарнизонномъ городѣ меньше часу, но за это время успѣли выпустить три безконечно-длинныхъ воинскихъ поѣзда — почти безъ всякой сумятицы и съ соблюденіемъ строжайшей тайны. Никто изъ солдатъ не зналъ, куда ихъ везутъ. Одни высшіе офицеры знали это.

Старый кавалерійскій офицеръ, съ которымъ я передъ этимъ обсуждалъ возможность добраться сегодня ночью до Парижа, позвалъ носильщика и нашелъ для меня мѣсто въ своемъ купэ, гдѣ находилось еще шесть офицеровъ. Это было прекрасно освѣщенное купэ перваго класса, и только тутъ я впервые замѣтилъ, что мой случайный знакомецъ—генералъ. Крестъ Почетнаго Легіона, рядъ ленточекъ, указывающихъ, что онъ участвовалъ въ франко-прусской войнѣ и двухъ африканскихъ кампаніяхъ, и медаль за долголѣтнюю службу украшали его грудь, ярко выдѣляясь на черномъ фонѣ его генеральскаго мундира. И изъ остальныхъ офицеровъ большинство уже участвовало въ различныхъ походахъ.

Въ четыре часа утра нашъ поѣздъ остановился, чтобы принять еще партію запасныхъ. Пробудившись отъ краткой дремоты, я выглянулъ изъ окна. При

У окна стояла женщина съ ребенкомъ на рукахъ и, глядя вслѣдъ уходившему поѣзду, долго повторяла: «Да здравствуетъ Францiя».

слабомъ свѣтѣ занимающагося дня я увидѣлъ долину Луары и длинную линію поѣздовъ съ боевыми припасами, которые всѣ шли къ сѣверу. Мы остановились гдѣ-то около Блуа и узнали, что нѣмцы подходятъ къ Льежу. Говорили также, будто врагъ уже вступилъ на территорію Франціи и идетъ къ Парижу, но этимъ слухамъ не вѣрили.

Въ Орлеанѣ мы услыхали подобныя же новости: что нѣмцы нарушили нейтралитетъ Люксембурга и близъ Бельфора перешли въ трехъ мѣстахъ французскую границу, нарушивъ существующее между Германіей и Франціей соглашеніе, что вооруженныя силы обѣихъ странъ не должны подходить къ границѣ ближе, чѣмъ на разстояніе десяти километровъ.

Война съ Германіей была теперь объявлена. Снова упорно говорили, что нѣмцы проникли во Францію, и что на бельгійской границѣ началось сраженіе. Для запасныхъ и ихъ близкихъ это извѣстіе было какъ бы указаніемъ на то неизбѣжное, что ожидаетъ ихъ. Прощались долго и много, но «ура» почти не кричали.

Когда утренній туманъ поднялся съ долины, мы опять увидѣли множество часовыхъ—иныхъ въ полномъ военномъ обмундированіи, другихъ только въ военныхъ кэпи и съ нумерованными перевязями. Нѣкоторые желѣзнодорожные машинисты тоже были въ формѣ. Вооруженныя команды осматривали всѣ багажные вагоны и товарные поѣзда, разыскивая шпіоновъ.

Старый генералъ тоже проснулся теперь и выглянулъ въ окно. Увидѣвъ плачущихъ женщинъ, которыя собрались на этой маленькой станціи, чтобы проститься съ мужьями и близкими, онъ пробормоталъ что-то очень нелестное по адресу войны, потомъ поговорилъ съ нѣкоторыми изъ женщинъ и, когда поѣздъ тронулся, пожелалъ имъ: «Мужайтесь, не падайте духомъ, милыя».

Мы проѣзжали мимо огромныхъ пространствъ воздѣланныхъ полей, гдѣ картофель стоялъ въ цвѣту, а пшеница созрѣла для жатвы, или же была уже частью скошена, и брошенныя косы лежали еще тамъ, гдѣ ихъ оставили косцы. Мы видѣли группы косцовъ, которые шли къ поѣзду прямо съ полей, и видѣли, какъ женщины возвращались на поля, чтобы подобрать косы.

— Бѣдныя женщины! Вотъ что такое война!—проговорилъ старый генералъ, глядя имъ вслѣдъ, а когда онъ опять повернулся ко мнѣ, я увидѣлъ слезу, катившуюся по его бронзовой щекѣ.

Ближе къ Парижу вокзалы были превращены въ лазареты. Надъ входомъ висѣли флаги съ краснымъ крестомъ, а внутри можно было видѣть солому, устилающую полъ: тамъ ночевали въ эту ночь запасные.

Парижъ 2-го августа.

Въ Парижъ мы прибыли вскорѣ послѣ полудня. Кончилось мое двадцатидвухчасовое путешествіе, во время котораго я ничего не ѣлъ и почти не спалъ. Столица Франціи была объявлена на осадномъ положеніи и превратилась въ укрѣпленный военный лагерь. Вокзалъ и всѣ подъѣздные пути тщательно охранялись часовыми. Всѣхъ пріѣзжающихъ съ поѣздами людей въ штатскомъ платьѣ, даже французскихъ подданныхъ, задерживали до удостовѣренія ихъ личности. Иныхъ задерживали несмотря на то, что у нихъ были паспорта и пропуски, и я невольно съ тревогой подумалъ, повезетъ ли мнѣ въ данномъ случаѣ или нѣтъ. Въ станціонномъ буфетѣ нельзя было достать ни крошки—все давнымъ-давно было распродано, чтобы накормить голодныхъ солдатъ и впервые за эти сутки я почувствовалъ, что ничего не ѣлъ. Почти всѣ пассажиры сами несли свой багажъ вслѣдствіе отсутствія носильщиковъ. Даже женщины съ повязкой краснаго креста на рукавѣ должны были сами нести свои тяжелые дорожные мѣшки. Одна изъ нихъ, маленькая и хрупкая, оказала мнѣ большую услугу. Я взялъ ея мѣшокъ, украшенный краснымъ крестомъ, и понесъ его къ выходу съ собственнымъ громоздкимъ багажомъ. Только когда мы благополучно миновали чиновниковъ у выхода, я понялъ, какъ мнѣ это помогло, избавивъ отъ докучной задержки. Очевидно меня приняли за врача служащаго въ «Красномъ Крестѣ».

Изъ примыкающей къ площади улицы вышелъ небольшой отрядъ солдатъ съ штыками на ружьяхъ.

Любуясь исподтишка моей миніатюрной спутницей, одѣтой въ синее пальто изъ тонкаго сукна и косынку, которая очень шла ей, я замѣтилъ на ея нарукавной повязкѣ маленькія цифры, которыя указывали, что она причислена къ медицинскому отряду 11-го пѣхотнаго полка, расположеннаго въ Нанси. Она мнѣ сказала, что ея мужъ служитъ въ этомъ полку, и что она встрѣтится съ нимъ въ Нанси.

Тяжелая атмосфера озабоченности и грусти, висѣвшая надъ городомъ, словно исчезла на нѣсколько мгновеній, когда, сѣвъ въ автомобиль, она пожелала «bon courage» нѣсколькимъ запаснымъ, которые находились въ нашемъ поѣздѣ, и съ улыбкой предупредила ихъ, что если имъ понадобятся услуги «Краснаго Креста», такъ чтобы они выбрали не иной какой-нибудь лазаретъ, а лазаретъ въ Нанси. Одинъ изъ солдатъ, красивый юноша, поблагодарилъ ее весело и съ юморомъ, вызвавъ улыбки на многихъ устахъ.

Это былъ отблескъ стараго веселаго Парижа, какимъ мы его всегда знали, но онъ тутъ же исчезъ подъ сумрачнымъ холоднымъ свѣтомъ дождливаго неба. Изъ одной узкой улички, примыкающей къ площади, вышелъ отрядъ солдатъ со штыками на ружьяхъ. Молча пересѣкли они площадь и исчезли въ сумракѣ другой темной улички.

— Ученье у нихъ, да?—спросилъ я одного солдата, стоявшаго рядомъ со мной.

— Нѣтъ, monsieur, — отвѣтилъ онъ,— это одинъ изъ патрулей, охраняющихъ городъ.

И солдатъ разсказалъ, какъ по полученіи извѣстія о томъ, что нѣмцы перешли французскую границу, толпа въ первомъ порывѣ негодованія разгромила нѣсколько магазиновъ, принадлежавшихъ иностранцамъ и главнымъ образомъ нѣмцамъ. Въ результатѣ военное министерство издало въ числѣ другихъ своихъ приказовъ также приказъ, касающійся подавленія подобныхъ уличныхъ безпорядковъ, призывая всѣхъ гражданъ республики помогать властямъ въ этомъ отношеніи, дабы правительство могло посвятить все свое вниманіе насущнымъ нуждамъ государства. Для охраны же иностранныхъ магазиновъ по Парижу и расхаживали эти патрули. На бульварахъ и другихъ главныхъ улицахъ патрульную службу несли верховые кирасиры республиканской гвардіи; ихъ блестящія каски были прикрыты чехлами защитнаго цвѣта.

Какая-то особая тишина царила въ городѣ. Парижъ былъ не похожъ на самого себя. Эту необыкновенную тишину еще усугубляли хриплые выкрики маленькихъ газетчиковъ, которые бѣгали по улицамъ съ «экстренными выпусками о войнѣ!» Эти выпуски выходили каждый часъ. Въ послѣднемъ извѣщалось, что вся Франція офиціально объявлена на осадномъ положеніи.

Многіе магазины еще были открыты, но торговля въ нихъ шла вяло. Въ магазинахъ обуви вмѣсто выставки изящныхъ туфель и ботинокъ лежали груды тяжелыхъ, подбитыхъ гвоздями солдатскихъ сапогъ. Въ мануфактурныхъ магазинахъ вмѣсто шелковъ и модныхъ шерстяныхъ тканей на самомъ видномъ мѣстѣ лежали цвѣтныя рубахи изъ прочныхъ матеріаловъ. Въ большихъ универсальныхъ магазинахъ, гдѣ въ это время года обыкновенно бываетъ масса покупателей-американцевъ, приказчицы убирали и упаковывали товары вслѣдствіе полнаго отсутствія покупателей. Въ одномъ отдѣленіи такого магазина я увидѣлъ человѣкъ пятьдесятъ приказчицъ или мастерицъ, занятыхъ изготовленіемъ бинтовъ, халатовъ и другихъ лазаретныхъ принадлежностей. Во всемъ Парижѣ многія изъ этихъ petites ouvrières добровольно предложили свои услуги «Красному Кресту».

Прелестный эпизодъ произошелъ въ одной маленькой фотографіи, гдѣ молодая дѣвушка, изъ мастерицъ или работницъ, придя за карточками, которыя ей обѣщали приготовить, вдругъ узнала, что карточки не готовы еще и будутъ готовы только послѣ того, какъ ея Франсуа уйдетъ со своимъ полкомъ. Среди зрителей, съ сочувствіемъ смотрѣвшихъ на ея горе, находился художникъ Вилеттъ. Ни слова не говоря, онъ досталъ записную книжку, быстро набросалъ хорошенькій профиль дѣвушки

Жены запасныхъ въ деревнѣ провожали своихъ мужей на войну.

и послѣ нѣсколькихъ характерныхъ для него штриховъ, подалъ дѣвушкѣ ея «портретъ». Слезы разочарованія сразу высохли на глазахъ дѣвушки и слезы радости, смѣнившія ихъ, краснорѣчиво выразили ея благодарность.

Очарованный Парижемъ и его необычайнымъ видомъ, я совершенно забылъ про то обстоятельство, что время обѣденное, и что я тридцать часовъ ничего не ѣлъ. Когда я, наконецъ, зашелъ въ ресторанъ, я былъ очень разочарованъ, услыхавъ отъ гарсона, что, «къ сожалѣнію», у нихъ нѣтъ сегодня «pommes soufflés», о которыхъ я втайнѣ давно мечталъ. Я рѣшилъ пойти на уступку и потребовалъ «pommes rissolés». Гарсонъ опять заявилъ, что и «pommes rissolés» у нихъ тоже, къ сожалѣнію, нѣтъ. Я узналъ, что вслѣдствіе огромныхъ закупокъ людей, запасающихся провизіей на случай осады, картофеля почти нѣтъ больше на рынкахъ Парижа.

Когда я предложилъ для размѣна банкнотъ въ пятьдесятъ франковъ, гарсонъ опять заявилъ, что, «къ сожалѣнію», не можетъ принять эту бумажку. Золота совсѣмъ не видно больше, даже серебряныя монеты въ пять франковъ становятся рѣдкостью, хотя серебро въ мелкихъ монетахъ все еще можно достать; но отказъ гарсона принять банкнотъ въ пятьдесятъ франковъ былъ для меня неожиданностью.

Парижъ 3-го августа.

Мальчишки-газетчики только что пробѣжали по улицамъ съ влажными листками, возвѣщающими объ ультиматумѣ, который Германія предъявила Бельгіи. На всѣхъ углахъ и перекресткахъ ихъ листки раскупались нарасхватъ. Вскорѣ вышелъ второй экстренный выпускъ съ извѣстіемъ о бомбардировкѣ Люневилля германскимъ аэропланомъ, и почти во всѣхъ кафэ это теперь главная тема разговора.

Быстрые автобусы не оживляютъ больше улицъ Парижа. Сотни этихъ мощныхъ машинъ, со своими извѣстными шофферами, переодѣвшимися въ военную форму, уже покинули городъ черезъ сѣверныя и восточныя заставы, что слу-

жить для нуждъ арміи, перевозя провіантъ и боевые припасы. Крупные универсальные магазины добровольно отдали для этой же цѣли свои автомобили, въ которыхъ товары доставлялись на домъ покупателямъ, свои фуры, своихъ лошадей и даже маленькія трехколесныя моторныя телѣжки.

Бакалейщики въ бѣдныхъ кварталахъ города быстро распродаютъ весь наличный запасъ риса, макаронъ и муки, а колбасы, всегда украшающія фестонами окна колбасныхъ, продаются со значительной надбавкой. Старая улица Муффетаръ вся черна отъ людей съ базарными корзинами на рукахъ, которые торгуются съ уличными продавцами съѣстныхъ припасовъ. Въ другихъ улицахъ, гдѣ всевозможные ремесленники, котельщики, мѣдники, башмачники и т. д., всегда наполняли воздухъ шумомъ своей работы, теперешняя тишина кажется почти зловѣщей.

Парижъ 4-го августа.

Рано утромъ на улицахъ появились экстренные выпуски газетъ, извѣщающіе, что Англія ночью потребовала отъ Германіи соблюденія нейтралитета Бельгіи. Такъ какъ съ наступленіемъ дня Германія не очистила Бельгіи и ничего не отвѣтила Англіи, то фактически она теперь находится съ послѣдней на положеніи войны. Во всѣхъ парижскихъ газетахъ помѣщена замѣчательная рѣчь сэра Грея, въ которой онъ объясняетъ, почему Великобританія обязана охранять не только нейтралитетъ Бельгіи, но и побережье Франціи.

Британскіе флаги развѣваются теперь рядомъ съ французскими, сербскими и русскими. Гарсоны съ помощью приставныхъ лѣсенокъ декорируютъ снаружи кафэ національными цвѣтами четырехъ союзныхъ державъ; женщины вывѣшиваютъ ихъ изъ оконъ; съ автомобилей развѣваются они же, и у многихъ пѣшеходовъ они красуются на отворотахъ пиджаковъ

Распечатанныя письма, которыя приносятъ почтальоны, ясно доказываютъ, что не только телеграммы, но и письма подвержены теперь военной цензурѣ. Никакой условный шрифтъ не разрѣшается; даже пользоваться условными адресами для телеграммъ запрещено.

Обозы съ боевыми припасами и провіантомъ, направляющіеся къ германской границѣ (но куда именно, этого никто не знаетъ, за исключеніемъ командующихъ офицеровъ), время отъ времени пріостанавливаютъ движеніе на улицахъ. У всѣхъ пѣшеходовъ занятой видъ; всѣ спѣшатъ и торопятся, никто не фланируетъ и не глазѣетъ по сторонамъ. Развѣ только изрѣдка остановятся, чтобы взглянуть на французскіе аэропланы, которые ежедневно летаютъ надъ городомъ и несутъ въ вышинѣ свою сторожевую службу. По вечерамъ можно видѣть на бульварѣ Сэнъ-Мишель кучки людей, которые всматриваются въ небо и спрашиваютъ другъ друга, звѣзда ли или кое-что другое свѣтящаяся точка на небѣ. Мерцаетъ ли она? Не движется ли?.. спрашиваютъ они и всесторонне обсуждаютъ возможность появленія надъ Парижемъ германскихъ летчиковъ. Въ Латинскомъ Кварталѣ толпы студентовъ на «Boul' Miche», пожалуй, не менѣе многочисленны, чѣмъ до войны, но характеръ толпы измѣнился: отъ прежней безшабашной веселости ничего не осталось.

Парижъ 5-го августа.

Большой плацъ-парадъ передъ Домомъ Инвалидовъ былъ сегодня запруженъ частными автомобилями, которые мобилизуютъ для арміи. Эксперты оцѣнивали каждую вновь подъѣзжавшую машину. Многіе американцы и англичане добровольно предлагали свои машины (въ числѣ ихъ много большихъ лимузинъ), при чемъ часто шофферы выражали желаніе поступить добровольцами въ армію и тутъ же получали перевязи съ номеромъ полка. Время отъ времени появлялся какой-нибудь знаменитый автомобилистъ въ прекрасномъ гоночномъ автомобилѣ, который немедленно отдавали въ распоряженіе высшихъ офицеровъ. Въ саду Дома Инвалидовъ около гробницы Наполеона на пригрѣтыхъ солнцемъ скамейкахъ сидѣли старые ветераны и смотрѣли на эту красивую картину современной «мобилизаціи». А ревъ сиренъ и

Жители Парижа запасались провизіей на рынкѣ улицы Муффетаръ.

нетерпѣливое трепетанiе мощныхъ машинъ оживляли плацъ-парадъ.

Газеты извѣщаютъ о боѣ подъ Льежемъ, и всюду люди удивляются, съ ума, что ли, сошли нѣмцы, дерзко затѣявшiе войну съ четырьмя народами, или у нихъ есть какое-нибудь новое необычайно - сильное взрывчатое вещество, существованiе котораго они до сего времени хранили въ тайнѣ, но съ которымъ ихъ враги теперь скоро познакомятся.

На бульварахъ и на улицахъ не видно больше столиковъ и стульевъ, а продавцы игрушекъ превратились въ продавцовъ военныхъ картъ и флаговъ французскихъ, англiйскихъ, русскихъ, сербскихъ и бельгiйскихъ. Послѣ девяти часовъ вечера на всѣхъ улицахъ темно, какъ въ глухую полночь, и всѣ кафэ закрыты. Сегодня днемъ въ саду Палэ-Рояль, гдѣ обыкновенно играютъ ребятишки, обучали новобранцевъ. Среди нихъ было нѣсколько американцевъ, предложившихъ свои услуги Францiи въ качествѣ добровольцевъ.

Въ своемъ посольствѣ американцы, пришедшiе за документами для удостовѣренiя личности, стояли сегодня часами, дожидаясь очереди, а вечеромъ они заняли передъ канцелярiей комиссара своего квартала мѣсто въ длинномъ хвостѣ лицъ, явившихся за необходимымъ имъ «разрѣшенiемъ на жительство» или «пропускомъ». Послѣ девяти часовъ вечера сердобольныя женщины этого квартала явились съ бутербродами и виномъ для подкрѣпленiя поджидающихъ иностранцевъ, нѣкоторые изъ которыхъ стояли тутъ съ ранняго утра.

На Елисейскихъ поляхъ отвели подъ навѣсы чистокровныхъ рысаковъ изъ частныхъ конюшенъ и перенумеровали ихъ для мобилизацiи, какъ это сдѣлали три дня тому назадъ съ ломовыми лошадьми.

Такимъ же образомъ были мобилизованы скаковыя лошади, не отправленныя въ Остендэ, Довилль и другiя фешенебельныя мѣста скачекъ, потому что никакого *сезона скачекъ* теперь не будетъ.

Когда я явился въ военное министерство съ просьбой выдать мнѣ пропускъ, какъ военному корреспонденту, я узналъ, что никакихъ такихъ пропусковъ выдавать не будутъ, и далѣе: что всѣ сообщенiя съ театра военныхъ дѣйствiй будутъ подвергаться строжайшей военной цензурѣ, а всѣ передвиженiя армiи храниться въ абсолютной тайнѣ.

Когда я прибылъ на вокзалъ Сэнъ-Лазаръ, чтобы узнать, когда отходитъ вечернiй поѣздъ въ Гавръ, гдѣ у меня былъ взятъ билетъ на пароходъ, долженствовавшiй уйти 8-го августа, тамъ оказался у кассы хвостъ въ безъ малаго двѣ тысячи человѣкъ. До этой минуты я считалъ себя счастливцемъ, что обладаю билетомъ на койку второго класса, такъ какъ я зналъ, что многiе предлагали огромныя суммы даже за мѣсто на палубѣ. Но когда я увидѣлъ этотъ безконечный хвостъ, подвигавшiйся впередъ съ медленностью улитки, и подумалъ о томъ, что въ Гавръ отправляютъ ежедневно лишь 3 поѣзда, каждый изъ которыхъ доходитъ до Гавра только черезъ четырнадцать часовъ, тогда мои надежды на возможность использовать драгоцѣнный пароходный билетъ сразу угасли. Но тутъ мнѣ пришло въ голову, что въ конторѣ пароходныхъ обществъ я могу, пожалуй, встрѣтить человѣка, который, имѣя билетъ до Гавра, измѣнилъ свои планы въ виду нынѣшнихъ обстоятельствъ и съ радостью уступитъ мнѣ ненужный ему больше билетъ. Я такъ и сдѣлалъ. Вставъ около дверей конторы, я сталъ останавливать входящихъ туда людей. И мнѣ повезло. Послѣ того, какъ я обратился со своимъ вопросомъ всего къ шести человѣкамъ, случилось то, на что я надѣялся: я получилъ билетъ на поѣздъ, который отходилъ менѣе, чѣмъ черезъ часъ.

Путь въ Гавръ ведетъ черезъ Нормандiю. На протяженiи огромныхъ пространствъ тамъ тянутся поля, зрѣлый хлѣбъ которыхъ колыхался подъ дуновенiемъ вечерняго бриза. Долина, застланная дымкой рѣчного тумана, казалась совсѣмъ безлюдной. Лишь изрѣдка можно было видѣть одинокаго жнеца, возвращающагося съ работы.

между тѣмъ какъ при обычныхъ обстоятельствахъ цѣлыя группы жнецовъ и жницъ оживляютъ въ это время всѣ дороги и оглашаютъ воздухъ пѣснями.

Передъ Руаномъ поѣздъ проходитъ черезъ желѣзнодорожный мостъ, соединяющій берега Сены. Съ этого моста можно заглянуть прямо въ знаменитый старый паркъ «Jeu de Paume», который еще сохранилъ, вмѣстѣ съ своимъ названіемъ, воспоминаніе о тѣхъ дняхъ, когда французскіе короли играли въ мячъ. Я всегда испытываю дѣтскій восторгъ, когда смотрю съ моста въ этотъ тихій паркъ. Но сегодня тамъ производили ученіе солдаты республики. За паркомъ, справа отъ кружевной башни Руанскаго собора, можно еще было различить, несмотря на вечернія сумерки, мрачныя очертанія средневѣковой башни, гдѣ нѣкогда была заточена крестьянка изъ Орлеана. А дальше разстилался городъ, почти затерянный во мракѣ, съ своими тысячами огоньковъ, старомодными крышами и готическими шпилями.

Руанъ 6-го августа.

На вокзалѣ мы увидѣли взводы пѣхотинцевъ мѣстнаго гарнизона, которые явились одинъ за другимъ, чтобы занять мѣсто въ воинскомъ поѣздѣ, который, какъ я узналъ, долженъ былъ задержать нашъ поѣздъ на часъ, если не больше. Радуясь въ душѣ, что задержка случилась здѣсь, а не на какой-нибудь глухой станціи, я отправился бродить по городу. Лавочники и торговцы какъ разъ начали закрывать свои окна ставнями. Когда я отошелъ отъ вокзала, всюду было тихо и темно. Проходящіе изрѣдка солдаты одни нарушали уединеніе моей ночной прогулки. Замѣтивъ, что всѣ они направляются, повидимому, въ сторону собора, я пошелъ туда же и увидѣлъ, какъ они появлялись въ одиночку и группами изъ полутемныхъ улицъ, пересѣкали площадь и исчезали подъ массивнымъ порталомъ этого стариннаго собора, несущаго на себѣ слѣды минувшихъ битвъ. Привлеченный слабымъ отблескомъ свѣта, который игралъ на выцвѣтшихъ флагахъ, когда открывалась дверь, я тоже прошелъ подъ стрѣльчатыми сводами и заглянулъ въ то, что мнѣ показалось огромнымъ задрапированнымъ тканями, каменнымъ лѣсомъ, вѣтви котораго шли тремя ярусами и исчезали въ глубинахъ мрака, который царилъ вверху и кругомъ по сторонамъ. Только въ одномъ мѣстѣ, въ концѣ главнаго предѣла, мерцалъ разсѣянный золотистый свѣтъ, заставляя голубыя и бѣлыя

Женщины и дѣти, работавшія на поляхъ махали платками вслѣдъ уѣзжавшимъ

рыцарскія знамена отбрасывать таинственныя тѣни. Когда мои глаза немного привыкли къ темнотѣ, я увидѣлъ въ тѣни этихъ знаменъ сотни колѣнопреклоненныхъ солдатъ. Вотъ отъ темныхъ сводовъ вверху эхомъ отдалось благословеніе, потомъ откуда-то раздалось пѣніе полунощной мессы. Вспомнивъ, что тамъ долженъ находиться образъ святого, которому они молятся, я пробрался черезъ толпу поближе и увидѣлъ, какъ нормандскіе солдаты въ послѣдній разъ благоговѣйно склоняли передъ отправленіемъ въ битву колѣни передъ образомъ своей воинственной святой покровительницы, Орлеанской Дѣвы. Мерцающіе огоньки сотенъ свѣчей отражались въ ея доспѣхахъ.

Гавръ 7-го августа.

Послѣ двѣнадцати часовъ пути мы прибыли въ Гавръ—при моросящемъ дождѣ, который является характерной особенностью раннихъ утреннихъ часовъ этихъ приморскихъ городовъ Франціи. Кафэ какъ разъ начали открывать, и послѣ легкаго завтрака—тучи къ этому времени разошлись—мы отправились къ берегу моря. На дамбѣ было много народу, главнымъ образомъ, матросовъ. Ходили слухи, что британскія войска должны прибыть сегодня, и эти люди ждали ихъ.

Облѣпленныя «бюллетенями» окна конторы мѣстной газеты были центромъ интереса города, но хотя жители Гавра отзывались не иначе, какъ съ величайшей похвалой о бельгійцахъ и ихъ упорномъ сопротивленіи мощному врагу, тѣмъ не менѣе никакихъ демонстрацій не было, когда толпа прочла последнюю телеграмму изъ Льежа, сообщающую, что крошечная бельгійская армія все еще удерживаетъ германцевъ.

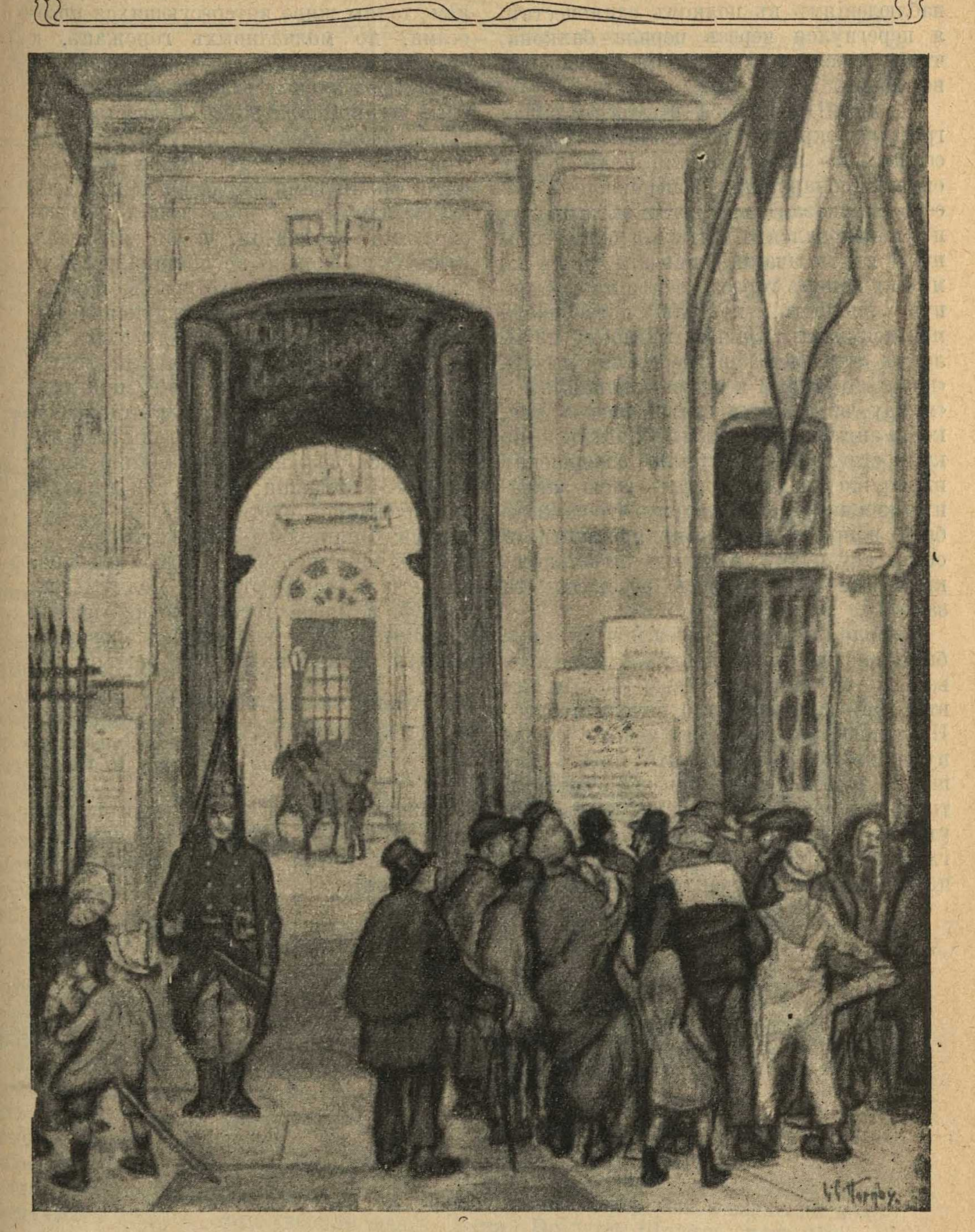
Слѣдующія телеграммы принесли извѣстіе, что французы вступили въ Эльзасъ, и старики многозначительно закачали головами. Надежды, которыя они лелѣяли сорокъ четыре года тому назадъ, можетъ-быть, осуществятся теперь.

Нашъ отъѣздъ былъ отложенъ на неопредѣленное время, хотя были вывѣшены объявленія, предупреждающія пассажировъ, сходящихъ на берегъ, что пароходъ можетъ отойти сегодня же, какъ только начнется приливъ. Мы видѣли, какъ на Provence, а затѣмъ на Savoie ставили пушки и грузили снаряды. На набережныхъ лежали груды мебели; конторки съ рѣзными украшеніями, стулья, зеркала и свертки ковровъ валялись вперемежку. Все это было снято съ пароходовъ, чтобы освободить мѣсто для мяса, сухарей и боевыхъ припасовъ. День прошелъ, а британскія войска все не появлялись. Многіе изъ поджидавшихъ начали высказывать мнѣніе, не является ли этотъ слухъ о прибытіи англичанъ попросту уткой, предназначенной, главнымъ образомъ, для нѣмецкихъ шпіоновъ, которые навѣрное находились среди насъ переодѣтые и неузнанные.

Сегодня я заплатилъ въ трамваѣ за проѣздъ кондуктору - женщинѣ. Одѣтая въ пальто и фуражку своего мужа, взятаго на войну, она исполняла свои новыя обязанности какъ человѣкъ, давно привыкшій къ этой работѣ. То же самое происходитъ и въ другихъ отрасляхъ труда: эти удивительныя французскія женщины взяли на себя работу мужей въ мастерскихъ и на поляхъ, и все это спокойно происходитъ въ странѣ, гдѣ мало говорятъ о женскомъ вопросѣ.

Британцы прибыли ночью, и сегодня ихъ можно видѣть разгуливающими по городу въ сопровожденіи своихъ новыхъ французскихъ друзей и сидящими вмѣстѣ съ ними за столиками кофеенъ. У большинства британцевъ на мундирахъ ленточки, свидѣтельствующія, что они участвовали въ южно-африканской войнѣ.

Сегодня поймали двухъ нѣмецкихъ шпіоновъ, переодѣтыхъ рыбаками, и на закатѣ солнца они понесли обычную кару. Я могу засвидѣтельствовать, что поиски другихъ шпіоновъ продолжаются усердно, ибо самъ даже попалъ подъ подозрѣніе. Сегодня ночью, когда я вошелъ въ свой номеръ, игра луннаго свѣта на старинныхъ крышахъ и во дворикѣ подъ моими окнами, привлекла мое вниманіе, и я долго стоялъ и любовался освѣщенными луной черепицами и тру-

Передъ бюллетенями толпился народъ,

бами. Полагая, что я предаюсь своимъ наблюденіямъ въ полномъ одиночествѣ, я перегнулся черезъ перила балкона, чтобы прослѣдить очертанія одной тѣни во дворѣ.

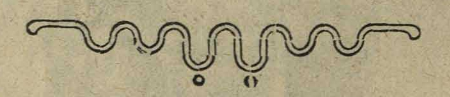
— Стой!—раздался откуда-то снизу грозный окрикъ, и зловѣщій блескъ солдатскаго штыка прямо подъ моимъ окномъ обнаружилъ говорившаго. Часовой приказалъ мнѣ войти въ комнату, и я повиновался. Поутру хозяинъ гостиницы съ тысячами извиненій ввелъ ко мнѣ въ номеръ гораздо менѣе многословную личность, которая потребовала мои документы. Затѣмъ къ моему изумленію отъ меня потребовали выдать «планъ», который я сдѣлалъ наканунѣ— «между четырьмя и пятью часами дня, когда англійскія войска проходили мимо крѣпости». Все это было совершенно вѣрно, но когда я досталъ свою записную книжку и показалъ ему, что «планъ» былъ попросту набросокъ провіантнаго обоза англичанъ, а отнюдь не планомъ крѣпости, мнѣ удалось разсѣять его законныя подозрѣнія.

Прошло съ недѣлю, прежде чѣмъ море было объявлено безопаснымъ для плаванія, и мы смогли уѣхать. За эти дни въ Гаврѣ не произошло ничего новаго. На улицахъ было видно меньше французскихъ солдатъ, но зато городъ кишѣлъ англійскими «Томми», которые тысячами прибывали каждую ночь. Поутру можно было слышать звуки англійскихъ трубъ, когда они проходили по набережной, направляясь на сѣверъ. Передъ окнами газеты попрежнему стояли толпы живо интересующихся новостями, но молчаливыхъ горожанъ, и читали послѣднія газетныя телеграммы и официальныя «извѣстія», выпускаемыя муниципалитетомъ. Существованіе строжайшей военной цензуры было несомнѣнно. Объ осадѣ Льежа и о занятіи французами эльзасскихъ городовъ мы читали лишь лаконическія и однообразныя извѣщенія, и въ мѣстныхъ газетахъ ни словомъ не упоминали о тѣхъ тысячахъ «Томми», которыхъ британскія транспортныя суда каждую ночь высаживали на берегъ. А между тѣмъ это въ своемъ родѣ знаменательный фактъ, потому что впервые на всемъ протяженіи исторіи Нормандія привѣтствовала, какъ друзей и союзниковъ, британцевъ, явившихся сражаться рука-объ-руку съ сынами Нормандіи, тамъ, гдѣ нѣкогда они сражались противъ нихъ подъ знаменами Вильгельма-Завоевателя.

Когда они проходятъ мимо, слышно, что это маршируютъ не солдаты на парадѣ, а люди, готовые пожертвовать лучшимъ, чѣмъ можетъ пожертвовать солдатъ, и при этомъ они поютъ:

It's Tommy this an' Tommy tha an'Tommy stay away.
But it's Tommy, «Ah! God bless Jou» wheu the shot begin to thy.

(Томми то, да Томми се, да Томми никуда не годится. Но когда пули начинаютъ свистѣть, тогда: «О, благослови тебя Богъ, Томми!»)

Походъ въ Эльзасъ.

Изъ записокъ альпійскаго стрѣлка.

I.

Первая побѣда.

Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Эльзасъ! Я въ Эльзасѣ! Это не мечта, а дѣйствительность! Мы стоимъ на эльзасской землѣ, на горныхъ вершинахъ, гдѣ такое синее небо и такой чистый воздухъ. Въ Гонекѣ я только сейчасъ своими собственными руками опрокинулъ пограничный столбъ и снялъ съ него отвратительный гербъ—поганаго чернаго орла... Я буду хранить его теперь, какъ трофей.

Незабвенное впечатлѣніе! Никогда не забуду, какія чувства волновали меня въ эти минуты. Я стоялъ, повернувшись лицомъ къ Франціи, и любовался открывавшимися передо мной чудесами. Внизу громоздились и уходили безконечною цѣпью вдаль горы и горы, сливаясь съ лазурнымъ горизонтомъ. Заходящее солнце освѣщало ихъ вершины, такъ что онѣ рѣзко выдѣлялись надъ широкими полосами тѣни, покрывавшей долины. Тутъ все было, разумѣется, не такъ грандіозно, какъ въ Альпахъ, но зато какъ-то родственнѣе, какъ-то милѣе сердцу.

Я глядѣлъ на Эльзасъ, на мой родимый Эльзасъ, и мнѣ хотѣлось обнять его весь разомъ, весь цѣликомъ прижать къ своему сердцу. Я мысленно переживалъ тѣ далекіе годы моего дѣтства, когда мой парижанинъ-отецъ и эльзаска-мать каждое лѣто увозили меня на каникулы въ Эльзасъ — куда-нибудь въ Вогезы или въ Кольмаръ къ моей бабушкѣ. Какъ мы тамъ много бѣгали по горамъ! Благодаря горамъ у меня стали крѣпкія, легкія и сильныя ноги. Мнѣ кажется, у меня уже тогда было смутное предчувствіе, что мнѣ придется пережить теперешнія минуты. Но я тогда не вѣрилъ этому, не могъ вѣрить и вотъ все это осуществилось.

Отъ самаго Бельфора мы шли по горамъ среди безпрестанныхъ аванпостныхъ стычекъ.

Да здравствуетъ Франція!

Тамъ тоже былъ уже Эльзасъ, но не тотъ Эльзасъ, который я зналъ въ молодости. Но вотъ Шлухтъ, вотъ Гонекъ, вотъ тѣ мѣста, гдѣ я бѣгалъ гимназистомъ. И я иду по нимъ опять, но только не туристомъ, а солдатомъ. Вмѣсто палки у меня въ рукахъ винтовка. Вин-

товка! Со мной! Въ Эльзасѣ! Какъ описать мою пьяную радость? О, мстительница-винтовка! Ты пріятнѣе для моей руки, чѣмъ красивый переплетъ хорошей книги для библіофила. Я радостно потрясаю винтовкой и кричу во все горло: «Да здравствуетъ Франція!» Вдругъ внизу подо мной раздаются голоса:

— Да здравствуютъ горные стрѣлки! Спускайтесь къ намъ, у насъ есть чѣмъ горло промочить!

По травянистой дорогѣ весело и быстро шелъ навстрѣчу намъ батальонъ линейной пѣхоты.

Они взошли наверхъ. Остановились. Ружья моментально въ козла. И пошли разговоры. Оказалось, они идутъ изъ Жерардмера. Остальной полкъ двигается по дорогѣ на Шлухтъ, прикрывая батарею 45-й бригады, которая завтра должна спуститься въ Мюнстерскую долину. Баталіону поручена, какъ и намъ, развѣдка горы направо отъ идущей колонны. Они пойдутъ на Гашнэ и Цаттенъ, а мы еще правѣе, на Малый Баллонъ, и снова сойдемся около Мюнстера, гдѣ генералъ Батайль готовится къ наступленію.

Мы показываемъ линейцамъ Гонекъ. Гуляемъ, смѣемся, поемъ, шутимъ. Намъ любо, весело. Готовится ужинъ. Мы собираемся ночевать тутъ же подъ открытымъ небомъ. Послѣ дневного марша всѣ проголодались и напускаются на ужинъ съ большимъ аппетитомъ

Поужинали и идемъ погулять по горамъ. Вездѣ разставлены часовые. Что-то величественное и торжественное чувствуется въ этомъ тихомъ вечерѣ среди горъ, и мы смѣемся уже не такъ громко. Группа солдатъ, словно рой пчелъ, собралась у оріентировочной карты, начертанной на камнѣ нѣмецкимъ Вогезскимъ клубомъ.

— Вотъ Кольмаръ!

— А вотъ Страсбургъ!

— Далеко ли отсюда до Страсбурга?

— Недурно бы попасть туда сегодня же.

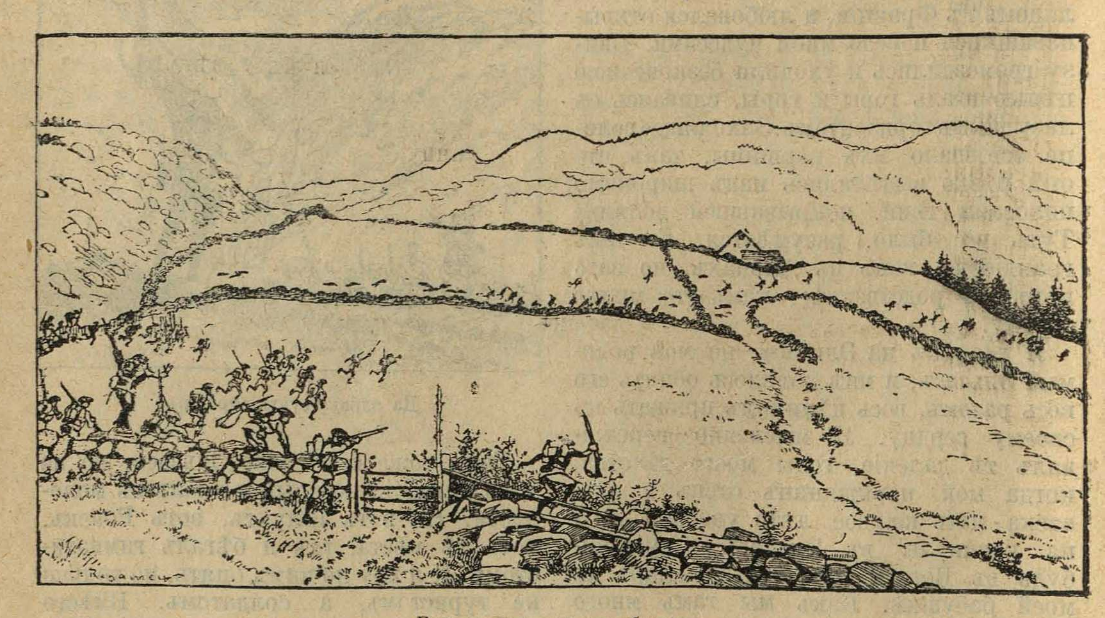
— Держи карманъ! А про укрѣпленія забылъ? Вѣдь ихъ сперва нужно взять.

— Вотъ здѣсь Сентъ-Одиль.

— Молодцы нѣмцы! Точно нарочно приготовили для насъ всѣ указанія! Это съ ихъ стороны очень любезно.

— Небось, они не для насъ старались. Они и не воображали никогда, что мы сюда заберемся.

— А мы вотъ взяли да и забрались!

Бой на горныхъ пастбищахъ,

Линейцы еще ни разу не были въ огнѣ, а мы уже получили боевое крещеніе въ непрерывныхъ аванпостныхъ стычкахъ. Поэтому мы держали себя съ ними свысока, какъ съ учениками, разсказывали имъ про горную войну, про засады, про всякія неожиданности и хитрости.

Мы описывали имъ бои въ лѣсахъ, развѣдки на горныхъ пастбищахъ, гдѣ мы прятались за загородками, устроенными для коровъ, и какъ мы перебирались отъ загородки къ загородкѣ, выбирая мѣста для установки пулеметовъ, чтобы бить изъ нихъ по нѣмцамъ; или какъ мы бросались на противника въ штыки и опрокидывали его съ горъ внизъ въ долины.

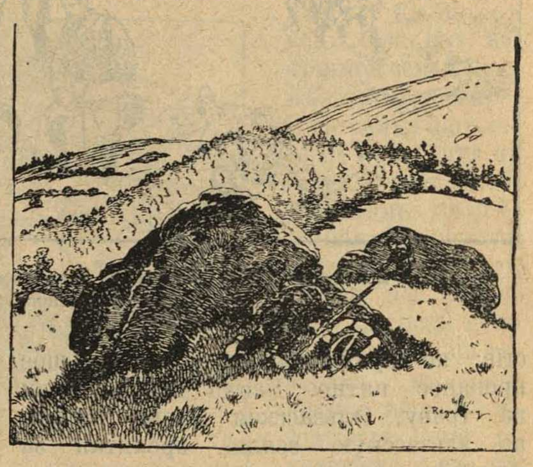
Единственный, лучшій въ мірѣ, спортъ— война! Каждую минуту рискуешь своей жизнью, а вечеромъ, послѣ цѣлаго дня трудовъ, засыпаешь бодрый и радостный, сознавая, что исполнилъ свой долгъ. А на утро просыпаешься вновь, готовый на святую борьбу за родину.

Тѣмъ временемъ солнце совершенно скрылось за горами. Свѣтло было только еще на небѣ — тамъ разлился какой-то особенный мягкій свѣтъ, между тѣмъ, какъ горы и долины погрузились въ полную темноту. Гуляющіе всѣ вернулись въ лагерь. Всѣ солдаты разлеглись на землѣ и заснули, только видны были темныя фигуры часовыхъ, мѣрно расхаживавшихъ по своимъ райснамъ.

Я еще не ложился. Я сидѣлъ и думалъ о моемъ родномъ Эльзасѣ, окутанномъ ночной темнотой. И вдругъ передъ моими заплаканными глазами какъ будто предстала тѣнь дорогого друга. Сразу соскочилъ съ меня весь подъемъ духа. Я почувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, такимъ слабымъ. Жоржъ, бѣдный мой Жоржъ!.. Какъ сейчасъ слышу его голосъ, произносящій мое имя... Былъ разгаръ боя въ Буссингскомъ ущельи. Нѣмцы обратились въ бѣгство. Мы ихъ сначала преслѣдовали, потомъ вернулись на гору въ барачную гостиницу, гдѣ у насъ былъ сборный пунктъ. На террасѣ, гдѣ обыкновенно останавливались туристы утолить жажду, сидѣли у стола офицеры и разсматривали карты, а нашъ полковой докторъ возился около раненыхъ. Тутъ меня въ самое сердце поразилъ знакомый голосъ. Кто-то въ германскомъ мундирѣ говорилъ мнѣ:

— Ренэ, ты меня не узнаешь?

Я наклонился. Вотъ ужасъ! Одинъ мой пріятель — эльзасецъ — съ трудомъ приподнялся на локтѣ и глядитъ на меня лихорадочными глазами. Мы еще ребятами играли вмѣстѣ въ саду у моей бабушки въ Кольмарѣ. Онъ отбывалъ воинскую повинность въ германской арміи, чтобы сохранить права эльзасскаго гражданства. И вотъ...

Развѣдки на горныхъ пастбищахъ близъ Гонека.

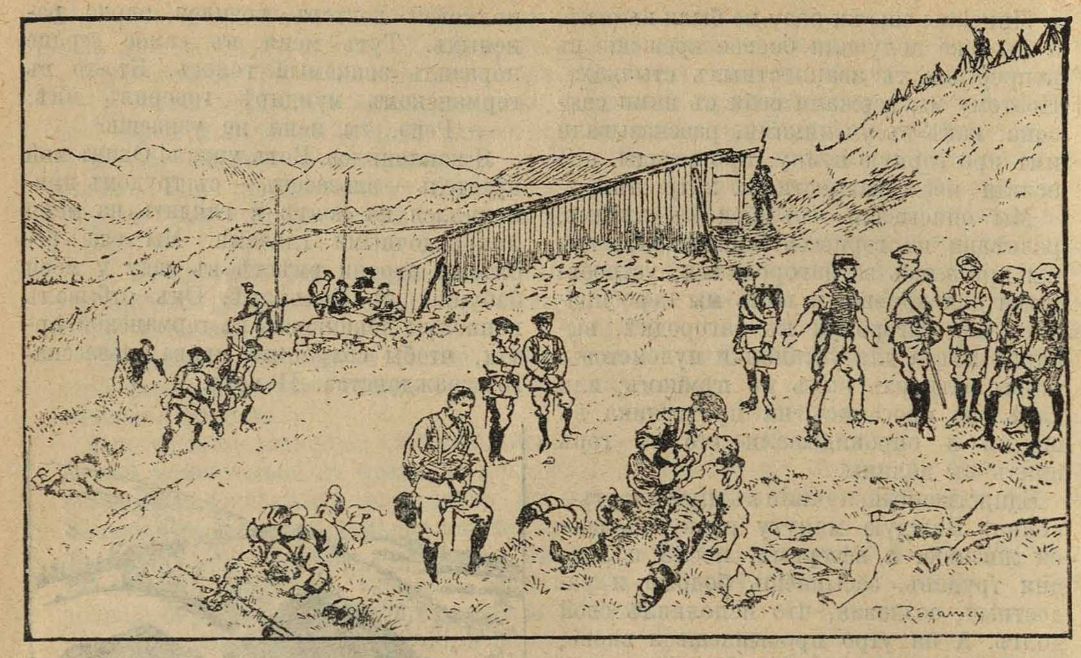
Я опустился на колѣни, обнялъ его.

— Да, это я,—продолжалъ онъ слабымъ голосомъ.—Только меня убила французская пуля. Родная.

— Нѣтъ, нѣтъ. Не можетъ быть. Ты выздоровѣешь. Ты только раненъ. Тебя вылѣчатъ.

— Напрасно. Они мѣтко стрѣляютъ. Но какъ это, въ сущности, жестоко и несправедливо! Насъ вѣдь тутъ тысячи... И насъ всегда ставятъ впереди, чтобы мы были первыми жертвами и чтобы можно было потомъ сказать: «Вотъ, что французы дѣлаютъ съ своими же дѣтьми!» И которыхъ не убиваютъ ваши солдаты, тѣхъ убиваютъ они сами, если видятъ, что мы не стрѣляемъ въ васъ. А у кого же изъ насъ поднимется рука на Францію?

На его германской военной курткѣ виднѣлось небольшое круглое отвер-

Это былъ мой товарищъ, эльзасецъ; я опустился около него на колѣни... Капли крови текли на траву... капли эльзасской крови, пролитой за Францію.

стіе; по сукну расходилось большое кровяное пятно. Капли крови текли на траву. Эльзасская кровь капала на эльзасскую землю, пролитая за Францію.

— Да, за Францію во всякомъ случаѣ!—прошепталъ Жоржъ, такъ какъ я высказалъ эту мысль вслухъ... Прощай... Отцу и матери ска...

Его лицо вдругъ сдѣлалось какъ-то странно спокойнымъ. Глаза были обращены ко мнѣ, но смотрѣли не на меня, а куда-то мимо. Пріоткрытыя губы улыбнулись нездѣшней улыбкой.

И тутъ я понялъ, что всѣ, погибающіе въ этой святой и праведной войнѣ, гибнутъ съ радостью, хотя бы и при такихъ условіяхъ, какъ умиралъ мой товарищъ Жоржъ. Они, умирая, видятъ въ голубомъ небѣ несущуюся на золотыхъ крыльяхъ Побѣду Франціи.

Не будемъ плакать. Много и еще погибнетъ людей, и я самъ, быть-можетъ, найду себѣ смерть. И все-таки:

Впередъ, друзья! Пускай умремъ,
Зато мы родину спасемъ!
На смерть насъ родина зоветъ—
Такъ что жъ? Идемъ! Идемъ впередъ!

Ложусь на мягкую траву горнаго пастбища. Гляжу на небо. Прямо надо мной блеститъ большая голубоватая звѣзда — звѣзда не то Эльзаса, не то Франціи... или, быть-можетъ, звѣзда грядущей побѣды?

II.

Въ родныхъ мѣстахъ.

Въ четыре часа—заря. Вставать.

Какъ, однако, я хорошо выспался! Чертовски хорошо! Такая мягкая трава, что просто прелесть! Подбита мохомъ, точно ватой.

И утро какое славное въ горахъ! Солнышко еще не взошло, но чистое, безоблачное небо его уже ждетъ, поминутно переливаясь изъ розоваго цвѣта въ голубой и обратно, точно японскій шелкъ. И на зеленыхъ вершинахъ тоже такъ тихо, тихо... Какъ будто и онѣ чего-то также ждутъ.

Будетъ любоваться. Довольно. Поскорѣе за утренній кофе и въ путь! Линейцы пойдутъ на Гашнэ, имъ итти не такъ далеко, они выступятъ только

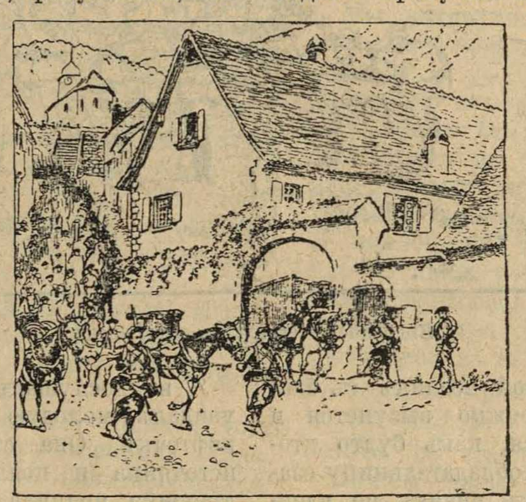
въ восемь часовъ, словно канцелярскіе сидни. Наши сигналы ихъ разбудили, но они повернулись на другой бокъ и заснули опять. Не будемъ мѣшать малюточкамъ бай-бай, не будемъ разгонять ихъ красивыхъ грезъ. Потихоньку, безъ шума выступимъ въ походъ.

Частью мы опять идемъ по дорогѣ, гдѣ шли вчера, вдоль бывшей границы. Это большая Мюнстерская долина, «Эльзасская Швейцарія». Крутыя горы, словно уменьшенныя Альпы, съ голыми утесистыми вершинами. Въ сравненіи съ Монбланомъ онѣ, разумѣется, ничего не стоятъ при своей средней высотѣ въ тысячу или тысячу двѣсти футовъ. Кое-кто изъ товарищей уже начинаетъ острить, насмѣхаться. Меня отъ этого коробитъ, какъ отъ насмѣшекъ надъ любимымъ и уважаемымъ другомъ.

Да посмотрите же вы, что за прелесть эти горы, вотъ въ эту минуту, когда ихъ позолотило солнце и окуталъ легкій туманъ! А какое разнообразіе! Мы идемъ то по ровному степному пастбищу, на которомъ взоръ не встрѣчаетъ ни единаго препятствія, то вдругъ вступаемъ въ густой и темный сосновый боръ, который солнышко еще не успѣло освѣтить какъ слѣдуетъ. Въ бору свѣжо. Мы слегка дрогнемъ на холодкѣ. Величественная тишина громаднаго лѣса производитъ на насъ внушительное впечатлѣніе.

Вотъ передъ нами прудъ. Одинъ изъ тѣхъ горныхъ прудовъ, восхитительныхъ и ледянисто-холодныхъ, которыми, словно глазами, горы смотрятъ на небо. Вотъ водопадъ съ вѣчной бѣлой пѣной, съ безостановочнымъ бѣгомъ и съ неумолкаемымъ шумомъ.

Мы спускаемся въ долину, переходимъ черезъ Метцераль и поднимаемся по другому склону до Малаго Баллона.

Наше вниманіе привлекаетъ прибитый къ стѣнѣ плакатъ въ черно-бѣло-красной рамкѣ.

Метцераль — первое эльзасское селеніе на нашемъ пути.

Годъ тому назадъ, когда я жилъ здѣсь съ семьей на дачѣ, приходило ли мнѣ въ голову, что скоро мнѣ придется маршировать по этимъ самымъ мѣстамъ съ своимъ батальономъ. Я увижу своихъ здѣшнихъ знакомыхъ, которые всѣ такіе отличные люди, увижу Лину...

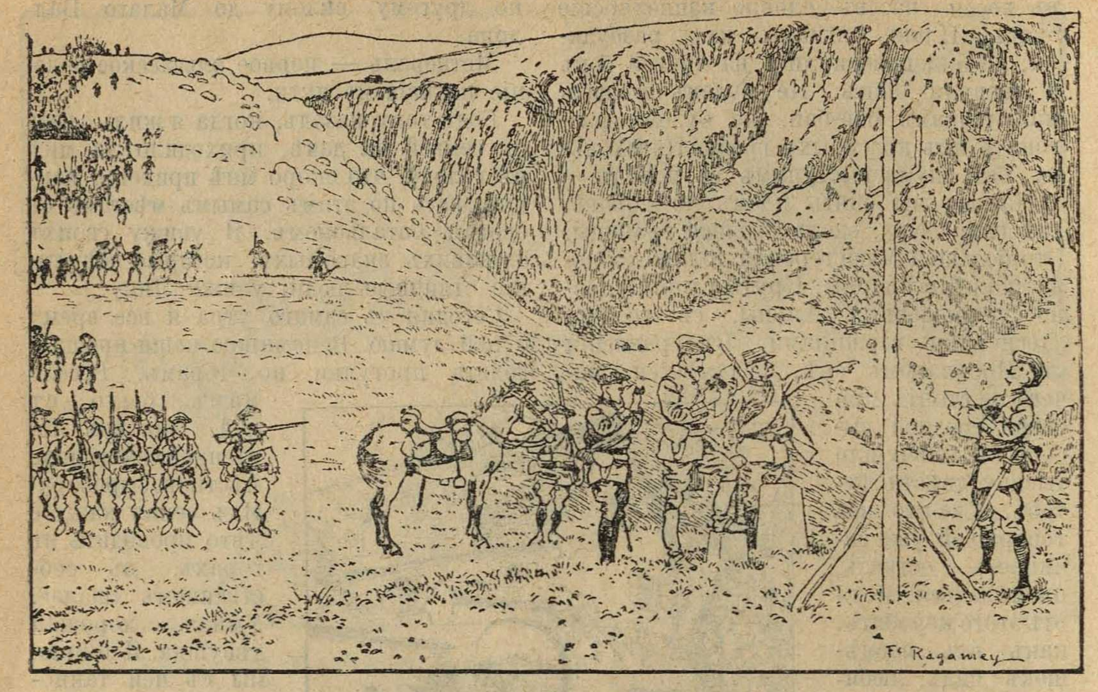
Сегодня съ самаго утра я все время о ней думаю. Вспоминаю наши прошлогоднія прогулки по горамъ. Весело намъ было съ ней. Она изъ почтенной семьи, дочь мѣстнаго сыровара. Ихъ семья каждое лѣто проводитъ въ горахъ, въ собственномъ «шалэ». Умная, хорошая дѣвушка. Я помню, мы съ ней танцовали вальсъ подъ граммофонъ по вечерамъ, въ залѣ шалэ, играли въ schwarze Peter съ участіемъ ея сестеръ и жженой пробкой наводили себѣ усы. Весело было!

Разумѣется, въ это лѣто, по случаю войны, ихъ нѣтъ въ шалэ, они остались въ Метцералѣ, гдѣ живутъ по зимамъ.

Ну, горнисты, играйте! Хорошенько играйте по случаю нашего вступленія въ первое Эльзасское село!

Хорошо сыграли. Никогда еще такъ славно не играли. Эльзасцы, бѣгите сюда скорѣе! Къ вамъ возвращается Франція!

...Но почему же такъ пусто въ селеніи? Или еще слишкомъ рано? Открываются ставни, приподнимаются бѣлыя сторы. Высовываются головы и съ любопытствомъ глядятъ на насъ. Узнаю костюмы женщинъ, издавна отличающіеся строгой простотой: черное платье, суроваго полотна рубашка безъ всякой отдѣлки

Выступленіе стрѣлковъ изъ Гонека

на головѣ небольшой чепчикъ съ бантомъ. Голова осторожно высунется и сейчасъ же скроется, какъ будто кто-нибудь одернетъ ея обладательницу сзади. Зато ребятишекъ никакъ не удержишь: они бѣгутъ за нами толпой.

У входа въ одинъ изъ домовъ стоитъ старикъ и дружески киваетъ намъ, но дѣлаетъ это робко, украдкой.

Наше вниманіе привлекаетъ прибитый къ стѣнѣ какой-то плакатъ въ черно-бѣло-красной рамкѣ. Передъ нимъ остановился нашъ поручикъ, хорошо знакомый съ нѣмецкимъ языкомъ. Собирается группа офицеровъ, и я слышу, какъ поручикъ переводитъ баталіонному командиру:

«Довожу до всеобщаго свѣдѣнія, что всякій домовладѣлецъ, изъ дома котораго будетъ кѣмъ бы то ни было сдѣланъ хотя бы одинъ выстрѣлъ по нашимъ войскамъ, будетъ разстрѣлянъ, а домъ будетъ сожженъ.

«Кольмаръ, 11 августа 1914 г.
«Начальникъ уѣзда, тайный совѣтникъ Кронау».

Я не дослушалъ, потому что вдругъ увидалъ молодую дѣвушку въ бѣлой кофточкѣ. Она стояла у журчащаго источника и поила корову. Молодая дѣвушка подняла голову и взглянула на меня. Я увидалъ хорошенькое капризное личико съ глазами газели и съ упрямымъ лбомъ подъ темными кудрявыми волосами. Лина!

Я бросился къ ней. Протянулъ руку.

— Лина, узнаете?

Она не взяла протянутой руки, даже не пошевелилась, а сдѣлала видъ, будто всецѣло занята своей коровой. Впрочемъ, она тихонько проговорила, потупивъ голову:

— Проходите. Я боюсь... Мы бы съ удовольствіемъ приняли васъ, какъ слѣдуетъ, но...

— А что такое?

— *Они* объявили, что сожгутъ все село, если мы окажемъ французамъ ласковый пріемъ... Прочтите другой плакатъ... тамъ сказано... Насъ всѣхъ разстрѣляютъ.

— Но разъ мы здѣсь...

— А когда вы уйдете, что съ нами будетъ? Вѣдь вы, пожалуй, не останетесь здѣсь. Намъ извѣстно, что случилось въ Мюльгаузенѣ послѣ ухода французовъ.

— А я какъ надѣялся...

— Замолчите!.. Тише говорите!.. Я нарочно вышла съ коровой, чтобы кто-нибудь не подумалъ... А мнѣ почему-то показалось, что это именно вашъ баталіонъ идетъ, и я хотѣла поздороваться съ вами... Однако довольно. И такъ ужъ долго... Я ухожу.

Она слегка шлепнула корову рукой. Послушная коровка сейчасъ же бросила пить и пошла домой. Лина ушла, даже не обернувшись, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Я постоялъ нѣсколько секундъ дуракомъ и пустился догонять баталіонъ. Когда я проходилъ мимо ихъ дома, отецъ и мать стояли у окна за занавѣсками. Они улыбнулись мнѣ и украдкой дружески кивнули.

Ахъ, колбасники проклятые! Испортили мнѣ все пребываніе въ Метцералѣ! Хорошо же! При первой же встрѣчѣ я имъ за это отплачу!

Проходя дальше, мы увидали тотъ плакатъ, о которомъ говорила Лина. Но я имъ даже не поинтересовался. Мнѣ было не до того. Я весь былъ занятъ мыслью о пережитомъ разочарованіи. Неужели вездѣ будетъ такъ... и даже въ Кольмарѣ?

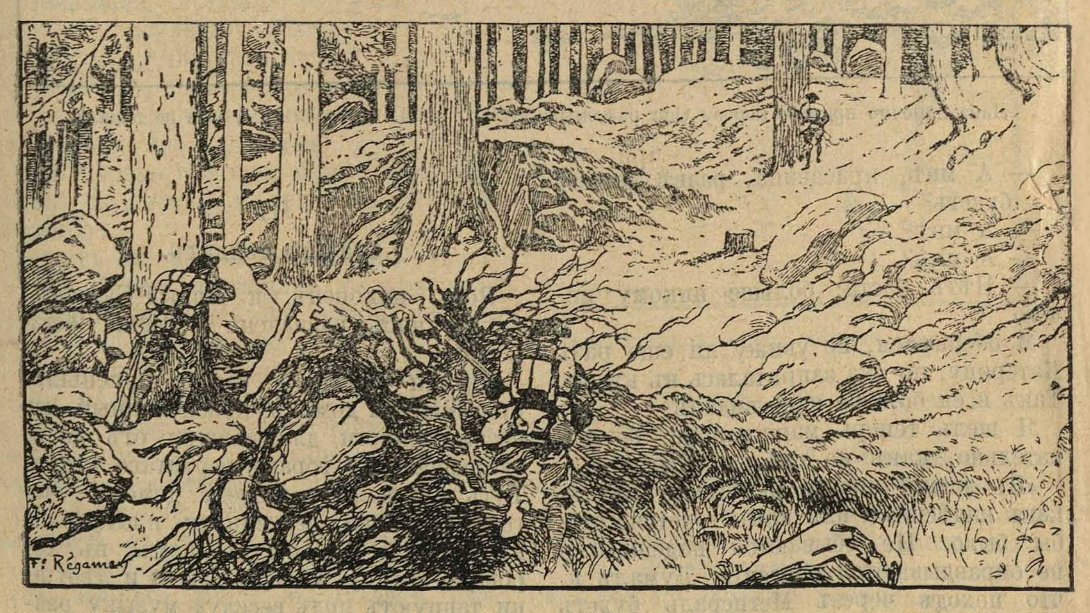
Наши рожки весело трубили. Изъ оконъ выставлялись любопытныя, сочувствующія, но робкія головы. Какъ нависъ надъ этой мирной деревней нѣмецкій терроръ! И развѣ мы имѣемъ право сердиться на этихъ бѣдныхъ людей, зная, на что способны безсовѣстные тираны, держащіе ихъ вотъ уже почти полвѣка подъ своей желѣзной пятой?

Мы вытянулись изъ села и двинулись по узкой дорогѣ, поднимавшейся на гору.

Вдругъ изъ-за густыхъ кустовъ ко мнѣ летитъ что-то легкое и попадаетъ мнѣ прямо въ фуражку. Я подхватываю — большой цвѣтокъ красной гвоздики.

За кустами слышенъ громкій смѣхъ. Я наклоняюсь и вижу розовое лицо, улыбающіяся румяныя губы и сквозь нихъ сверкающіе бѣлые зубы. Это Катерина, сестра Лины. Я ее прозвалъ «возчицей», за то, что она всегда ѣздила въ горы за сыромъ своего отца на лошади въ телѣгѣ и отвозила этотъ сыръ потомъ на станцію желѣзной дороги.

Она была гораздо смѣлѣе Лины. Впрочемъ, и та вѣрно собралась съ духомъ и приходила же вотъ къ источнику..

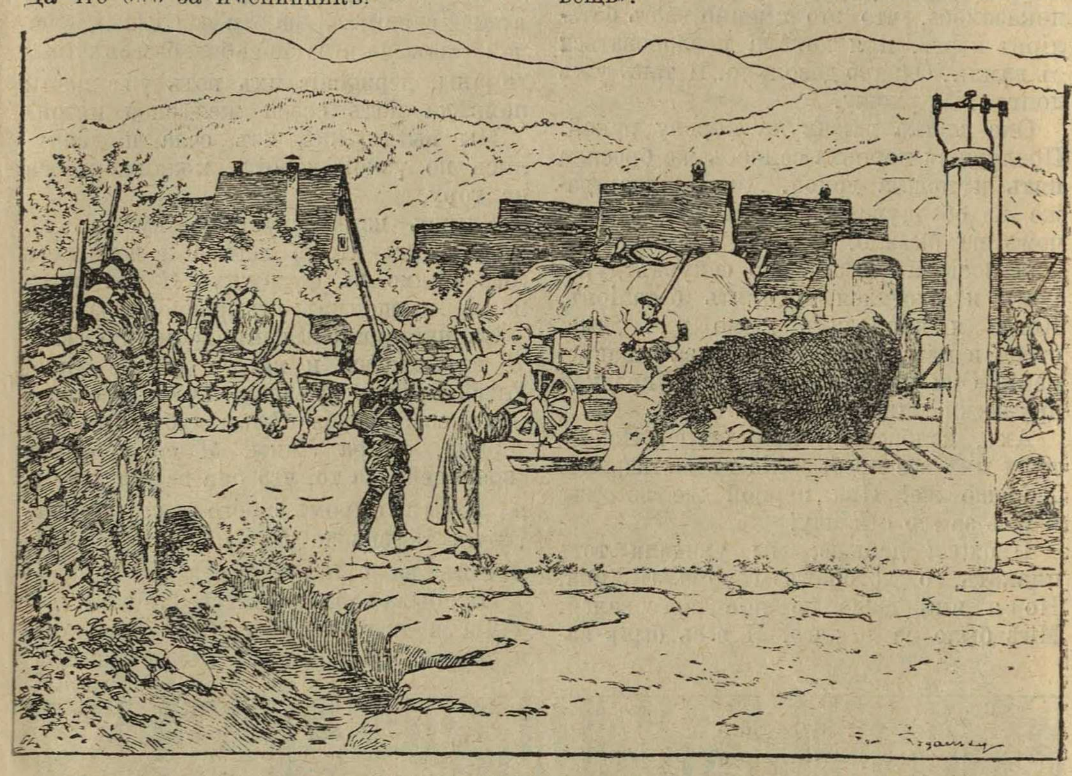
Мы идемъ по доровѣ къ Мюнстеру Съ обоихъ фланговъ насъ охраняютъ развѣдчики.

Я развеселился. жестомъ поблагодарилъ добрую дѣвушку за прелестный, кроваво-красный цвѣтокъ, національный цвѣтокъ эльзасцевъ, и пошелъ дальше.

Товарищи мои смѣялись:

— Скажите пожалуйста! Одному ему! Да что онъ за именинникъ?

для меня праздникомъ — разочарованіе. Надѣялся поговорить, какъ слѣдуетъ, съ Линой — не тутъ-то было. И вдругъ — красивый цвѣтокъ, когда я всего меньше ожидалъ чего-нибудь подобнаго... Да, жизнь — вещь несуразная... И война — тоже несуразная вещь».

Лина нарочно привела корову Она разговариваетъ со мной, но своей руки мнѣ не подала.

— А мнѣ, красавица, развѣ ничего не будетъ?

— А мнѣ?

— А мнѣ?

— Нѣтъ, баста: больше никому ничего.

Я обернулся, не увижу ли еще разъ Катерину, но она запряталась въ кусты. Такъ я ея больше и не видалъ

Я шелъ теперь машинально, безсознательно, какъ во снѣ, и думалъ:

«Въ жизни ничего не бываетъ такъ, какъ надѣешься или какъ хочется, чтобы было. Не сбываются надежды и не оправдываются опасенія. Думалъ я, что походъ черезъ Метцераль будетъ

III.

Старый солдатъ.

Вотъ, наконецъ, и Малый-Баллонъ, гдѣ у насъ назначена большая остановка.

Издали вижу и узнаю маленькій, приземистый домикъ, прислоненный къ возвышенности для защиты отъ часто гуляющаго по горамъ сердитаго вѣтра. Тутъ сыроварня. Передъ домомъ — четырехугольная деревянная платформа, на которой по воскресеньямъ, въ хорошую погоду, молодые люди и дѣвушки танцуютъ подъ веселую музыку раз-

ные танцы. Подниматься сюда въ гору нужно всякій разъ часа два, но это не отпугиваетъ эльзасцевъ, любителей потанцовать.

Но какъ сейчасъ пусто на Маломъ-Баллонѣ, тогда какъ обыкновенно на немъ пасется огромное стадо коровъ. А теперь тутъ только и видны двѣ какія-то жалкія коровенки. Должно-быть, по случаю войны всѣхъ остальныхъ коровъ увели отсюда ихъ владѣльцы.

Изъ дома выходитъ сыроваръ. Онъ немножко встревоженъ. Я ему говорю:

— Не бойтесь, дядя Андресъ! Это къ вамъ Франція возвращается. Вы вѣдь ее давно уже ждете, небось?

Онъ уклончиво улыбается и узнавая меня, говоритъ:

— Батюшки! И мосье Ренэ здѣсь

— Мы идемъ отбирать у колбасниковъ Эльзасъ.

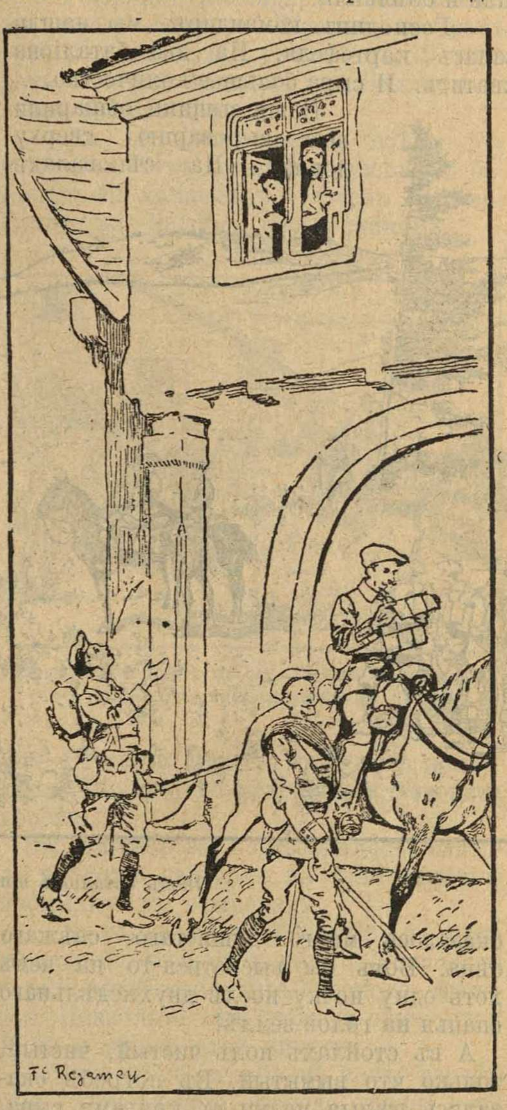
Опять улыбается, но ничего не говоритъ сдержанный горецъ, привыкшій къ уединенію и безмолвію.

Ружья уже въ козлахъ. Офицеры велѣли принести на танцовальную площадку столъ, разложили на немъ географическія карты и совѣтуются съ лѣсникомъ-французомъ, который идетъ съ нами отъ Шлухта въ качествѣ проводника. Къ сожалѣнію, онъ, чѣмъ дальше отъ границы, тѣмъ хуже знаетъ мѣстность и начинаетъ путаться самъ. Зовутъ меня. Я начинаю припоминать свои экскурсіи и поѣздки и мнѣ удается возстановить по памяти кое-какія дороги. По этимъ дорогамъ мы направляемъ имѣющіяся при насъ немногія повозки, и часа черезъ полтора, черезъ два приходимъ на гору Зольбергъ, къ югу отъ Мюнстера.

Будутъ ли насъ ждать нѣмцы? Неизвѣстно. Нашъ командиръ отдалъ распоряженіе устроить на всякій случай закуску на скорую руку.

Распаковываютъ ящики, достаютъ консервы, разводятъ огонь для варки кофе. А, можетъ-быть, въ домѣ найдется что-нибудь еще для разнообразія, какія-нибудь «деликатессенъ», какъ говорятъ нѣмцы? Зовутъ сыровара. Капитанъ вступаетъ съ нимъ въ разговоръ но увы!—эльзасецъ по-французски ни въ зубъ. Не его вина: въ Эльзасѣ уже больше сорока лѣтъ не учатъ въ школахъ французскому языку.

— Извините, господинъ командиръ, не могу ли я вамъ быть полезенъ? Я знакомъ съ мѣстнымъ эльзасскимъ нарѣчіемъ и даже этого сыровара знаю. Это очень хорошій человѣкъ.

Жители украдкой киваютъ намъ въ видѣ привѣта.

— Спросите его, что у него можно получить. Не можетъ быть, чтобы въ сыроварнѣ не нашлось для насъ молока. Да не забудьте объяснить, что мы за все заплатимъ.

Увы! Всѣхъ коровъ увели съ горы, какъ только началась мобилизація. Мо-

пока наберется развѣ нѣсколько стакановъ. Досадно, чортъ возьми!

Выручили наши же стрѣлки, нѣсколько человѣкъ изъ нихъ. Они подошли и объявили:

— Господинъ командиръ, мы нашли запасъ картофеля. На два баталіона хватитъ. И сыра большое количество.

Наши сыщики обшарили всю сыроварню сверху донизу. На сѣновалахъ оказалось много душистаго свѣжаго сѣна. Вотъ бы выспаться-то на чемъ хоть одну ночку послѣ двухнедѣльнаго спанья на голой землѣ!

А въ стойлахъ полъ чистый, чистый, только что вымытый. Въ погребѣ оказались цѣлыя полки съ кругами сыра. Восторгъ! не весь сыръ былъ вывезенъ. Штукъ сорокъ сыровъ осталось. И кромѣ того, цѣлый складъ картофеля.

— Превосходно, — сказалъ командиръ,—значитъ сегодня у насъ вотъ какое меню: сушеное мясо, картофель въ мундирѣ и мюнстерскій сыръ на десертъ. Послѣ такой ѣды, ребята, вамъ будетъ легко справиться съ нѣмцами, сами они намъ попадутся подъ руку.

Я опять вставилъ свое слово:

— Господинъ командиръ, разрѣшите слово сказать. Можно устроить великолѣпное кушанье: картофель съ сыромъ вмѣсто масла. Здѣшній мюнстерскій сыръ какъ разъ для этого годится. Будетъ просто чудо какъ вкусно! А для варки всей этой массы картофеля можно употребить большіе котлы, въ которыхъ варится сыръ. Въ полчаса все будетъ готово.

— Устройте все это съ поварами, а сыровара пошлите ко мнѣ—я съ нимъ сосчитаюсь и расплачусь.

Нашъ баталіонъ приходитъ на сыроварню.

Солдаты развеселились и разыгрались точно мальчики. Всѣ сбѣжались смотрѣть на котлы, въ которыхъ варился картофель.

— Точно большой котелъ въ Домѣ Инвалидовъ.

— А ты видѣлъ?

— Нѣтъ, это было давно, но я все равно помню. Тамъ призрѣвался мой дѣдушка, такъ онъ мнѣ часто разсказывалъ про этотъ котелъ.

Дядя Андресъ ушелъ къ себѣ въ комнату считать полученныя деньги. Хоть ему и не нравилась передряга, нарушавшая его покой, но сдѣлкой онъ остался доволенъ: меньше перевозить. Въ сыроварнѣ почти ничего не

осталось, а карманы у него были набиты деньгами. На войнѣ не всегда все плохо. Отмѣтилъ онъ также, и съ удивленіемъ, что ни одинъ унтеръ ни разу не пихнулъ его сапогомъ въ бокъ. У нѣмцевъ это сплошь да рядомъ. Впрочемъ, отсутствіе такой грубости онъ счелъ дурнымъ предзнаменованіемъ для французовъ. Не будетъ у нихъ успѣха.

«Жаль, жаль, — думалъ онъ. — Слишкомъ ужъ они деликатны. Такъ на войнѣ не дѣлается. Ихъ непремѣнно поколотятъ, сомнутъ, раздавятъ. Жаль, очень жаль».

Тѣмъ временемъ все сварилось. За картофель съ мюнстерскимъ сыромъ всѣ меня благодарили: блюдо имѣло большой успѣхъ. Офицеры, прихлебывая на террасѣ кофе, назвали меня молодцомъ.

Всѣ были довольны. Наступилъ моментъ всеобщаго благодушія. Курильщики закурили трубки, иные свернули себѣ папироски. Вдругъ черезъ часовыхъ до офицеровъ дошло извѣстіе, что къ намъ на гору идетъ какой-то человѣкъ.

Не нѣмецъ ли? Не развѣдчикъ ли? Офицеры достаютъ бинокли. Идущій не похожъ на солдата, но одѣтъ во все сѣрое и у него винтовка. Впрочемъ, на головѣ у него шляпа.

Ноги у него здоровыя. Онъ поднимается на гору легко и быстро. Его силуэтъ быстро увеличивается.

Онъ остановился, досталъ изъ кармана бѣлый платокъ и машетъ имъ, продолжая итти. Неужели парламентеръ? Увидимъ. Сейчасъ увидимъ, потому что онъ идетъ очень быстро. Подошелъ. Это нѣмецъ-лѣсничій. Что ему нужно? Баталіонный посылаетъ четырехъ солдатъ съ унтеръ-офицеромъ, чтобы его привести.

— Только вы, ребята, будьте съ нимъ по-хорошему. Онъ, видимо, человѣкъ не вредный.

Что это съ нимъ такое, съ этимъ человѣкомъ? Онъ поднялъ высоко вверхъ шляпу, машетъ ею, широко размахиваетъ руками. Такой радостный, веселый. До насъ доносятся, наконецъ, слова, которыя онъ выкрикиваетъ:

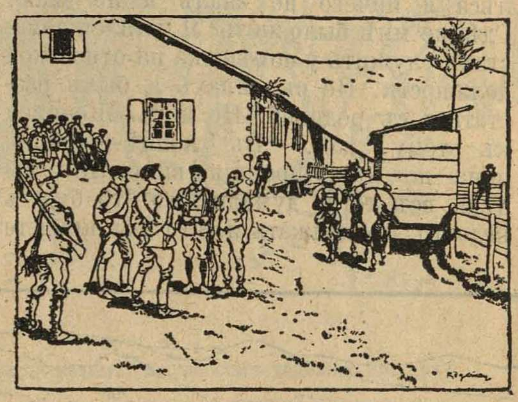
— Да здравствуетъ Франція! Ура! Да здравствуетъ Франція!

Онъ поочередно кидается на шею нашимъ солдатамъ, жметъ имъ руки, обнимаетъ ихъ, цѣлуетъ и все время кричитъ.

Странно, но мнѣ онъ кого-то напоминаетъ... А! такъ и есть!

— Господинъ командиръ,—говорю я,— это унтеръ-офицеръ Шперле, ветеранъ 1870 г., эльзасскій уроженецъ. Я увѣренъ, что онъ пришелъ съ самыми лучшими намѣреніями.

— Да вы, оказывается, всѣхъ рѣшительно тутъ знаете?—засмѣялся баталіонный командиръ. — Очень хорошо. Будьте же нашимъ переводчикомъ.

Капитанъ вступаетъ съ сыроваромъ въ разговоръ но—увы!—тотъ по-французски ни въ зубъ.

— Этого не нужно, господинъ командиръ. Шперле по-французски говоритъ хорошо.

Это сейчасъ же подтвердилось. Шперле вихремъ взлетѣлъ на танцовальную площадку къ офицерамъ.

— Да здравствуетъ Франція! Ахъ, какъ я радъ, что я среди нашихъ!.. Господинъ баталіонный командиръ, господа офицеры! Позвольте мнѣ пожать вамъ руки! Какъ я ждалъ этой минуты!

Голосъ грубоватый, но тонъ сердечный и радостный. Борода сѣдая. Ротъ улыбается, а въ голубыхъ глазахъ стоятъ крупныя слезы.

Офицеры охотно жмутъ ему руку и ждутъ, что будетъ дальше.

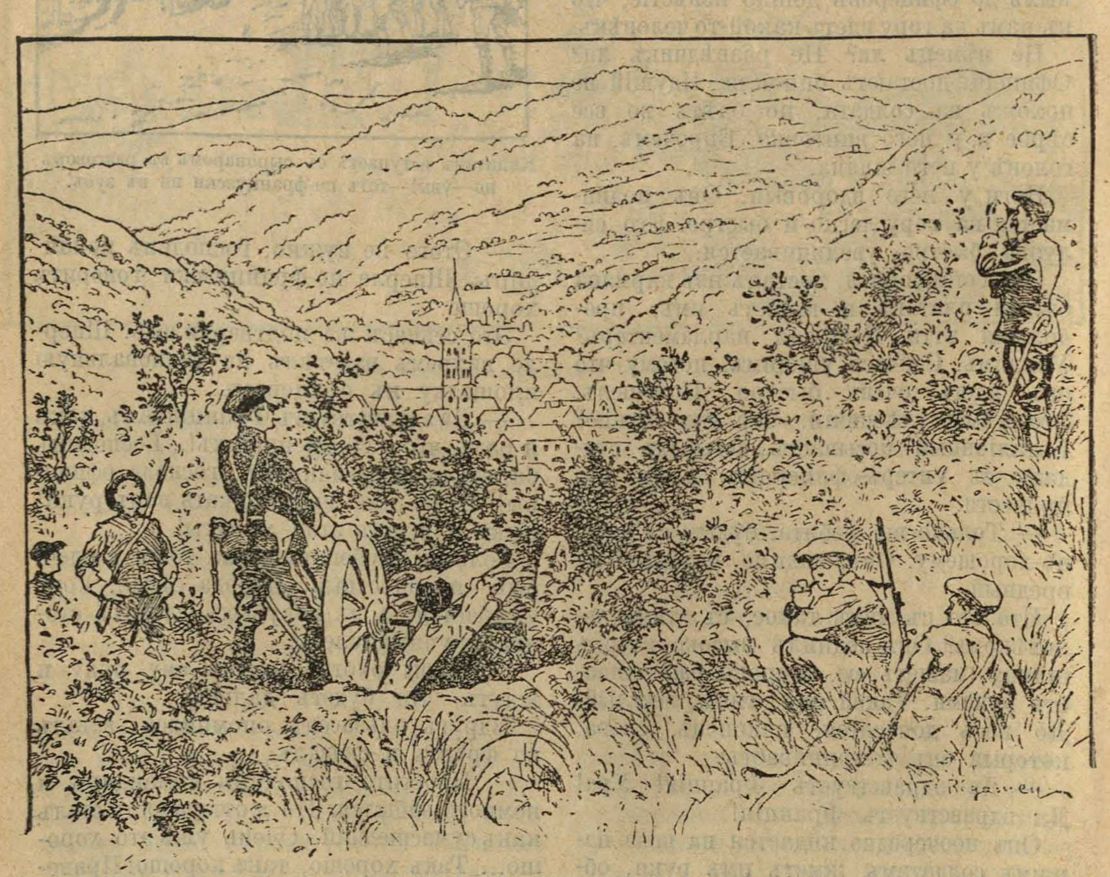
Вдругъ эльзасецъ опомнился, всталъ во фронтъ и сказалъ:

— Простите, господинъ командиръ, я немного забылся. Но я отъ радости сталъ какъ сумасшедшій. Очень ужъ это хорошо... Такъ хорошо, такъ хорошо! Приве-

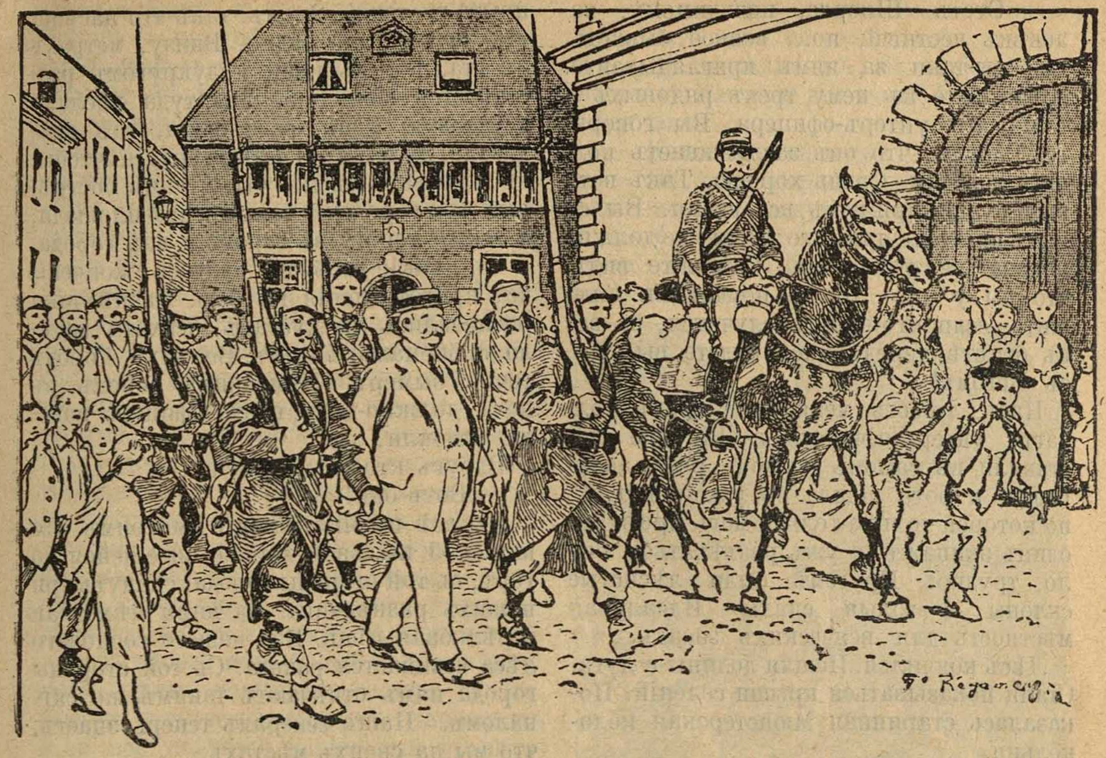
лось мнѣ до этого дожить! А думалъ—такъ и умру, не увижу... Вотъ, во-первыхъ, вамъ моя солдатская книжка. Извольте проглядѣть. Іосифъ Шперле, родился въ 1849 г. въ Метцералѣ—это тамъ внизу. Поступилъ добровольцемъ въ армію въ 1867 г., переведенъ въ гвардію въ 1869 г... Произведенъ въ унтеръ-офицеры... Былъ во всѣхъ бояхъ подъ Мецомъ, подъ начальствомъ, извините, подлеца Базена... Былъ въ плѣну. Вернулся на родину. Отецъ служилъ лѣсничимъ у одного помѣщика. Кромѣ лѣса я ничего не зналъ и не знаю. Гдѣ же мнѣ было жить? Я остался дома, сталъ служить у помѣщика на отцовской должности. Не въ силахъ я былъ разстаться съ родиной. Не могъ. Женился къ тому же... Въ концѣ-концовъ, вина не моя. Франція виновата. Мы вѣдь всѣ тогда думали, что это будетъ недолго продолжаться, что вы придете къ намъ лѣтъ черезъ пять, самое большее... Какъ мы васъ ждали! Многіе такъ и умерли въ отчаяніи. А я ужъ и ждать пересталъ—и вдругъ... Господинъ командиръ, возьмите мою старую шкуру. Я хочу бить нѣмцевъ. Я такъ много черезъ нихъ перестрадалъ! Мнѣ шестьдесятъ пять лѣтъ, но ноги у меня двадцатилѣтнія. Въ походѣ я ни отъ кого изъ вашихъ не отстану. А глаза у меня—на триста метровъ я стрѣляю безъ промаха.

Онъ проговорилъ все это однимъ духомъ. Баталіонный смотрѣлъ на него, перелистывая его солдатскую книжку.

— Господинъ командиръ, я хоть и старикъ, а лишнимъ среди вашихъ молодцовъ не буду. Подумайте, вѣдь я унтеръ-офицеръ гвардіи! Жалованья мнѣ не нужно, пустите меня только въ первые ряды. Я покажу вашимъ стрѣлкамъ, какъ мы когда-то бились подъ начальствомъ Канробера.

Французская батарея передъ Мюнстерномъ. Вдали отчетливо видна соборная колокольня.

Вступленіе въ Мюнстеръ и арестъ мэра, эльзасца родомъ, но заядлаго германца по духу.

— Формуляръ у васъ хорошій, это что говоритъ,—сказалъ баталіонный.— Ни одного штрафа за всю службу!

— Значитъ, берете? Кромѣ того, я знаю всю здѣшнюю округу на десять миль во всѣ стороны. Каждый уголокъ знаю, каждую тропочку, каждый камешекъ. Я васъ всюду проведу.

— Только вѣдь это все не по правиламъ—то, о чемъ вы просите.

— Не по правиламъ! Да что же теперь дѣлается по правиламъ? Развѣ это по правиламъ, что нѣмцы все жгутъ и всѣхъ рѣжутъ?

— Ну, а ваша семья?

— Ахъ, семья! Были у меня два сына да умерли еще въ молодыхъ годахъ. Жена умерла пять лѣтъ тому назадъ. Осталась одна дочь, замужемъ за хорошимъ человѣкомъ. Третьяго дня я отнесъ къ нимъ все, что имѣлъ за душой: обстановку, бумаги, сбереженія. Простился съ ними, поцѣловалъ и благословилъ внучатъ. Все сдѣлалъ по закону, какъ передъ смертью. Теперь я все равно что умеръ. Никому я больше не нуженъ, и для меня существуетъ теперь только одна Франція. На постели умирать я не хочу, и, во всякомъ случаѣ, не хочу умирать прежде, чѣмъ убью хоть одного нѣмца.

— Ну, хорошо, оставайтесь. Адъютантъ это оформитъ. А пока взгляните вотъ на этотъ маршрутъ: такъ ли мы его начертили? Намъ нужно пройти на Зольбергъ. Дайте совѣтъ.

Шперле даже выбранился по-эльзаски отъ радости. Бросился къ столу и сталъ разсматривать лежавшую на немъ карту. Онъ выслушалъ мои объясненія и, къ моей великой радости, подтвердилъ всѣ мои предположенія.

Отданъ былъ приказъ. Баталіонъ приготовился въ одинъ мигъ. Одну изъ ротъ—ту, въ которой былъ я,—назначили въ развѣдку: осмотрѣть дорогу и лѣсъ со всѣхъ сторонъ. Шперле прикомандировали къ намъ проводникомъ.

Баталіонный подозвалъ къ себѣ ротнаго и меня.

— Этотъ Шперле, повидимому, человѣкъ честный, но... всякое бываетъ. Вы все-таки за нимъ приглядывайте. Приставьте къ нему трехъ рядовыхъ и толковаго унтеръ-офицера. Вы говорите, Рабуль, что онъ заслуживаетъ полнаго довѣрія Очень хорошо. Такъ вотъ вы и будьте при немъ все время. Вы съ нимъ пріятель, такъ что это ему не должно показаться страннымъ. Сдѣлайте видъ, что вы у него хотите поучиться. Слышите: если что-нибудь случится, за все въ отвѣтѣ передо мной будете вы. Ну, съ Богомъ!

Насъ, то-есть меня, еще трехъ солдатъ, унтеръ-офицера и Шперле поставили въ самомъ первомъ ряду авангарда, и рота пошла по узкой дорогѣ, по которой только-только могъ проѣхать одинъ экипажъ, а ужъ разъѣхаться было трудно. Кругомъ были лѣсистые склоны и голыя скалы Идеальная мѣстность для всяческихъ засадъ.

Лѣсъ кончился. Пошли долины и луга. Стали показываться крыши селеній. Показалась старинная Мюнстерская колокольня.

Войдя снова въ одинъ лѣсъ, мы прошли черезъ него, и въ нѣсколько минутъ достигли горы Зольберга, возвышающейся на сто метровъ надъ Мюнстеромъ съ южной стороны. Вскорѣ собралась вся рота. Окрестности были обслѣдованы хорошо. Нѣмцевъ нигдѣ не оказалось. Баталіонъ можетъ итти.

Есть ли въ Мюнстерѣ непріятель? Кругомъ рѣшительно ничего не видно. Весь городъ точно вымеръ. Сейчасъ узнаемъ, въ чемъ дѣло.

IV.

Дождались!

Великолѣпный сегодня выдался денекъ! Мы вступили въ Мюнстеръ. Какое это было счастье вступить въ эльзасскій городъ и занять его отъ имени Франціи! Нѣтъ, это не сонъ, не мечта, это полная явь. Мы стоимъ на клочкѣ территоріи, отвоеванномъ обратно у нѣмцевъ, и на письмахъ можно писать: Франція, Мюнстеръ.

На Зольбергъ мы прибыли, какъ было приказано, сегодня утромъ въ половинѣ двѣнадцатаго. Вершина горы покрыта густымъ лѣсомъ, такъ что насъ ниоткуда не было видно. Внизу, метрахъ въ ста, передъ нами полукругомъ разстилается Мюнстеръ. Мы туда послали передовую цѣпь, разставили, гдѣ слѣдовало, пулеметы и четыре орудія, чтобы, въ случаѣ нужды, было чѣмъ обстрѣлять три городскія улицы и двѣ площади, а также дорогу въ городъ и изъ города.

Въ какіе-нибудь полчаса кончены всѣ приготовленія къ бою. Развѣдчики расползлись по кустамъ, пѣхота засѣла въ окопахъ. Ждемъ. Все тихо. Городъ точно вымеръ. Нѣмецкихъ войскъ въ немъ, должно-быть, нѣтъ. Офицеры навели бинокли.

Вдругъ кто-то крикнулъ.

— Вотъ они!

Мы всѣ вытягиваемся и смотримъ. По широкой пыльной дорогѣ, вьющейся по горѣ, съ той стороны города, скачутъ три нашихъ развѣдчика. За ними пѣхотная стрѣлковая цѣпь. Изъ нашего сосноваго лѣса взвивается ракета. Съ той стороны города намъ отвѣчаютъ такимъ же сигналомъ. Нашъ генералъ теперь знаетъ, что мы на своихъ мѣстахъ.

Взволнованные, сгорая отъ любопытства, мы идемъ за нашимъ авангардомъ. Наша цѣпь охватываетъ городъ, приближается къ крайнимъ домамъ. Солдаты вступаютъ на улицы...

Ни единаго выстрѣла. Такъ и есть: Мюнстеръ нѣмцы очистили. Боя сегодня не будетъ.

Сигналисты трубятъ сборъ. Мы убираемъ пушки и пулеметы въ сосновый лѣсъ. Тамъ отличное мѣсто для лагеря. Послѣ разбивки лагеря насъ отпускаютъ въ городъ. Унтеръ-офицеры идутъ за покупками для ужина. Все это время мы питались консервами. Теперь идетъ рѣчь о настоящемъ ужинѣ, о цѣломъ пирѣ горой. И будемъ спать уже не на травкѣ, не на голой землѣ. Скорѣй! Рысью! Рысью!

Первымъ дѣломъ всматриваюсь въ физіономіи обывателей. Стараюсь угадать мысли горожанъ. То же, что было и тамъ, въ деревнѣ: страхъ передъ нѣмецкой отместкой. Мюнстерцы уже знали о томъ, какъ расправлялись колбасники съ жителями Мюльгаузена послѣ нашего ухода. На улицахъ толпится народъ, но всѣ спокойны. Обыватели чувствуютъ, что за

ними слѣдятъ, и что потомъ будетъ донесено о каждой мелочи. И все-таки, по временамъ, обыватели не могутъ удержаться отъ веселыхъ улыбокъ. Ничего! Зато вечеромъ, когда унтеръ-офицеровъ и солдатъ размѣстятъ къ нимъ по домамъ на постой, они себя вознаградятъ за все. Какъ хорошо поужинаютъ наши товарищи! Ну, а мы—нашъ баталіонъ останется на горѣ въ сосновомъ лѣсу.

Пускаюсь бродить по городу. Вездѣ веселое оживленіе. Никогда еще въ Мюнстерѣ не собиралось столько людей! На базарной площади, возлѣ церкви, куда ни глянь—всюду красные штаны и синія куртки. И ребятишекъ, ребятишекъ—безъ конца! Тѣснятся около солдатиковъ, таращa глазенки. Наряженные въ городъ за покупками нижніе чины ходятъ по лавкамъ и выходятъ изъ нихъ нагруженные товаромъ. Одна кучка окружила крестьянина съ сѣрымъ осликомъ. Мужичокъ себѣ на умѣ: на спинѣ у его ослика цѣлый возъ бѣлой капусты, моркови, рѣпы, земляныхъ грушъ, салата. Все это тутъ же раскупается нарасхватъ и за все платится наличными французскими деньгами. Великолѣпный будетъ у насъ нынче на ужинъ супъ. Настоящій наварный французскій «потафе».

Но вотъ общее вниманіе привлекаетъ на себя отрядецъ изъ четырехъ нижнихъ чиновъ съ ефрейторомъ. Они ведутъ подъ арестомъ какого-то господина внушительной наружности. Это д-ръ С., здѣшній мэръ. Его отправляютъ во Францію заложникомъ. Онъ мѣстный уроженецъ, но заядлый германецъ и врагъ всего французскаго. Его сынъ—одинъ изъ *четырехъ* эльзасцевъ-офицеровъ германской службы. Служитъ во флотѣ.

Сбѣгается толпа обывателей: смотрятъ, качаютъ головами. Потомъ расхватываютъ французскія газеты, а также летучіе листки съ французскимъ и нѣмецкимъ текстомъ. Мы нарочно спѣшимъ раздать все это въ опроверженіе нѣмецкой лжи о нашихъ небывалыхъ пораженіяхъ.

Я иду за кучкой человѣкъ въ пять. Они разговариваютъ о прочитанномъ. Говорятъ по-эльзасски. Имъ и въ голову не приходитъ, что французскій солдатъ понимаетъ ихъ нарѣчіе. Я слушаю молча, потомъ вдругъ спрашиваю:

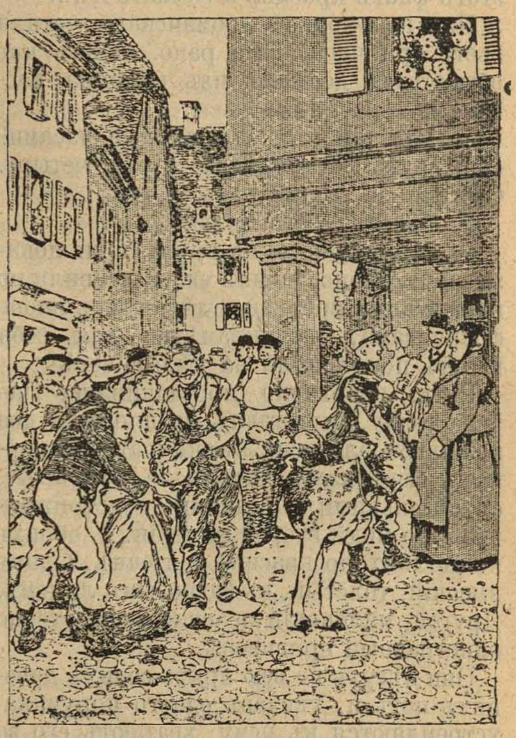
— А что, вѣдь швабы, конечно, ничего подобнаго вамъ не сообщали?

— Да неужели же вы говорите по-нашему? Какъ же это такъ? Развѣ вы не африканецъ?

— Какой африканецъ?

— Ну, тамъ, тюркосъ, что ли... Вы всѣ такіе черные. Мы думали, вы изъ Африки.

— У насъ только форма черная, а не лица. Мы альпійскіе стрѣлки. У меня мать эльзаска.

Солдаты въ Мюнстерѣ закупаютъ провизію и раздаютъ жителямъ французскія газеты.

Мы сразу друзья и говоримъ по душѣ.

— *Они* сказывали намъ, что вамъ ни за что не дойти до Мюнстера, что они васъ черезъ Шлухтъ не пропустятъ.

— Что вы всюду разбиты, что Нанси взятъ, а Бельфоръ сдался на капитуляцію. Значитъ, это все неправда? Въ газетѣ такъ и написано. Мы теперь видимъ.

— А Парижъ? Мы думали, что тамъ революція, что президентъ Пуанкаре убитъ, потому что во Франціи никто не хотѣлъ войны.

Я взапуски съ газетой начинаю имъ разсказывать, что знаю.

— Что они все врутъ, доказывается уже тѣмъ, что мы—здѣсь у васъ,—объясняю я,—и что на вашей ратушѣ развѣвается трехцвѣтное знамя.

Да, оно тамъ развѣвается, и какъ красиво играютъ его яркіе цвѣта надъ зданіемъ шестнадцатаго столѣтія. Его развѣваетъ эльзасскій вѣтеръ, шумя въ его складкахъ и какъ бы приглашая обывателей обратить вниманіе на то, какъ этотъ флагъ красивъ и симпатиченъ.

На колокольнѣ романскаго стиля бьетъ три часа. Еще рано. Одинъ изъ обывателей достаетъ изъ кармана массивные серебряные часы.

— Что такое съ церковными часами? Они врутъ: не три часа, а уже четыре. Отстали на цѣлый часъ.

Я объясняю обывателю:

— Сударь, часы не врутъ. Они показываютъ вѣрно, но ихъ уже поставили по парижскому времени. Сдѣлавшись вновь французами, вы незамѣтно для себя вдругъ помолодѣли на цѣлый часъ!

Вотъ, энергично проталкиваясь черезъ толпу, выбѣгаютъ на площадь два пожилыхъ эльзасца, въ аккуратныхъ черныхъ сюртукахъ, чистенькіе, выбритые, съ сѣденькими бородками, подстриженными по модѣ второй имперіи. У обоихъ въ петлицѣ по красной ленточкѣ. Одинъ высокій, толстый, съ багровымъ лицомъ. Другой маленькій и сухонькій, точно виноградный прививокъ.

Они бѣгутъ во всю прыть своихъ древнихъ ногъ и, увидавъ одного поручика, устремляются къ нему, хватаютъ его за руки... И при этомъ что-то быстро съ волненіемъ говорятъ. Словъ я не слышу, потому что стою поодаль и между нами толпа, но я вижу ихъ волненіе, ихъ рѣзкіе жесты и слышу ихъ голоса—они стараются говорить грубымъ тономъ, чтобы скрыть свое умиленіе. Многіе такъ дѣлаютъ, я это часто замѣчалъ. Проталкиваюсь, подхожу поближе.

— Какъ мы рады!.. Лучшій день въ нашей жизни!.. Помѣститесь у насъ. Непремѣнно у насъ. Я—капитанъ X, а это мой товарищъ поручикъ Z. Вы не можете отказать намъ. Такъ хочется все узнать! Идите къ намъ, юный товарищъ! Обрадуете насъ, стариковъ. Мы такъ много выстрадали!..

— Ну!—сказалъ одинъ лавочникъ, стоявшій въ дверяхъ своей лавки.—Теперь наши неразлучные проведутъ очень веселый вечеръ. Вотъ радость-то для нихъ!

— Кто это такіе?

— Превосходные люди! Два старыхъ холостяка. Живутъ вмѣстѣ тамъ за церковью. Сорокъ лѣтъ ждали со дня на день прихода французовъ. Теперь вы можете себѣ представить, до чего они рады.

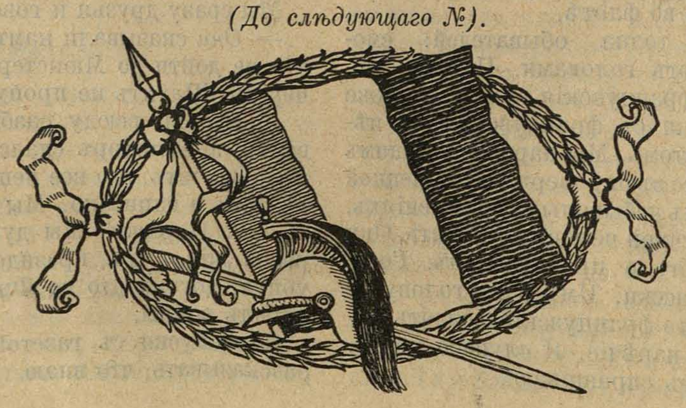
— Старшій-то украдкой вытираетъ себѣ глаза, думая, что его никто не видитъ.

— Повели-таки офицера-то къ себѣ. Повели. Несчастные! Если швабы придутъ сюда опять, пѣсенка обоихъ старичковъ будетъ спѣта.

Разслышали ли они эти слова? Или, можетъ-быть, это же самое сказалъ имъ кто-нибудь изъ стоявшихъ ближе? Не знаю, но только маленькій и сухонькій, съ исказившимся отъ сильнаго волненія лицомъ, прокричалъ дрожащимъ голосомъ, размахивая палкой:

— Ну и пусть! Наплевать на нихъ! Послѣ такого радостнаго дня не грѣхъ будетъ и умереть!

(До слѣдующаго №).

Первые дни войны въ Бельгіи.

Разсказъ

Джорджа Суррей.

I.

Туристы.

Незаслуженное несчастье, пытка ожиданія и страхъ за будущее способно истощить терпѣніе и у ангела. А эти четверо, запертые въ импровизированной кордегардіи, были не ангелы, а самыя обыкновенныя человѣческія существа. И притомъ въ числѣ этихъ четырехъ была и женщина—точнѣе сказать, дѣвушка двадцати двухъ лѣтъ. Однако даже и она ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ или жестомъ не высказывала самаго обыкновеннаго изъ всѣхъ упрековъ: «Я говорила»...

Но мистеру Куперу, главному виновнику несчастья, постигшаго его самого и его сотоварищей, было бы, вѣроятно, легче, по крайней мѣрѣ, онъ самъ чувствовалъ, что ему было бы легче, если бы упрекъ былъ въ самомъ дѣлѣ сдѣланъ, ибо онъ сознавалъ, что въ полной мѣрѣ заслуживалъ гнѣва, укоровъ и осужденія. И это сознаніе еще усугубляло его отчаяніе.

Онъ сидѣлъ въ углу грязнаго деревяннаго хлѣва, въ сторонѣ отъ остальныхъ, сгорбившись, опустивъ плечи и закрывъ лицо руками. На немъ не было шляпы, а вмѣсто того на головѣ красовалась грубая повязка, покрытая пятнами крови. Его одежда была разодрана и вся въ грязи, и общій видъ былъ ужасный—болѣе истерзанный, чѣмъ у остальныхъ..

Молодой человѣкъ съ красивымъ румянымъ лицомъ, повидимому англичанинъ, которому необыкновенно комичный видъ придавало то обстоятельство, что на его шеѣ красовался галстукъ, но не было воротничка, подошелъ къ Куперу и дружески хлопнулъ его по плечу.

— Ну, старина, не вѣшай носа! Мы еще живы!

Онъ сказалъ это почти весело, однако въ умѣ его слушателей это замѣчаніе вызвало боязливый вопросъ: «Долго ли намъ осталось жить?

Дѣло въ томъ, что эти четверо, т.-е. трое мужчинъ и одна дѣвушка, были плѣнными, ожидающими приговора; плѣнными одного изъ тѣхъ многочисленныхъ отрядовъ уланъ, которыхъ наступающая германская армія выслала впереди себя на сѣверъ, востокъ и западъ. Ихъ вина, съ нѣмецкой точки зрѣнія, была ужасна, и, какъ имъ не одинъ разъ заявляли ихъ грозные стражи, — они могли почитать себя счастливыми, что ихъ не разстрѣляли тутъ же на мѣстѣ— всѣхъ четверыхъ, включая и дѣвушку.

Съ момента ареста прошло уже шестнадцать часовъ, а уланы еще не рѣшили, повидимому, какъ ихъ наказать; но эта отсрочка не рождала въ нихъ, особенно въ Куперѣ, преувеличенныхъ надеждъ. Послѣ всего, что имъ пришлось видѣть, они не питали никакихъ иллюзій относительно образа дѣйствія германскихъ воиновъ.

Произошло дѣло такъ.

Джемсъ Куперъ и Мартинъ Рэвнъ— юноша безъ воротничка—оба служащіе въ одномъ изъ лондонскихъ страховыхъ обществъ, рѣшивъ использовать въ этомъ году свой отпускъ не совсѣмъ обычнымъ образомъ, прибыли въ Брюссель шесть дней тому назадъ. Брюссель долженъ былъ быть исходной точкой небольшой прогулки пѣшкомъ по Бельгіи. Они намѣревались дойти до Мэстриха, пройти по долинѣ Мааса до Намюра, а затѣмъ опять вернуться въ Брюссель.

Выборъ маршрута былъ совершенно случайный. Ни Куперъ ни Рэвнъ ничего не знали о мѣстностяхъ, которыя собирались посѣтить, за исключеніемъ того, что дороги тамъ приличныя, ландшафты не дурны и—это было важнѣе всего—жизненные продукты дешевы.

Не знали они также ничего о воинственныхъ замыслахъ берлинскихъ министровъ. Если бы кто-нибудь упомянулъ передъ Рэвномъ о возможности войны между Германіей и Франціей или Германіей и Англіей, онъ, вѣроятно, услышалъ бы въ отвѣтъ категорическое: «ерунда». Куперъ, какъ юноша болѣе серьезный, немного постарше и болѣе начитанный, вѣроятно, не отказался бы обсудить вопросъ. Но во всякомъ случаѣ имъ бы никогда и въ голову не пришло, чтобы воинственность Германіи могла имѣть какое-либо отношеніе къ нимъ самимъ.

Начало прогулки было пріятно во всѣхъ отношеніяхъ. Въ Гассельтѣ они, правда, чуть не поссорились изъ-за того, что Куперу пришла въ голову несчастная мысль процитировать строчку какого-то стихотворенія — единственную строчку, оставшуюся въ его памяти— о томъ какъ «добрыя вѣсти они принесли изъ Гента въ Э», а легкомысленный шутникъ и весельчакъ Рэвнъ пожелалъ непремѣнно знать, что это были за «добрыя вѣсти», и кто были «они». Но въ общемъ инцидентъ кончился благополучно.

Мэстрихъ имъ очень понравился, особенно въ виду того, что они получили тамъ «первоклассный» завтракъ за необычайно дешевую цѣну, а въ шести миляхъ отъ Мэстриха, въ маленькой деревушкѣ, названіе которой Куперъ добросовѣстно отыскалъ на своей картѣ и произнесъ самымъ отчаяннымъ образомъ, имъ пришлось на свою бѣду впервые познакомиться съ лучшей въ Европѣ развѣдочной кавалеріей.

На краю деревни, передъ гостиницей, они увидѣли человѣкъ шесть конныхъ уланъ; еще четыре лошади безъ всадниковъ стояли тутъ же.

— Ба! Что это за птицы?—вскричалъ Рэвнъ по своей привычкѣ вѣчно спрашивать обо всемъ, хотя Куперъ неоднократно указывалъ ему, что всѣ отвѣты входятъ у него въ одно ухо, а выходятъ въ другое.

— Не знаю,—коротко отвѣтилъ Куперъ.

— Изящные молодчики,—благосклонно заявилъ юноша.—Не похожи на другихъ солдатъ, которыхъ намъ приходилось видѣть.

— Во всякомъ случаѣ они говорятъ не на французскомъ языкѣ, а на какомъ-то другомъ, — замѣтилъ Куперъ, который былъ немного—самую чуточку—лингвистомъ. Скорѣе всего похоже на нѣмецкій.

Солдаты разговаривали между собою, время отъ времени бросая взглядъ на дорогу. Одинъ изъ ихъ товарищей торопливо вышелъ изъ гостиницы, сказалъ что-то и опять скрылся за дверью, сопровождаемый взрывомъ хохота. Минуту спустя изъ гостиницы выбѣжалъ пожилой человѣкъ съ блѣднымъ испуганнымъ лицомъ и съ жаромъ началъ что-то объяснять солдатамъ, не то извиняясь, не то протестуя. Вмѣсто отвѣта уланы направили на него свои пики, и одинъ изъ нихъ ударилъ его.

— Негодяй! — возмутился Рэвнъ.— Кто бы они ни были, они во всякомъ случаѣ подлые трусы. Наши солдаты никогда бы не подняли оружія на безоружнаго.

— Послушай, ты бы потише!—остановилъ его Куперъ.—Затѣвать ссору въ чужой странѣ не годится, особенно съ солдатами. Но я согласенъ съ тобой, что они ведутъ себя отвратительно.

Изъ дверей гостиницы вышло еще двое людей — коренастый, крѣпко-сложенный молодой человѣкъ и дѣвушка, къ которой взоры Рэвна обратились такъ же естественно, какъ стрѣлка компаса поворачивается къ магниту.

Это была высокая, стройная брюнетка, съ изящной осанкой и пылающимъ отъ негодованія лицомъ. Она была несомнѣнно красива, а Рэвнъ былъ очень чувствителенъ къ красотѣ. Какъ она была одѣта, онъ не могъ сказать, но во всякомъ случаѣ въ душѣ сказалъ себѣ, что она «чертовски мила». Обойдя группу всадниковъ, они оба остановились въ двухъ шагахъ отъ нашихъ друзей. Рэвнъ, не сводившій взгляда съ дѣвушки,

услышалъ, какъ она говорила: «Это безобразіе! Это позоръ! Это недопустимо!» и другія слова, выражающія женское возмущеніе.

Куперъ, по своей природной любознательности, вдругъ повернулся къ молодому человѣку, приподнялъ шляпу и на самомъ лучшемъ своемъ французскомъ языкѣ вѣжливо освѣдомился, въ чемъ дѣло и зачѣмъ здѣсь эти солдаты.

— Я спросилъ, что тутъ случилось,— быстро обратился къ ней Куперъ,—но я не зналъ, что вы англичане.

— Американцы, изъ штата Висконсинъ, — сказалъ молодой человѣкъ. — А вы англичане?

Четверо плѣнниковъ запертыхъ на скотномъ дворѣ, ожидали своей участи.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на него непонимающимъ взглядомъ, покачалъ головой и съ словами: «Я не говорю по-французски» (это былъ самый лучшій комплиментъ, который Куперу приходилось слышать за всю свою жизнь), повернулся къ своей спутницѣ:

— Алиса, этому человѣку что-то надо, а я не пойму, что онъ спрашиваетъ: не то, который часъ, не то, почемъ здѣсь пиво,—сказалъ онъ по-англійски.

Дѣвушка повернула голову, и Рэвнъ увидѣлъ, что у нея голубые глаза, и что она еще красивѣе, чѣмъ онъ думалъ.

— Разумѣется,—отвѣтилъ Рэвнъ, глядя, однако, не на него, а на дѣвушку.

— Эти солдаты, видимо чего-то требуютъ отъ хозяина гостиницы, а онъ имъ не даетъ. Это уланы...

— Уланы? Вѣдь уланы—нѣмецкіе солдаты,—не совсѣмъ вѣжливо перебилъ его Куперъ.

— Да, но это все-таки несомнѣнно уланы,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.—Когда мы проѣзжали черезъ Визэ,—добавилъ онъ,—мы видѣли много такихъ

же, много всевозможныхъ солдатъ. И орудія тоже, т.-е. пушки. Это, судя по всему, самая настоящая военная экспедиція. Они остановили нашъ автомобиль и пожелали непремѣнно узнать, кто мы такіе, что дѣлаемъ здѣсь и т. д. Цѣлый часъ задержали насъ.

— Нѣмецкіе солдаты на бельгійской территоріи?!—съ удивленіемъ проговорилъ Куперъ.—Да еще съ пушками? Но вѣдь это значитъ—война!

— Не знаю. Возможно,—равнодушно отвѣтилъ американецъ.

У Купера лицо стало очень серьезнымъ. Рэвнъ былъ попрежнему весь поглощенъ созерцаніемъ дѣвушки. Онъ хотѣлъ уже заговорить съ ней, когда Куперъ перебилъ его:

— Все это мнѣ не нравится,—быстро сказалъ онъ.—Я надѣюсь, что ничего плохого не происходитъ, но во всякомъ случаѣ намъ лучше уйти отсюда. Эти уланы, насколько мнѣ извѣстно, пользуются не особенно хорошей славой, и намъ лучше не связываться съ ними.

— Не особенно хорошей славой? Еще бы!—вскричалъ американецъ и началъ разсказывать о томъ, что онъ видѣлъ за послѣдніе два часа въ гостиницѣ. Женщинъ оскорбляли, мужчинъ били, лошадей выпрягали изъ телѣгъ... О, да, все это онъ видѣлъ собственными глазами, хотя не знаетъ, что это должно означать.

— Надо поскорѣе убираться отсюда,—шепнулъ Куперъ своему товарищу. Разсказъ американца не на шутку встревожилъ его.

Но въ ту же минуту одинъ изъ уланъ повернулся въ сѣдлѣ, посмотрѣлъ на группу и крикнулъ что-то.

— Онъ велитъ намъ не двигаться съ мѣста,—перевела дѣвушка. — Намъ съ братомъ тоже не позволили уѣхать. Нашъ автомобиль въ саду. Повидимому...

— Боже правый!—вскричалъ Куперъ.

Изъ дверей гостиницы, подгоняемые уланами, стремительно выбѣжали хозяинъ гостиницы, человѣкъ шесть-семь мужчинъ, одна старуха, три молодыя женщины и нѣсколько дѣтей различнаго возраста. Дрожащіе, перепуганные, они сбились въ кучу, между тѣмъ какъ одинъ уланъ грозно кричалъ на нихъ. Молодая американка одна понимала, въ чемъ дѣло, но симпатіи всѣхъ четырехъ англо-саксовъ были на сторонѣ несчастныхъ бельгійскихъ крестьянъ.

И тутъ случилось то, что собственно и было причиной несчастья. Одна дѣвочка—малютка лѣтъ четырехъ—отдѣлилась отъ группы и побѣжала въ сторону. Ближайшій уланъ, сердито крикнувъ что-то, замахнулся на нее древкомъ пики и ударилъ ее такъ, что дѣвочка отлетѣла на нѣсколько шаговъ.

Въ тотъ же мигъ Джемсъ Куперъ, съ краснымъ отъ гнѣва лицомъ, очутился передъ нимъ и схватилъ его лошадь за узду.

— Негодяй! Бить дѣтей!—крикнулъ онъ и, не помня себя отъ возмущенія, ударилъ изумленнаго солдата тростью по лицу.

Кругомъ раздались гнѣвные крики — и раньше, чѣмъ Куперъ успѣлъ сообразить, что онъ надѣлалъ, свалка была въ полномъ ходу.

Крикнувъ американкѣ: «Ступайте подальше!» Рэвнъ бросился на подмогу къ своему товарищу и ударилъ спѣшившагося улана, который схватилъ молодого Купера сзади. Другой уланъ подъѣхалъ къ американцу и, наклонившись съ сѣдла, схватилъ его за руку. Тотъ негодующе выругался и быстрымъ движеніемъ стащилъ солдата съ лошади.

А кончилось все тѣмъ, что изъ коровника выгнали скотину и заперли тамъ четырехъ плѣнныхъ, избитыхъ, съ разодранной одеждой, запыхавшихся и сознающихъ, что имъ дешево не отдѣлаться. Дѣвушка перевела имъ слова, которыя произнесъ солдатъ, запиравшій за ними дверь хлѣва. Смыслъ этихъ словъ былъ слѣдующій: «Проклятые британцы могутъ быть увѣрены, что имъ не долго придется ждать, пока ихъ отправятъ на тотъ свѣтъ».

Они напали вѣдь на германскую армію, и хотя они не принадлежали къ воюющимъ и были безоружны,—наказаніе за такое ужасное преступленіе могло быть только одно—смерть.

II

Побѣгъ.

Не удивительно, что Джемсъ Куперъ, сознающій себя виновникомъ гибели своего друга и двухъ совсѣмъ безвинныхъ постороннихъ людей—и къ тому же одной дѣвушки—былъ въ полномъ отчаяніи. Его голова, проломленная прикладомъ винтовки, страшно болѣла, но онъ врядъ ли даже замѣчалъ эту боль.

Если остальные трое немного спали за шестнадцать часовъ заключенія, то онъ не сомкнулъ глазъ. Сознаніе вины камнемъ лежало у него на душѣ. Четыре молодыхъ жизни погибнутъ только изъ-за того, что онъ органически не выносилъ, когда дурно обращаются съ дѣтьми. Онъ былъ замкнутый по природѣ человѣкъ, этотъ Куперъ. Даже Рэвнъ, его лучшій другъ, почти ничего не зналъ о немъ, кромѣ того, что имѣло отношеніе къ службѣ. Въ домикѣ на Лѣсной улицѣ, гдѣ Куперъ жилъ съ сестрой, была маленькая дѣвочка, очень похожая на ту, которую уланъ сшибъ съ ногъ—сиротка, дочь его младшаго брата. Въ этой малюткѣ Куперъ души не чаялъ, и когда уланъ замахнулся пикой на ребенка, онъ былъ не въ силахъ оставаться спокойнымъ зрителемъ.

Не получивъ отвѣта на свое замѣчаніе, Рэвнъ проговорилъ ни къ кому не обращаясь:

— Если они намѣреваются еще долго держать насъ взаперти, они бы должны принести намъ чего-нибудь поѣсть. Я голоденъ, какъ волкъ.

— Станутъ они безпокоиться изъ-за насъ,—хмуро отвѣтилъ американецъ.— Но что-то они долгонько рѣшаютъ нашу судьбу. Можетъ-быть, они забыли про насъ?

— Забыли? Когда этотъ тутъ торчитъ?—сказалъ Рэвнъ, дѣлая жестъ въ сторону двери, за которой тихо мурлыкалъ себѣ что-то подъ носъ солдатъ, оставленный стеречь плѣнныхъ. За четыре часа передъ тѣмъ часового смѣнили. Но гдѣ были остальные уланы, плѣнники не знали. Слышали они съ тѣхъ поръ, какъ ихъ заперли, нѣсколько выстрѣловъ, крики и какой-то странный шумъ, происхожденіе котораго они не могли понять, а затѣмъ наступила тишина.

Хлѣвъ находился на нѣкоторомъ разстояніи отъ гостиницы, и мало-по-малу Рэвнъ почувствовалъ страстное желаніе узнать, что творится въ деревнѣ. Это былъ живой, какъ ртуть, сангвиническій юноша, бойкій на языкъ и мало склонный къ горестнымъ размышленіямъ: серьезность положенія угнетала его меньше, чѣмъ остальныхъ. Втайнѣ онъ страшно гордился и былъ необычайно доволенъ тѣмъ, что ему удалось «положить» умѣлымъ ударомъ кулака одного улана, который былъ гораздо больше его ростомъ.

Американецъ, котораго звали Юлій Стоонъ (очевидно, богатый молодой человѣкъ пріѣхавшій «поглядѣть Европу»), былъ не столько угнетенъ, сколько полонъ гнѣва и возмущенія, и первое время, пока долгіе часы ожиданія и неизвѣстности не оказали на него своего дѣйствія, много и долго говорилъ о томъ, что скажетъ Америка по поводу такого обращенія съ ея гражданами. Въ дракѣ онъ проявилъ большую силу, хотя былъ, видимо, мало знакомъ съ научными пріемами бокса.

Его сестра была испугана и полна страха за будущее, но она умѣла скрывать свои чувства. Она много разговаривала съ Рэвномъ на самыя разнообразныя темы—молчать въ теченіе шестнадцати часовъ или сокрушаться о своей судьбѣ фактически невозможно — и молодой англичанинъ прибавилъ къ своей оцѣнкѣ дѣвушки еще эпитетъ: «умная головка». Онъ очень жалѣлъ, что темнота, царившая въ хлѣву, мѣшала ему яснѣе видѣть ея черты, однако эта же темнота позволяла ему смотрѣть на нее такъ пристально, какъ безусловно нельзя было бы при болѣе яркомъ освѣщеніи, не нарушая основныхъ правилъ вѣжливости.

Наконецъ Рэвнъ вскочилъ на ноги и нетерпѣливо зашагалъ по хлѣву, вполголоса проклиная солдата, поющаго за дверью. Онъ вдругъ подошелъ къ американцу, лежавшему на полу.

— Послушайте, Стоонъ, неужели мы не можемъ выбраться отсюда?—быстро спросилъ онъ.

Стоонъ только поглядѣлъ на него и ничего не отвѣтилъ. Но Рэвнъ уже былъ весь огонь и пламя. Притянувъ Купера за рукавъ поближе къ американцу, онъ взволнованно зашепталъ:

— Послушайте, мнѣ кажется, что эти подлецы ушли. Право. Только этотъ часовой одинъ еще тутъ, а съ нимъ мы навѣрное справимся. Что скажете? Хуже все равно не будетъ, а гибнуть безъ борьбы, это не достойно англи.... т.-е., виноватъ, это не достойно мужчинъ.

— Гмъ, ну, да, разумѣется,—отозвался Стоонъ.

— А ты что скажешь, Куперъ?—съ жаромъ спросилъ Рэвнъ.

— По мнѣ ладно. Все едино. Все на одно выйдетъ, — мрачно отвѣтилъ Куперъ.

— Нѣтъ, неправда. Я увѣренъ, что эти мерзавцы—виноватъ, миссъ Стоонъ!—ушли. Помните эти выстрѣлы, которые мы слышали? Навѣрное....

— Такъ почему же жители деревни не пришли въ такомъ случаѣ, чтобы выпустить насъ отсюда?

— Очень просто: потому что тутъ стоитъ часовой. Послѣ того, что этимъ бѣднякамъ пришлось испытать, они дважды подумаютъ, прежде чѣмъ посмѣютъ тронуть нѣмецкаго солдата. Попробуемъ во всякомъ случаѣ. Вы, миссъ Стоонъ, конечно, останетесь въ сторонѣ. Я убѣжденъ, что они не собираются разстрѣливать васъ и не посмѣютъ это сдѣлать, а если они убьютъ насъ—все равно. Мы, по крайней мѣрѣ, умремъ съ сознаніемъ, что попытались кое-что сдѣлать.

Рэвну въ сущности вовсе не хотѣлось умирать. Онъ говорилъ, не взвѣшивая словъ, но остальные прекрасно поняли его.

— Ладно, я согласенъ,—сказалъ американецъ, а Куперъ молча кивнулъ головой.

Планъ Рэвна былъ очень простъ. Одинъ изъ нихъ будетъ стучать въ дверь, пока часовой не откроетъ. Дверь открывалась внутрь. Оба, стоящіе за дверью, ухватятся за нее и не дадутъ запереть ее снова, а потомъ выбѣгутъ вслѣдъ за своимъ товарищемъ. Если солдатъ и собьетъ перваго съ ногъ (смягченное выраженіе, вмѣсто «убь етъ» чтобы не пугать миссъ Стоонъ), то оба остальные во всякомъ случаѣ смогутъ справиться съ нѣмцемъ, а потомъ....

На этомъ планъ Мартина Рэвна прерывался. Дальнѣйшее долженъ былъ рѣшить случай, которому вообще отводилась большая роль.

Мартинъ хотѣлъ, чтобы ему была предоставлена привилегія, первымъ атаковать часового.

— Нѣтъ, это мое мѣсто,—рѣшительно заявилъ Куперъ, и юношѣ пришлось уступить.

Какъ большая часть простыхъ плановъ, этотъ планъ удался прекрасно. Стукъ въ дверь надоѣлъ улану. Съ грубой шуткой онъ пріоткрылъ дверь и вошелъ наполовину, тогда Куперъ бросился на него и схватилъ его за горло. Онъ отшатнулся, а остальные двое плѣнныхъ бросились на подмогу къ Куперу.

Стоонъ не забылъ прикрыть за собой дверь, чтобы сестра не видѣла схватки.

Полузадохшійся, ошеломленный уланъ почти не сопротивлялся. Черезъ минуту онъ тяжело сталъ клониться къ землѣ. Куперъ выпустилъ его и съ дрожью поднялся на ноги.

— Боже!—вскричалъ онъ и шатаясь отошелъ на нѣсколько шаговъ, чувствуя ужасъ передъ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ.

Американецъ и Рэвнъ наклонились надъ упавшимъ. Онъ лежалъ какъ мертвый—онъ, дѣйствительно, былъ мертвъ.

— Скорѣе, уберите его, пока ваша сестра....

Восклицаніе американца прервало его. Со стороны сада бѣгомъ приближался второй уланъ. Второй часовой, безъ сомнѣнія. И къ счастью, послѣдній нѣмецкій солдатъ, оставшійся въ деревнѣ.

Оставивъ двухъ людей стеречь плѣнныхъ, отрядъ занялся тѣмъ, что выгналъ изъ деревни ударами пикъ несчастныхъ сельчанъ, а потомъ началъ поджигать дома. Въ это время на дальнемъ концѣ деревни появился небольшой отрядъ бельгійскихъ кавалеристовъ, и началась битва. Стрѣльбы не было, потому что работали только пики, и всѣ уланы полегли до одного.

Спасти деревню было невозможно—она горѣла, какъ трутъ. Помочь зло-

счастнымъ жителямъ бельгійскій отрядъ ничѣмъ не могъ. Онъ сдѣлалъ свое дѣло и ускакалъ, довольный побѣдой, ничего не зная о хлѣвѣ, и сидящихъ въ немъ плѣнныхъ и часовыхъ.

А тѣ оставались на своемъ посту, смѣняя одинъ другого. Повинованіе начальству — первая заповѣдь солдата, особенно германскаго. Взводный поставилъ ихъ стеречь плѣнныхъ, и они стерегли ихъ, удивляясь, что ихъ забыли, но не смѣя ослушаться.

Увидѣвъ второго улана, Стоонъ одну секунду стоялъ въ нерѣшимости и только безсмысленно глядѣлъ на него. Но вдругъ онъ нагнулся, схватилъ ружье выпавшее изъ рукъ мертваго часового, прицѣлился и выстрѣлилъ.

Уланъ зашатался, взмахнулъ руками и упалъ, пронзенный пулей навылетъ. Съ того мгновенія, какъ часовой открылъ дверь хлѣва, прошло должнобыть, минуты полторы, не больше.

— Чѣмъ скорѣе мы уберемся отсюда, тѣмъ лучше,—коротко сказалъ Стоонъ.

Заниматься анализомъ чувствъ было не время; всѣ они дѣйствовали какъ-то безсознательно, точно подобныя событія составляли часть ихъ повседневной жизни.

Рэвнъ подбѣжалъ къ застрѣленному улану и оттащилъ его тѣло къ грядкѣ пышно разросшейся тыквы. Стоонъ спряталъ второе тѣло за хлѣвъ. Потомъ позвалъ сестру.

Она вышла и съ удивленіемъ посмотрѣла на Купера, который стоялъ, прислонившись къ косяку, и неподвижнымъ, тяжелымъ взглядомъ смотрѣлъ передъ собой въ пространство.

— Все хорошо. Оба убѣжали,—завѣрилъ дѣвушку Рэвнъ, торопливо подходя къ ней. Онъ тяжело дышалъ.

— Надо торопиться!—сказалъ американецъ.—Нашъ автомобиль за гостиницей.

Рэвнъ тронулъ Купера за рукавъ.

— Идемъ, старина,—сказалъ онъ, и Куперъ молча послѣдовалъ за нимъ черезъ садъ къ гостиницѣ.

Все было тихо, только сильно пахло гарью, да въ ясномъ воздухѣ лѣниво ползла къ небу легкая пелена дыма. Было очень жарко. На синемъ небѣ ни облачка. Кругомъ — никакихъ признаковъ борьбы и смерти, войны и разрушенія. Все тихо и спокойно.

Изъ-за кустовъ вышла собака и, увидѣвъ людей, убѣжала съ лаемъ.

Но когда они прошли шаговъ двѣсти, крикъ вырвался изъ груди дѣвушки. Впереди показалась гостиница,—или, вѣрнѣе, то, что осталось отъ гостиницы, деревня же перестала существовать. Гдѣ еще наканунѣ стояли дома, теперь виднѣлись только груды обгорѣлыхъ развалинъ, среди которыхъ тамъ и сямъ растерянно бродили одинокія фигуры, по большей части, женщины. Этотъ мусоръ было все, что осталось отъ ихъ жилищъ.

Надежда на автомобиль оказалась иллюзіей. Автомобиль стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, но машина была поломана, и онъ наполовину обгорѣлъ.

— Плакали мои три тысячи доларовъ!—вскричалъ владѣлецъ.—Теперь на немъ и шагу не проѣдешь.

— Да, если бы даже мы сами впряглись въ него,—согласился Рэвнъ.—Я предлагаю отправиться на фуражировку и поискать чего-нибудь съѣстного. Больше намъ ничего не остается дѣлать.

Главный вопросъ былъ теперь въ томъ: куда итти? Куперъ предлагалъ вернуться въ Мэстрихъ, но одинъ крестьянинъ сообщилъ имъ, что вся мѣстность вплоть до границы уже занята нѣмецкими войсками. Рэвнъ предложилъ итти въ Льежъ — то же самое возражаніе. Нѣмцы были, казалось, всюду и вездѣ, а послѣ всего случившагося наши четверо туристовъ не чувствовали никакого желанія опять встрѣтиться съ германскими солдатами.

Они были словно мыши въ мышеловкѣ и, повидимому, имъ ничего не оставалось, какъ бродить по дорогамъ, пока ихъ не арестуютъ снова. Куперъ досталъ свою карту, открылъ на ней существованіе городка Тонгреса, въ двѣнадцати миляхъ отъ деревушки, гдѣ они находились, и со станціей желѣзной дороги, и послѣ краткаго совѣщанія они отправились въ путь.

Они подвигались впередъ очень медленно. То и дѣло приходилось прятаться отъ появляющихся или подозрѣваемыхъ уланскихъ разъѣздовъ. Въ концѣ-кон-

цовъ, они сбились съ дороги. Наступилъ вечеръ, а никакого Тонгреса и въ поминѣ не было. Путники должы были признаться, что заблудились.

— Совсѣмъ по-цыгански, — попробовалъ пошутить Рэвнъ, когда они начали приготовлять себѣ ночлегъ въ лѣсу, но его шутка не нашла отклика.

III.

Защитники Герстальскаго завода

Эту ночь они спали очень мало. Громъ канонады, раздававшійся гдѣ-то невдалекѣ, не очень располагалъ ко сну. Подъ утро они увидѣли на небѣ яркое зарево. Это пылалъ Визэ.

Слѣдующіе затѣмъ три дня навѣки неизгладимо врѣзались въ ихъ память. Они бродили по глухимъ дорогамъ, избѣгая населенныхъ мѣстъ, боясь показаться на глаза людямъ; видъ сѣрой солдатской шинели или каски, шумъ колесъ и звуки громкихъ мужскихъ голосовъ заставляли ихъ прятаться въ кусты. И все время они слышали громъ канонады; куда бы они ни поворачивали, онъ былъ всюду и вездѣ, отъ него невозможно было уйти: они словно попали въ заколдованный кругъ.

Только Рэвнъ да, пожалуй, Алиса Стоонъ находили въ переживаемыхъ невзгодахъ, благодаря необычной обстановкѣ, хорошую сторону.

Сошедшіеся при такихъ странныхъ обстоятельствахъ, они быстро сблизились. Формальности исчезли въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Однажды ихъ остановилъ нѣмецкій офицеръ, приближенія котораго они не замѣтили. Онъ сурово разспросилъ ихъ. кто они и зачѣмъ находятся здѣсь, и пригрозилъ арестомъ. Однако, бросивъ взглядъ на ихъ лица, онъ одумался и не привелъ своей угрозы въ исполненіе.

Кормились они тѣмъ, что имъ удавалось найти или украсть — на поляхъ; но это было немного. Когда они отваживались зайти въ какую-нибудь избу, у крестьянъ самихъ ничего не оказывалось.

Слышали они много исторій о томъ, какъ нѣмцы разстрѣливали мирныхъ жителей,—не только мужчинъ, но даже женщинъ и дѣтей—за самую ничтожную вину, и сами видѣли немало доказательствъ грубости и жестокости германской арміи.

Вечеромъ на третій день они подошли къ городу Герсталь, и Рэвнъ объявилъ что войдетъ туда.

— Мнѣ наплевать на все,—отвѣтилъ онъ на протестъ товарищей.—Мы умираемъ съ голоду, наши силы истощены. Если мы не получимъ пищи—приличной, сытной пищи—мы свалимся гдѣ-нибудь на дорогѣ. Я не хочу умирать съ голоду.

Онъ не любилъ обнаруживать передъ другими чувствъ, которыя онъ питалъ къ Алисѣ Стоонъ, и когда говорилъ о себѣ, онъ думалъ только о ней. Она поняла это, и легкая краска залила ея щеки.

— Нѣтъ, нѣтъ, это слишкомъ опасно,—быстро сказала она.

— Какъ хотите. Я все равно пойду,—отвѣтилъ онъ.

— Тогда мы пойдемъ всѣ вмѣстѣ.

Такъ они и сдѣлали.

Въ Герсталѣ нѣмцевъ не оказалось; ни одинъ нѣмецкій солдатъ еще не приходилъ туда. Населеніе же состояло, повидимому, исключительно изъ стариковъ, женщинъ и дѣтей, что казалось очень страннымъ въ городѣ, гдѣ находился большой оружейный заводъ.

— Наши мужчины всѣ ушли сражаться съ нѣмцами,—объяснила Алисѣ высокая, краснощекая женщина, прислуживавшая имъ въ кофейнѣ, въ которую они зашли, чтобы утолить голодъ.

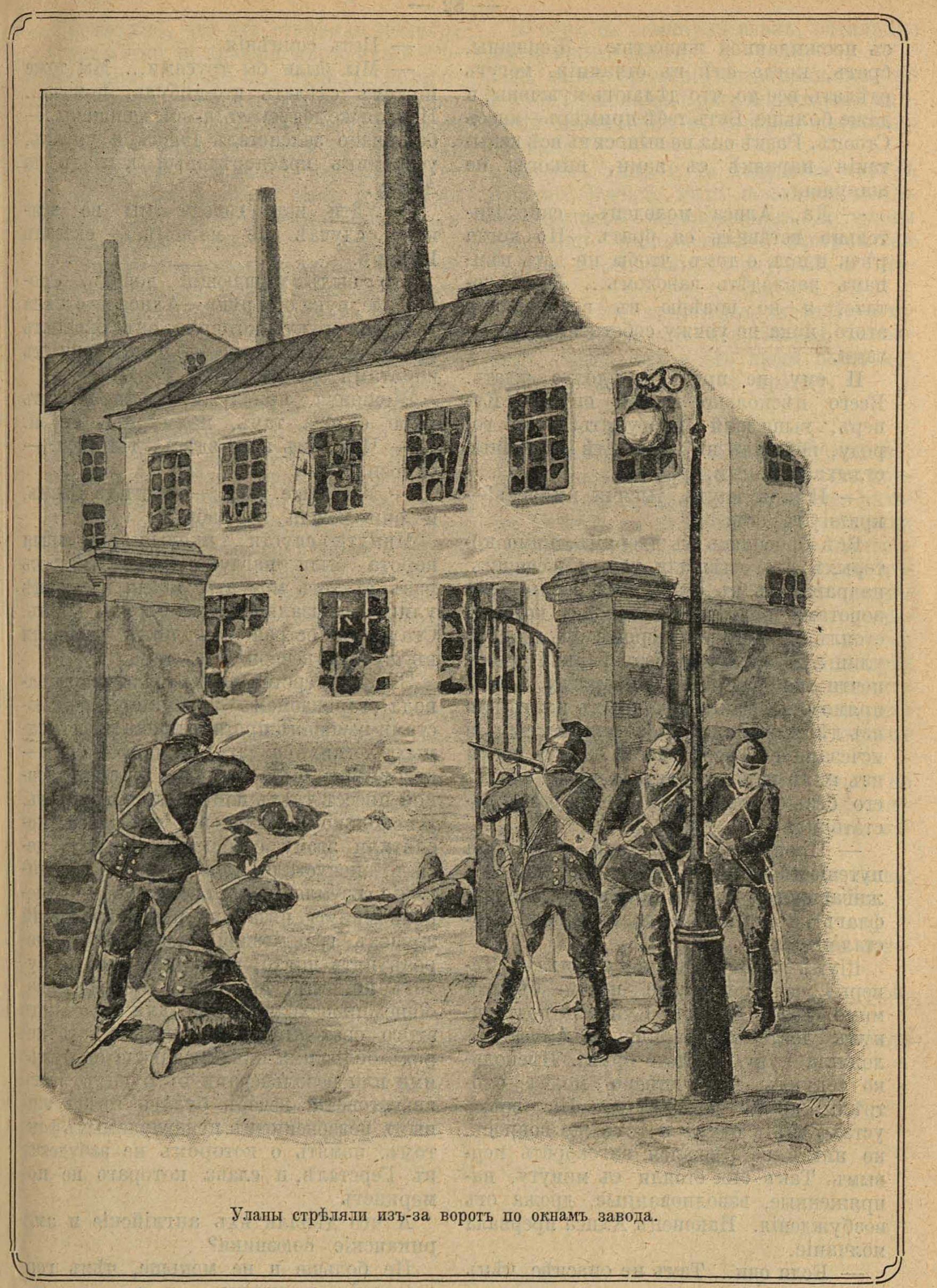
— Оставивъ васъ однѣхъ? И вы не боитесь?

Женщина засмѣялась:

— Что вы! Бояться нѣмцевъ? Вотъ еще! Если они придутъ, мы имъ покажемъ, какъ мы боимся, мы, герстальскія женщины! Видите вы заводъ? Такъ мы поклялись, что пока въ Герсталѣ еще останутся въ живыхъ хоть двѣ женщины, нѣмецкій флагъ не будетъ развѣваться надъ заводомъ. И мы сдержимъ слово.

— Однако!—вскричалъ Рэвнъ, когда Алиса перевела ему смѣлыя слова женщины.—Воображаю, что...

— Что женщины могутъ сдѣлать, хочешь ты сказать,—перебилъ его Куперъ

Уланы стрѣляли изъ-за воротъ по окнамъ завода.

съ неожиданной живостью.—Женщины, братъ, когда онѣ въ отчаяніи, могутъ сдѣлать все то, что дѣлаютъ мужчины, и даже больше. Вотъ тебѣ примѣръ—миссъ Стоонъ. Развѣ она не выноситъ всѣ испытанія наравнѣ съ нами, никогда не жалуясь...

— Да, Алиса молодецъ,—снисходительно вставилъ ея братъ.—Но когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы не дать нѣмцамъ завладѣть заводомъ... Какъ хотите, я не повѣрю въ возможность этого, пока не увижу собственными глазами.

И ему не пришлось долго ждать. Всего нѣсколько часовъ спустя, Куперъ, вышедшій прогуляться по городу, вбѣжалъ въ кафе, гдѣ остальные отдыхали послѣ трапезы.

— Нѣмцы идутъ, тысячи нѣмцевъ!— крикнулъ онъ.

Всѣ бросились къ дверямъ, мимо которыхъ уже спѣшили толпы женщинъ, направляясь къ открытымъ желѣзнымъ воротамъ оружейного завода, который стоялъ немного въ сторонѣ отъ главной улицы. Безъ шума, безъ всякой суеты, почти не разговаривая между собой, прямо отъ своихъ кухонныхъ плитъ или изъ дѣтскихъ шли эти сотни женщинъ и исчезали во дворѣ завода. Ни у одной изъ нихъ не было оружія, но на заводѣ его, безъ сомнѣнія, было болѣе чѣмъ достаточно.

— Прощайте, дѣти мои, — сказала путешественникамъ женщина, прислуживавшая въ кафе и помните: нѣмецкій флагъ не будетъ развѣваться надъ Герсталемъ.

Шумъ шаговъ понемногу стихалъ. Теперь женщины уже почти бѣжали мимо кафе. Вдругъ Куперъ подтолкнулъ локтемъ товарища, а Алиса положила руку на плечо брата. Нѣсколько секундъ всѣ четверо молча смотрѣли другъ на друга. На всѣхъ устахъ былъ одинъ и тотъ же вопросъ, но никто не рѣшался заговорить первымъ. Такъ они стояли съ минуту, напряженные, взволнованные, дрожа отъ возбужденія. Наконецъ Алиса прервала молчаніе.

— Если они... Тамъ не опаснѣе, чѣмъ здѣсь.

— Безъ сомнѣнія

— Мы были бы трусами... Мы тоже можемъ сдѣлать что-нибудь, помочь... Нельзя же допускать, чтобы женщины..— безсвязно залепеталъ Рэвнъ и умолкъ, устремивъ краснорѣчивый взглядъ на Алису.

— Уйти изъ города мы во всякомъ случаѣ не можемъ, — сказалъ Куперъ.

Это былъ рѣшающій доводъ. Спокойные, рука объ руку—Алиса не отняла у Рэвна руку, которую онъ схватилъ въ своемъ волненіи—подошли они къ воротамъ завода.

Женщина, прислуживавшая имъ въ кафе стояла тамъ, нахмуривъ брови.

— Что вамъ надо здѣсь, дѣти мои? — спросила она.

— Мы тоже сюда,—отвѣтилъ Рэвнъ, и они вошли во дворъ.

Минуту спустя тяжелыя желѣзныя ворота были наглухо заперты, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда въ концѣ улицы показались первые ряды уланъ. Стальныя острея ихъ пикъ сверкали въ лучахъ вечерняго солнца.

Защита Герстальскаго оружейнаго завода гарнизономъ женщинъ— шестьюстами женщинъ противъ трехъ тысячъ самыхъ легкихъ солдатъ германской арміи— несомнѣнно была отмѣчена въ повседневной прессѣ трехъ или четырехъ странъ. Нѣсколько милліоновъ читателей посвятили этому сообщенію секундъ десять, испустили, можетъ-быть, восклицаніе изумленія и восхищенія—а черезъ минуту позабыли этотъ маленькій эпизодъ грандіозной эпопея. Лѣтъ черезъ пять никто, пожалуй, уже не будетъ помнить, что нѣчто подобное вообще происходило. Но для участницъ этого сраженія, занявшихъ мѣста передъ большими окнами завода съ ружьями или револьверами въ рукахъ, этотъ августовскій вечеръ будетъ вѣчно живымъ, незабвеннымъ, неизгладимымъ фактомъ, память о которомъ не забудется въ Герсталѣ, и слава котораго не померкнетъ

А что дѣлали ихъ англійскіе и американскіе союзники?

Не больше и не меньше, чѣмъ герстальскія женщины.

Возможно, что они стрѣляли немного болѣе мѣтко, по крайней мѣрѣ, Юлій Стоонъ, единственный изъ троихъ, которому до этого дня приходилось имѣть дѣло съ болѣе смертоноснымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, чѣмъ пистолеты въ тирѣ. Но въ боевыхъ снарядахъ недостатка не было, и если большая часть пуль пропадала даромъ, то все-таки нѣкоторыя попадали въ цѣль.

Пока уланы находились подъ прикрытіемъ смежныхъ домовъ и высокой ограды, окружавшей дворъ завода съ трехъ сторонъ, градъ пуль, которыми ихъ осыпали, причинялъ имъ очень мало вреда. Но когда они вошли во дворъ, дѣло измѣнилось, ибо на такомъ близкомъ разстояніи даже женщина могла стрѣлять безъ промаха. И хотя разсвирипѣвшіе уланы, открывшіе, наконецъ, полъ своихъ противниковъ, все снова и снова шли на приступъ, они не выдержали убійственнаго огня и бѣжали назадъ подъ спасительное прикрытіе, не достигнувъ большой, окованной желѣзомъ двери, которая вела во внутрь зданія.

Въ то же врмя проворныя, загрубѣлыя въ работѣ руки обдавали врага кипяткомъ изъ ведеръ и ушатовъ, предупреждая всѣ попытки взорвать часть стѣны или проникнуть въ зданіе путемъ пролома.

Алиса Стоонъ содрогалась, можетъ-быть, отъ криковъ и стоновъ раненыхъ и обожженныхъ людей, но въ то же время она не могла не восхищаться беззавѣтной храбростью и энергіей этихъ женщинъ, которыя не даромъ хвалились, что пока хоть одна изъ нихъ останется въ живыхъ, черно - желто - красный бельгійскій флагъ будетъ продолжать развѣваться надъ герстальскимъ заводомъ.

Ночь была ужасна, но она прошла, наконецъ.

Куперъ не сомкнулъ глазъ, остальные же немного спали.

Съ зарей сраженіе возобновилось, но слабѣе, урывками. Врагъ поджидалъ прибытія артиллеріи, за которой поспѣшно послали.

Но онъ такъ и не дождался своихъ пушекъ. Вмѣсто нихъ появился полкъ бельгійскихъ кавалеристовъ, и уланы поспѣшно ретировались, выкрикивая угрозы и обѣщанія вернуться и отомстить.

— Гдѣ же защитники завода?—естественно удивлялся бельгійскій командиръ. Даже онъ и его люди были поражены, когда узнали правду.

* *

И четверо злосчастныхъ туристовъ, увеселительная прогулка которыхъ кончилась такъ печально, отправились дальше вмѣстѣ съ полкомъ. Имъ обѣщали дать возможность добраться до Антверпена по желѣзной дорогѣ. Но эти нѣсколько дней прошли для нихъ не даромъ. Рэвнъ заявилъ, что онъ непремѣнно вернется въ Бельгію—но уже не въ качествѣ туриста. Если Англія подняла брошенную ей перчатку, значитъ она нуждается въ добровольцахъ для своей арміи, и онъ будетъ однимъ изъ нихъ.

— Мнѣ только жаль, что васъ не будетъ тогда со мной,—признался онъ Алисѣ Стоонъ, найдя возможность поговорить съ ней наединѣ.

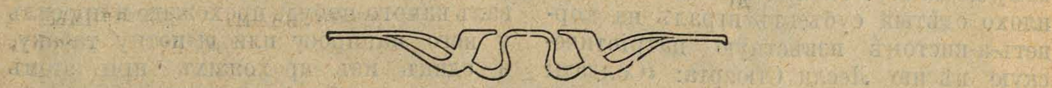
— Я полагаю, что мы увидимся снова, когда кончится эта ужасная война,—отвѣтила она.

— А мы увидимся?—съ жаромъ спросилъ онъ.

Она съ улыбкой кивнула головой.

— Я думаю, что да.

И этотъ отвѣтъ вполнѣ осчастливилъ его.

Нѣмецкіе шпіоны въ сердцѣ Англіи.

** * Разсказъ Франка Лесли. * **

I.

Бродяга-патріотъ.

Какой-то оборванецъ шагалъ по Снаргэтъ-стритъ въ Дуврѣ и, судя по его виду, это было одно изъ самыхъ жалкихъ созданій на свѣтѣ.

На улицѣ было людно и шумно. Однако, несмотря на волну патріотическаго энтузіазма, захватившаго Дувръ, чувствовалась тревога и напряженіе, потому что телеграфъ только что принесъ извѣстіе о гибели «Амфіона». Англія сознавала, что потеряла сто сорокъ восемь своихъ доблестныхъ защитниковъ.

Мальчишки-газетчики мчались по улицамъ, выкрикивая содержаніе послѣднихъ телеграммъ; но оборванецъ, повидимому, не обращалъ никакого вниманія на новости, которыя они выкрикивали. Все, что имѣло такой интересъ для окружающей толпы, его, повидимому, нисколько не интересовало.

Два полисмена медленно шли навстрѣчу ему по улицѣ, размахивая палками. Проходя мимо оборванца, они толкнули его. Оборванецъ грубо выругался.

Однако въ слѣдующее мгновеніе, словно опомнившись, онъ пожалъ плечами и продолжалъ свой путь.

Дойдя до конца Снаргэтъ-стрита, онъ пересѣкъ улицу и направился къ главному почтамту. Около подъѣзда какой-то плохо одѣтый субъектъ игралъ на корнетъ-а-пистонѣ извѣстную патріотическую пѣсню Лесли Стюарта: «Солдаты короля».

Когда оборванецъ поравнялся съ музыкантомъ, тотъ вдругъ взялъ двѣ фальшивыя ноты, и оба обмѣнялись быстрымъ взглядомъ. Потомъ оборванецъ остановился, досталъ изъ кармана веревочку, перевязалъ ею башмакъ на ногѣ, и пошелъ дальше.

Немного погодя онъ вошелъ въ маленькую пивную на краю города. Заказавъ себѣ пинту эля, онъ усѣлся на грубую деревянную лавку и сталъ ждать.

Ждать ему пришлось не долго. Уличный музыкантъ, игравшій передъ почтамтомъ, вскорѣ тоже вошелъ въ пивную. Поздоровавшись съ оборванцемъ, онъ присѣлъ къ нему, и между ними завязался разговоръ насчетъ производства сардинокъ. Уличный музыкантъ былъ, повидимому, хорошо знакомъ съ этимъ вопросомъ. Онъ много и долго говорилъ о способѣ упаковки сардинокъ, такъ и сыпля при этомъ цифрами. Потомъ онъ досталъ изъ кармана планъ какой-то фабрики сардинокъ въ Норвегіи, и передалъ его оборванцу, котораго онъ называлъ Нибблеромъ.

М-ръ Нибблеръ бросилъ на чертежъ быстрый взглядъ и спряталъ его въ карманъ.

— Что, пойдешь дальше, старина?— спросилъ музыкантъ.

— Да, въ Лондонъ, — отвѣтилъ оборванецъ.

Они обмѣнялись еще нѣсколькими незначительными замѣчаніями, потомъ м-ръ Нибблеръ распростился и вышелъ. Онъ намѣревался итти въ Лондонъ.

Когда городъ остался позади, онъ началъ насвистывать популярныя уличныя пѣсенки. Изрѣдка онъ останавливалъ какого-нибудь прохожаго и просилъ у него папиросу или щепотку табаку, и одинъ изъ прохожихъ при этомъ обругалъ его бездѣльникомъ и бродягой.

Одинъ разъ его задержалъ одѣтый въ хаки солдатъ территоріальной службы и спросилъ, кто онъ такой и что тутъ дѣлаетъ на дорогѣ.

Музыкантъ вдругъ взялъ двѣ фальшивыя ноты, и оборванецъ остановился, вынулъ изъ кармана веревочку и перевязалъ башмакъ.

— Господи, братецъ, меня тутъ всѣ знаютъ,—отвѣчалъ м-ръ Нибблеръ.—Я жестянникъ по ремеслу, да только не могу найти работы изъ-за войны. Кабы я былъ моложе, я бы записался въ армію. Ей-Богу, сейчасъ бы записался.

— Ну ладно, можешь итти,—пропустилъ его солдатъ, и бродяга съ хмурой, но немного саркастической усмѣшкой продолжалъ путь.

Немного дальше его нагналъ автомобиль, которымъ управлялъ шофферъ въ темно-сѣрой формѣ. Автомобилистъ остановилъ свою машину и обратился къ оборванцу съ слѣдующимъ замѣчаніемъ.

— Все готово. Сардинки можно отправить съ фабрики.

Оборванца это извѣстіе, видимо, очень обрадовало. Онъ быстро заговорилъ съ автомобилистомъ по-нѣмецки, и если бы солдатъ, задержавшій его раньше, находился тутъ и могъ понять ихъ слова, онъ, вѣроятно, обругалъ бы себя идіотомъ за то, что позволилъ оборванцу продолжать путь.

Автомобиль помчался дальше къ Лондону. Его то и дѣло останавливала стража, поставленная охранять эту важную дорогу къ столицѣ; но никому изъ солдатъ, кромѣ того перваго, не приходило въ голову остановить и разспросить оборванца, просящаго милостыню у прохожихъ.

Къ вечеру слѣдующаго дня послѣ своего разговора съ уличнымъ музыкантомъ оборванецъ достигъ Лондона. Онъ вошелъ въ дешевый постоялый дворъ и переночевалъ тамъ за четыре пенса.

На другое утро онъ первымъ долгомъ отправился въ безплатную читальню и началъ просматривать объявленія въ одной изъ крупныхъ газетъ. Одно изъ этихъ объявленій привлекло его вниманіе.

«Нуженъ человѣкъ, знающій жестяное дѣло. Предложенія адресовать предъявителю квитанціи № 42-68».

М-ръ Нибблеръ записалъ этотъ номеръ на планѣ сардинной фабрики, который ему далъ наканунѣ музыкантъ, потомъ покинулъ читальню и направился въ восточную часть Лондона.

На улицѣ Блэкфрайерсъ-Родъ его остановилъ низенькій коренастый субъектъ и передалъ ему клочокъ бумаги, на которомъ было что-то написано по-нѣмецки.

Оборванецъ нахмурился.

— Дурачье,—сказалъ онъ.—Неужели они мнѣ не довѣряютъ? Излишняя осторожность тоже вредна.

— Помни день,—отвѣтилъ коренастый субъектъ и свернулъ въ переулокъ, сдѣлавъ оборванцу знакъ слѣдовать за собой.

Онъ повелъ его черезъ рядъ узкихъ уличекъ и переулковъ и, наконецъ, остановился передъ ветхимъ покосившимся домомъ, куда они оба и вошли.

Черезъ два часа оборванецъ вышелъ изъ этого дома и опять зашагалъ своей неторопливой походкой. Однако теперь онъ перемѣнилъ направленіе: онъ отправился въ западную часть Лондона.

Возлѣ Бирклей-Сквэра онъ чернымъ ходомъ вошелъ въ какой-то домъ, гдѣ швейцаръ, съ которымъ онъ обмѣнялся нѣсколькими словами, провелъ его наверхъ. Тамъ онъ быстро сбросилъ свои лохмотья, смѣнивъ ихъ на опрятный костюмъ изящнаго покроя. Лакей, помогавшій ему при этомъ, нисколько не казался удивленнымъ.

II.

Гнусный заговоръ.

Нужно было быть очень наблюдательнымъ человѣкомъ, чтобы узнать грубаго бродягу въ изящномъ джентльменѣ, который часъ спустя сошелъ съ автомобиля у подъѣзда аристократическаго отеля и спросилъ графа Гетца.

Графъ Гетцъ былъ одинъ изъ тѣхъ германскихъ подданныхъ, жившихъ въ Англіи, на которыхъ власти смотрѣли безъ подозрѣнія. Онъ совсѣмъ натурализировался въ Англіи и казался преисполненнымъ самыхъ лойяльныхъ чувствъ. Только послѣ того, какъ вспыхнула война, Англія узнала его истинный характеръ.

Оба джентльмена пообѣдали вмѣстѣ, и графъ Гетцъ, обращаясь къ бывшему оборванцу, называлъ его м-мъ Шмидтомъ.

— Ну, докладывайте же, — сказалъ графъ, когда трапеза подходила къ концу,

«Шмидтъ» началъ свой докладъ. Онъ бродилъ по улицамъ Дувра подъ видомъ нищаго и узналъ и подслушалъ много важнаго. Въ настоящее время, сказалъ онъ, въ Британіи глаза всѣхъ устремлены на Сѣверное море, а на то, что дѣлается внутри страны, обращаютъ мало вниманія. Онъ прошелъ пѣшкомъ отъ Дувра до Лондона, и, къ его удивленію, никто его нигдѣ не задерживалъ. Онъ предполагалъ, что каждый перекрестокъ, каждый желѣзнодорожный мостъ охраняются пушками, что всѣхъ прохожихъ останавливаютъ и опрашиваютъ, но онъ не встрѣтилъ ничего подобнаго. Можно подумать, что происходитъ не война, а мирные маневры, такъ безпечны англичане.

— Но намъ же лучше,— продолжалъ онъ. — Тѣмъ легче намъ осуществить нашъ планъ. О немъ-то я и хотѣлъ поговорить сегодня съ вами.

И онъ познакомилъ графа Гетца съ секретнымъ планомъ, одобреннымъ, какъ онъ заявилъ, германскимъ генеральнымъ штабомъ. Обычная флегматичность покинула графа въ то время, какъ онъ слушалъ; его глаза заблестѣли, онъ радостно потиралъ руки.

— Кто придумалъ этотъ планъ?—спросилъ онъ.

И м-ръ Шмидтъ торжественно отвѣтилъ:

— Его придумалъ патріотъ, жившій въ Дуврѣ подъ видомъ нищаго и бродяги; его выдумалъ человѣкъ, который наблюдалъ и подмѣчалъ, который прошелъ пѣшкомъ весь путь отъ Дувра до Лондона, отмѣчая всѣ слабыя мѣста въ системѣ внутренней военной охраны страны. Сегодня, сэръ, мы отправимся съ вами на нашу фабрику сардинокъ въ восточной части Лондона. Посредствомъ условнаго объявленія въ газетѣ меня извѣстили, что все готово.

— Но я полагалъ,—сказалъ графъ,— что всѣ германскіе подданные, какіе есть въ Англіи, извѣстны полиціи и переписаны. Насколько мнѣ извѣстно, нѣсколько сотъ ихъ арестовано и находятся подъ стражей,—развѣ нѣтъ?

— Въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Бирмингамѣ и другихъ городахъ есть тысячи нашихъ соотечественниковъ, о которыхъ военное вѣдомство ничего не знаетъ. Оно не подозрѣваетъ, сколько китайцевъ, занимающихся прачечнымъ ремесломъ, въ дѣйствительности вовсе не китайцы, а наши переодѣтые шпіоны. Это одинъ изъ самыхъ главныхъ нашихъ козырей.

Немного позже «Шмидтъ» и графъ Гетцъ, оба одѣтые въ простые пиджачные костюмы изъ темной матеріи, подходили къ огромному мрачному зданію на Остиндія-Родъ. Это была фабрика сардинокъ, судя по вывѣскѣ, и работали на ней якобы все англичане и норвежцы. Рядомъ съ ней находилась «китайская» прачечная, однако ни одинъ изъ работавшихъ въ ней китайцевъ никогда не бывалъ въ Небесной имперіи.

«Шмидтъ» и графъ вошли въ помѣщеніе фабрики. Въ огромномъ залѣ подвальнаго этажа тамъ стояло свыше тысячи человѣкъ, одѣтыхъ въ хаки,—солдаты англійской арміи, какъ сказалъ бы всякій, увидавъ ихъ. Даже самый опытный глазъ не замѣтилъ бы обмана. Да и не удивительно, когда все это обмундированіе было пріобрѣтено отъ торговцевъ готовымъ платьемъ, которымъ правительство продало въ мирные годы за ненадобностью большіе запасы предметовъ обмундированія.

Каждый изъ этихъ людей имѣлъ ружье и умѣлъ обращаться съ нимъ. Все это были отличные стрѣлки, все это были люди, которымъ можно было довѣрять и которые поклялись держать предпріятіе въ тайнѣ.

Планъ, который придумалъ «м-ръ Шмидтъ» и надъ осуществленіемъ котораго онъ работалъ много мѣсяцевъ, въ то самое время, когда никто въ Англіи и не помышлялъ о войнѣ, состоялъ въ томъ, чтобы въ самой Англіи произвести нападеніе на англійскія войска. Для этого не только въ Лондонѣ, но и въ другихъ городахъ были организованы такіе батальоны германскихъ стрѣлковъ, какъ тотъ, который находился на фабрикѣ сардинокъ. Эти стрѣлки должны были напасть на воинскій поѣздъ, везущій дивизію пѣхоты, и нельзя было сомнѣваться, что въ случаѣ, если бы заговоръ удался, Англія потеряла бы много своихъ храбрыхъ сыновъ.

Графъ Гетцъ и человѣкъ, называвшій себя мистеромъ Шмидтомъ, обратились къ германскимъ солдатамъ въ англійской формѣ съ рѣчью на ихъ родномъ языкѣ. Они подробно объяснили имъ, какъ они должны себя держать, чтобы сойти за настоящихъ англійскихъ «Томми». Какъ истинные «англійскіе солдаты», всѣ они не забыли положить пакетики съ папиросами за подкладку своихъ кэпи; многіе изъ нихъ, смѣясь, показывали вязаные пояса, безъ котораго ни одинъ «Томми» не считаетъ своего снаряженія полнымъ. У нѣкоторыхъ на груди даже красовались медали—британскія медали, купленныя въ ломбардахъ и ссудныхъ лавкахъ. Каждый иностранецъ можетъ купить англійскую военную медаль въ наши дни.

Такимъ образомъ въ самомъ сердцѣ Англіи стоялъ батальонъ нѣмецкихъ стрѣлковъ, готовый выступить въ походъ, и слушавшій послѣднія инструкціи. А обитатели столицы спокойно занимались своими обыденными дѣлами и расхохотались бы, если бы кто-нибудь сказалъ имъ, что на англійской территоріи британскія войска могутъ подвергнуться нападенію вражескаго батальона.

Черезъ узкую обитую желѣзомъ дверь фабрики начали выходить переодѣтые германцы. За каждыми вышедшими захлопывалась дверь, наступала краткая пауза, затѣмъ раздавался свистокъ— и еще два врага Англіи переступали порогъ. Такой способъ выхода былъ придуманъ для большей безопасности.

Наконецъ графъ Гетцъ и м-ръ Шмидтъ» остались одни.

— Забылъ вамъ передать, сэръ,—сказалъ «Шмидтъ», — что по дорогѣ изъ Дувра въ Лондонъ меня остановилъ одинъ изъ нашихъ въ автомобилѣ. Онъ сказалъ: «Все готово, можно отправить рыбу съ фабрики», и я велѣлъ ему явиться сегодня ночью въ автомобилѣ на извѣстное мѣсто желѣзнодорожнаго пути.

— Это хорошо,—сказалъ графъ Гетцъ и переступилъ порогъ. «Шмидтъ» почтительно склонилъ голову и послѣдовалъ за нимъ.

Потомъ онъ закрылъ за собой тяжелую, обитую желѣзомъ дверь.

III.

Схватка на Кентской дорогѣ.

Лейтенантъ Скансмиръ, одѣтый въ форму пѣхотнаго офицера, въ десять часовъ вечера сѣлъ въ свой автомобиль, давъ шофферу точныя инструкціи. Это было въ августѣ 1914 г., въ необыкновенно темный вечеръ.

Вскорѣ автомобиль уже миновалъ предмѣстье Лондона и мчался по одной изъ дорогъ Кентскаго графства. Лейтенантъ Скансмиръ сидѣлъ, наклонившись впередъ, съ напряженнымъ выраженіемъ на загорѣломъ лицѣ. То, что ему предстояло сдѣлать, требовало вниманія и напряженія всѣхъ духовныхъ силъ.

Время отъ времени стража окликала автомобиль; но тогда фонарь впереди давалъ установленный сигналъ, что этотъ автомобиль спѣшитъ по важному государственному дѣлу и что его не должны задерживать ни на минуту.

Вдругъ шофферъ повернулъ голову.

— Автомобиль впереди насъ, сэръ. Могу догнать, если желаете.

— Не упускайте его изъ виду, Пэрсонсъ, не отставайте отъ него, но не перегоняйте, пока я не прикажу,—отвѣтилъ лейтенантъ

— Слушаю-съ!

Въ то время, какъ оба автомобиля неслись по темнымъ кентскимъ дорогамъ, лучъ свѣта вдругъ прорѣзалъ небо и замигалъ. Это былъ сигналъ.

Лейтенантъ быстро прочелъ его.

— Воинскій поѣздъ съ тысячью пѣхотинцевъ. Стерегите путь! —предостерегалъ сигналъ.

— Идіоты!—пробормоталъ онъ.—Зачѣмъ они объявляютъ объ этомъ? Когда же они научатся дѣлать все втихомолку?

Машины мчались, все прибавляя ходу. Сидящіе въ переднемъ автомобилѣ, очевидно, замѣтили, что ихъ преслѣдуютъ, и прилагали всѣ усилія, чтобы уйти отъ преслѣдователя.

— Ну, теперь догони ихъ!—приказалъ лейтенантъ.

Шофферъ далъ полный ходъ, и великолѣпный Роллсъ-Ройсъ понесся впередъ съ головокружительной быстротой

Съ фабрики сардинокъ выходили по-двое германскіе стрѣлки, одѣтые въ англійскую форму.

— Берегитесь, сэръ!—крикнулъ шофферъ, и въ тотъ же мигъ пуля прожужжала надъ головой лейтенанта Скансмира. Офицеръ заскрежеталъ зубами и, выхвативъ револьверъ, выстрѣлилъ въ томъ направленіи, откуда былъ произведенъ выстрѣлъ.

Это, повидимому, привело въ ярость человѣка, сидѣвшаго въ переднемъ автомобилѣ. Отбросивъ всякую осторожность, онъ поднялся на ноги и, направивъ револьверъ на лейтенанта, сталъ выпускать въ него пулю за пулей.

Лейтенантъ не лѣнился отвѣчать тѣмъ же, но пока они обмѣнивались этими выстрѣлами, произошла катастрофа.

Передній автомобиль вдругъ сдѣлалъ полоборота на мѣстѣ и перекинулся.

Однако сидящіе въ немъ какимъ-то чудомъ не ушиблись или ушиблись очень мало. По крайней мѣрѣ, сѣдокъ немедленно вскочилъ на ноги и, стоя на дорогѣ, продолжалъ стрѣлять. Шофферъ лейтенанта былъ слегка задѣтъ пулей, но самъ офицеръ, не обращая вниманія на рискъ, которому онъ подвергается, яростно бросился впередъ и схватилъ стрѣляющаго за горло.

Началась бѣшеная борьба. Слышались проклятія на нѣмецкомъ языкѣ. Наконецъ лейтенанту удалось хорошо направленнымъ ударомъ по скулѣ свалить врага съ ногъ. Второй нѣмецъ, шофферъ, видя, что его хозяинъ побѣжденъ, сдался безъ борьбы.

IV.

Гайное военное агентство.

Воинскій поѣздъ, везшій пѣхотинцевъ, остановился на спеціально приготовленномъ разъѣздѣ, и солдаты вышли изъ него. Для нихъ былъ уже приготовленъ лагерь тѣмъ полкомъ, который раньше ихъ прибылъ на это мѣсто.

Въ большой походной палаткѣ сидѣлъ офицеръ, командовавшій дивизіей. Передъ нимъ на столѣ лежала карта; телеграфистъ рядомъ лихорадочно работалъ, принимая и отсылая донесенія.

Вошелъ вѣстовой и доложилъ, что лейтенантъ Скансмиръ прибылъ съ важными извѣстіями.

Черезъ минуту молодой лейтенантъ вошелъ къ командующему дивизіей.

— Нашъ поѣздъ благополучно прибылъ съ людьми, вооруженіемъ и боевыми припасами. Ничего важнаго дорогой не произошло,—замѣтилъ тотъ.—А у васъ есть какія-нибудь новости, м-ръ Скансмиръ?

Да, у мистера Скансмира были новости.

Онъ разсказалъ изумленно слушавшему его командиру о попыткѣ отправить изъ Лондона въ этотъ маленькій береговой городокъ отрядъ нѣмецкихъ стрѣлковъ въ англійской формѣ для предательскаго нападенія на воинскій поѣздъ. Онъ подробно разсказалъ ему о всѣхъ приготовленіяхъ, которыя велись для этой цѣли уже въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ разсказывалъ, недовѣріе, свѣтившееся сначала въ глазахъ старшаго офицера, постепенно смѣнялось выраженіемъ ужаса.

Съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ онъ, какъ лейтенантъ описывалъ путешествіе оборванца отъ Дувра до Лондона. Лейтенантъ былъ, повидимому, хорошо знакомъ со всѣми деталями этого путешествія.

Онъ упомянулъ о встрѣчѣ оборванца съ уличнымъ музыкантомъ и передалъ содержаніе ихъ разговора въ пивной.

— Но откуда вы знаете все это?—спросилъ командующій дивизіей.

Лейтенантъ объяснилъ, что хозяинъ этой пивной, бывшій солдатъ, покинувшій службу вслѣдствіе увѣчья, слѣдуя даннымъ ему инструкціямъ, тщательно отмѣчалъ всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ его заведеніе; и такъ какъ ему приказали слѣдить за оборванцемъ, который долженъ пройти тутъ, то онъ обратилъ на него спеціальное вниманіе и передалъ свѣдѣнія куда слѣдуетъ.

— Но если вы уже подозрѣвали этого фальшиваго бродягу, зачѣмъ же вы не арестовали его тогда же, въ Дуврѣ?—былъ естественный вопросъ.

— Слѣдуя даннымъ мнѣ инструкціямъ свыше,—былъ отвѣтъ.—Мнѣ приказали придерживаться принципа: «Дайте ему достаточно длинный конецъ веревки и онъ самъ повѣсится на немъ».

И онъ сообщилъ о всѣхъ контръ-маневрахъ, которые были предприняты, чтобы вполнѣ раскрыть заговоръ и помѣшать осуществленію адскаго замысла. Упомянулъ даже объ инцидентѣ съ пѣшеходомъ, который обругалъ «бродягу», когда тотъ попросилъ у него табаку.

— Этотъ пѣшеходъ былъ я самъ,—спокойно сказалъ онъ.

— И вы, стало-быть, слѣдовали за «Шмидтомъ» до самаго Лондона, да?

— Нѣтъ, дѣло происходило не совсѣмъ такъ. Но во всякомъ случаѣ на всемъ пути до столицы за оборванцемъ слѣдили внимательные глаза. Что бы онъ ни дѣлалъ, что бы ни говорилъ—всегда рядомъ были глаза, которые видѣли, и уши, которые слышали.

И все это не благодаря территоріальной стражѣ, а благодаря тому малоизвѣстномъ вѣдомству, однимъ изъ главныхъ членовъ котораго былъ лейтенантъ Скансмиръ, а именно: Тайному Военному Агентству.

— Мнѣ приказали сообщить вамъ все это,—закончилъ свое повѣствованіе лейтенантъ.—Необходимо обратить болѣе серьезное вниманіе на охрану дорогъ—особенно же на всемъ восточномъ побережьѣ. На этотъ разъ намъ удалось предупредить опасность, но мы не знаемъ, сколько еще враговъ среди насъ.

— Однако я все-таки не могу понять, какимъ образомъ вы раскрыли ихъ адскій заговоръ?—задумчиво проговорилъ командующій дивизіей.

Скансмиръ сообщилъ ему о томъ, какъ у Тайнаго Агентства возникли подозрѣнія и какъ эти подозрѣнія постепенно превратились въ увѣренность.

— Когда оборванецъ вышелъ на улицу Блэкфрайерсъ-Родъ,—сказалъ онъ,—тамъ его встрѣтилъ человѣкъ, который заговорилъ съ нимъ по-нѣмецки, и они вмѣстѣ вошли въ одинъ домъ.

— Ну да, и что же?

— Въ этомъ домѣ,—продолжалъ лейтенантъ,—оборванецъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ офицеромъ британской арміи, у котораго былъ заряженный револьверъ. Этотъ «Шмидтъ» былъ трусомъ въ душѣ. Мало-по-малу у него удалось выпытать всѣ недостающіе детали заговора. Онъ выдалъ весь планъ—не только то, что подготовлялось въ Лондонѣ, но и то, что подготовлялось на всей территоріи Англіи. Этотъ планъ въ своей совокупности былъ удивителенъ. Онъ разсказалъ объ ангарахъ для дирижаблей, построенныхъ въ уединенныхъ безлюдныхъ мѣстахъ. Онъ выдалъ все, все. Правительство немедленно приняло необходимыя мѣры. Когда графъ Гетцъ отправился на фабрику сардинокъ, онъ не зналъ, что идетъ въ ловушку. Когда переодѣтые нѣмцы выходили подвое изъ фабрики, они попадали въ руки поджидавшаго ихъ отряда. Такимъ образомъ ни одинъ не ушелъ отъ насъ. Графъ Гетцъ тоже былъ арестованъ.

— Но скажите,—задумчиво проговорилъ командиръ,—развѣ неопасно было позволить «Шмидту» имѣть послѣ этого свиданіе съ графомъ Гетцомъ въ отелѣ? Вѣдь онъ могъ предупредить его.

Усталая улыбка заиграла на губахъ лейтенанта Скансмира, и онъ отвѣтилъ спокойно и терпѣливо, какъ говорятъ съ тугимъ на пониманіе ребенкомъ:

— «Шмидтъ» больше не выходилъ изъ дома на Блэкфрайерсъ-Родъ.

— Такъ кто же въ такомъ случаѣ былъ тотъ оборванецъ, который затѣмъ обѣдалъ съ графомъ и пошелъ съ нимъ на фабрику?

Въ лагерѣ заиграли зорю. Лейтенантъ Скансмиръ поднялся и взялъ подъ козырекъ:

— Это былъ я,—просто отвѣтилъ онъ.

По безпроволочному телеграфу.

Разсказъ *Джорджа Суррей.*

I.

Подслушанная тайна.

МАКЪ-КАРРОЛЬ выигралъ, и Кольтеръ, который одинъ изъ всей компаніи еще продолжалъ игру, поднялся со стула и взглянулъ на часы.

— Однако пора и на боковую,—замѣтилъ онъ.

— Спокойной ночи, господа.

И сопровождаемый пожеланіями спокойной ночи всѣхъ оставшихся, онъ вышелъ.

Но вмѣсто того, чтобы прямо отправиться въ свою каюту, онъ поднялся на верхнюю палубу «Кронпринца Эйтеля». Онъ любилъ карточную игру и, какъ хорошій спортсменъ, относился довольно равнодушно къ проигрышамъ, но онъ былъ совершенно увѣренъ, что послѣдняя игра будетъ его, и потому его явно разстроило, что американецъ побилъ его карты. Онъ проигралъ тридцать шиллинговъ, и этотъ проигрышъ въ связи съ разочарованіемъ требовали успокоительной папиросы, выкуренной въ одиночествѣ на свѣжемъ воздухѣ.

Ночь была тихая и теплая, на палубѣ было безлюдно. Кольтеръ началъ прогуливаться взадъ и впередъ, ступая почти безшумно, несмотря на свое плотное тѣлосложеніе. Однако эта прогулка продолжалась недолго; немного погодя, онъ подошелъ къ периламъ и прислонился къ нимъ, разсѣянно глядя въ темноту передъ собой. Его дѣловая поѣздка въ Америку увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, обратный путь оказался очень пріятнымъ; «Кронпринцъ Эйтель» былъ прекрасный пароходъ, на спутниковъ онъ тоже не могъ пожаловаться, а между тѣмъ, стоя такъ у перилъ, онъ вдругъ почувствовалъ (можетъ-быть, проигрышъ былъ виноватъ) страстное желаніе поскорѣе очутиться дома. Какъ хорошо, что черезъ нѣсколько часовъ онъ опять будетъ въ Англіи! Пріятно все-таки быть дома! А кромѣ того, ему хотѣлось поскорѣе просмотрѣть англійскія газеты. Чѣмъ-то кончилась эта австро-сербская исторія? У него были торговыя дѣла въ Австріи, и война, въ случаѣ, если бы дѣло, дѣйствительно, дошло до этого могла причинить ему много непріятностей.

Еще одну папиросу, пожалуй... Поздно, правда, но...

Онъ досталъ портсигаръ и уже протянулъ было пальцы къ папиросѣ, какъ вдругъ замеръ на мѣстѣ. Откуда-то поблизости, изъ темноты, до его уха долетѣли обрывки разговора на нѣмецкомъ языкѣ; и хотя его знаніе нѣмецкаго языка было далеко не такъ совершенно, какъ онъ всегда старался увѣрить своихъ знакомыхъ, тѣмъ не менѣе, онъ разобралъ нѣсколько словъ:

— England... Krieg... Kriegsschiff... Kriegsglück...

«Что такое? Что это значитъ? Schiff, Schiff... ну да, вѣдь это — корабль. А Krieg?.. Чортъ возьми, вѣдь Krieg значитъ, кажется, война! Но зачѣмъ капитанъ Дункеръ (Кольтеръ узналъ теперь голосъ) говоритъ о войнѣ и военныхъ корабляхъ?.. А Kriegsglück—вѣдь это значитъ военное счастье. Но какое отношеніе военное счастье можетъ имѣть къ «Кронпринцу Эйтелю»?..»

Не будучи въ состояніи дать себѣ отвѣтъ на этотъ вопросъ, Кольтеръ прервалъ свои размышленія и весь превратился въ слухъ. Разговаривающіе находились, очевидно, недалеко отъ него,

и Кольтеръ вдругъ понялъ, съ кѣмъ капитанъ Дункеръ ведетъ этотъ серьезный разговоръ. Вѣдь тутъ напротивъ находится помѣщеніе безпроволочнаго телеграфа, и собесѣдникъ капитана не кто иной, какъ телеграфистъ. Чортъ возьми, конечно такъ! Телеграфистъ, должно-быть, получилъ такое важное извѣстіе, что позвалъ капитана, приходъ котораго онъ, Кольтеръ, прозѣвалъ, глазѣя на небо и волны.

Кольтеръ былъ человѣкъ сообразительный, привыкшій думать быстро и понимать съ полуслова. Прислушиваясь къ разговору нѣмцевъ, онъ на основаніи тѣхъ немногихъ словъ, которыя были ему извѣстны, составилъ себѣ понятіе о характерѣ извѣстія, полученнаго по безпроволочному телеграфу. Это было невѣроятное извѣстіе, но онъ могъ поклясться, что понялъ правильно.

Между Германіей и Англіей была объявлена война.

«Боже! Стало-быть, все-таки дошло до войны!»

Кольтера бросило въ жаръ, потомъ въ холодъ. Мысли вихремъ закружились въ головѣ, проснувшаяся фантазія рисовала картины одну страшнѣе другой. Война! Нападеніе на Англію! Аэропланы и дирижабли летаютъ взадъ и впередъ, разрушая британскіе города, убивая ихъ беззащитныхъ обитателей и пуская ко дну дредноуты. И вдругъ его собственный домъ пострадаетъ? Его жена, его дѣти...

Усиліемъ воли Кольтеръ остановилъ полетъ своей фантазіи. Что-то глухо стукнуло невдалекѣ, и это вернуло его къ сознанію дѣйствительности. Ужъ не замѣтили ли его присутствіе? Весь насторожившись, онъ ждалъ. Вотъ звукъ повторился. Нѣтъ, это только шаги, больше ничего. Вотъ тихо скрипнула дверь радіотелеграфной каюты, и въ двухъ шагахъ отъ Кольтера прошелъ капитанъ Дункеръ, бормоча про себя:

— Das Gold... Drei Millionen... Himmel!.. Verdammte Engländer... (Золото... Три милліона... Проклятые англичане).

Шаги капитана замерли вдали. Кольтеръ стоялъ какъ прикованный. Золото... Три милліона!.. Кольтеръ видѣлъ, какъ часть этого золота, нагружали на пароходъ. Такъ вотъ что безпокоитъ этого нѣмца! Три милліона, сказалъ онъ. Хорошенькая сумма! И если на сценѣ появится британскій военный корабль, прощай тогда надежда, что это золото удастся отвезти въ Германію, чтобы оно пошло на уничтоженіе англичанъ. Такъ вотъ, что тревожитъ капитана! Зачѣмъ, чортъ возьми, тутъ нѣтъ поблизости британскаго военнаго судна?.. Кольтеръ съ мрачной злобой смотрѣлъ на спокойную поверхность океана, словно океанъ былъ виноватъ въ томъ, что поблизости нѣтъ какого-нибудь британскаго крейсера. Кровь бурлила въ немъ; онъ чувствовалъ себя въ самомъ воинственномъ настроеніи.

Благоразумно подождавъ немного, Кольтеръ, наконецъ, осторожно отошелъ отъ перилъ, слишкомъ возбужденный, чтобы поблагодарить Провидѣніе за то, что оба нѣмца не открыли его присутствія, и спустился внизъ. Онъ чувствовалъ себя обязаннымъ подѣлиться своей необыкновенной новостью съ остальными пассажирами, т.-е. съ тѣми, которымъ можно было довѣрять. «Необходимо что-нибудь сдѣлать,—думалъ онъ,— чтобы помѣшать капитану преспокойно отвезти въ Германію такое цѣнное прибавленіе къ военной казнѣ, какъ три милліона золотыхъ монетъ—три милліона золота, отправленнаго вѣдь именно въ Англію». Кольтеръ отлично зналъ назначеніе золота, и это усиливало его негодованіе.

Онъ пошелъ прежде всего въ ресторанъ перваго класса, гдѣ надѣялся найти нѣсколько пассажировъ англичанъ, съ которыми познакомился дорогой, потому что часъ былъ не очень поздній. И онъ не ошибся. Придумавъ какой-то благовидный предлогъ, разсчитанный на то, чтобы не возбудить любопытство четырехъ или пяти нѣмцевъ, двухъ евреевъ, Макъ-Карроля и еще какого-то американца, допивавшихъ послѣдніе стаканчики, онъ попросилъ Смита, тучнаго фабриканта изъ Ланкашира, Роуэлля, съ которымъ онъ неоднократно игралъ въ покеръ, Картрайта, котораго онъ зналъ за горнаго инженера, и Гибсона, журналиста по профессіи (въ Гибсонѣ онъ немного сомнѣвался) пойти съ нимъ въ его каюту.

— Слушайте, господа,—началъ онъ, когда они всѣ усѣлись.—Я долженъ вамъ сообщить кое-что чрезвычайно важное. Только благодаря счастливой случайности,—одной изъ тѣхъ случайностей о которыхъ читаешь въ книгахъ, но о которыхъ рѣдко слышишь въ дѣйствительной жизни,—я узналъ эту новость и она слишкомъ важна, чтобы ее можно было хранить про себя. Если мы ничего не сдѣлаемъ, насъ всѣхъ стоитъ разстрѣлять.

Онъ остановился. Всѣ выжидательно смотрѣли на него.

— Вы узнали, что кто-нибудь на пароходѣ играетъ въ покеръ слишкомъ хорошо, то-есть попросту шулеръ, да?—спросилъ журналистъ.—На этихъ пароходахъ...

Кольтеръ нетерпѣливо покачалъ головой.

— Нѣтъ, господа, не то. Между Англіей и Германіей объявлена война,—возвѣстилъ онъ.

Всѣ недовѣрчиво уставились на него.

— Откуда вы это знаете? — спросилъ Гибсонъ.

— Разумѣется, политическое положеніе...

— О, чортъ!—вырвалось у Роуэлля.

— Боже милостивый! — вздохнулъ Смитъ.

И они всѣ трое въ одинъ голосъ повторили вопросъ Гибсона.

— Безпроволочный телеграфъ принесъ эту новость,—отвѣтилъ Кольтеръ.—Я случайно подслушалъ разговоръ телеграфиста съ капитаномъ. Я былъ наверху, курилъ папиросу. Они не видѣли меня.

— Но кто же, чортъ возьми, могъ послать эту телеграмму?—быстро спросилъ журналистъ.—Если... если это правда... тогда тутъ поблизости, должно-быть, крейсируетъ германское военное судно...

— Вы не шутите съ нами, м-ръ Кольтеръ?—перебилъ журналиста Смитъ.

— Какія тамъ шутки!—вскричалъ Кольтеръ.—Я хорошо понимаю по-нѣмецки, какъ вы знаете; и изъ того, что эти двое говорили между собой—несомнѣнно, что война объявлена.

— Быстро же это случилось,—замѣтилъ Гибсонъ.

— Очевидно такъ,—согласился Кольтеръ.—А теперь, господа, вопросъ въ томъ, что мы будемъ дѣлать. Мы обязаны что-нибудь сдѣлать. На пароходѣ находится три милліона золота—англійскаго золота,—а этотъ нѣмецъ-капитанъ видимо хочетъ захватить эти деньги для Германіи. Онъ врядъ ли рискнетъ войти въ англійскій портъ...

— Гдѣ его пароходъ сейчасъ же арестуютъ и золото возьмутъ,—вставилъ Гибсонъ.—Мы имѣемъ полное право это сдѣлать... и конфисковать его пароходъ.

— Но онъ, разумѣется, не дастъ намъ возможности это сдѣлать,—сказалъ Кольтеръ.—А съ другой стороны, неужто мы будемъ спокойно сидѣть и смотрѣть, какъ крадутъ деньги, принадлежащія нашей странѣ? Какъ англичане, мы не можемъ этого допустить. Что именно капитанъ намѣренъ дѣлать, я не знаю, конечно; но мы были бы жалкими трусами, если бы допустили, какъ я ужъ говорилъ, чтобы нашу страну такъ обокрали. Мы должны этому помѣшать.

— А какъ вы предполагаете этому помѣшать?

Кольтеръ негодующе посмотрѣлъ на говорящаго, на Картрайта, который до этой минуты не раскрывалъ рта.

— Вы вѣдь не хотите, я полагаю, этимъ сказать...—началъ онъ.

— Я только спрашиваю, какимъ образомъ вы предполагаете помѣшать капитану сдѣлать то, что, по вашимъ словамъ, онъ намѣренъ сдѣлать?—сказалъ Картрайтъ.

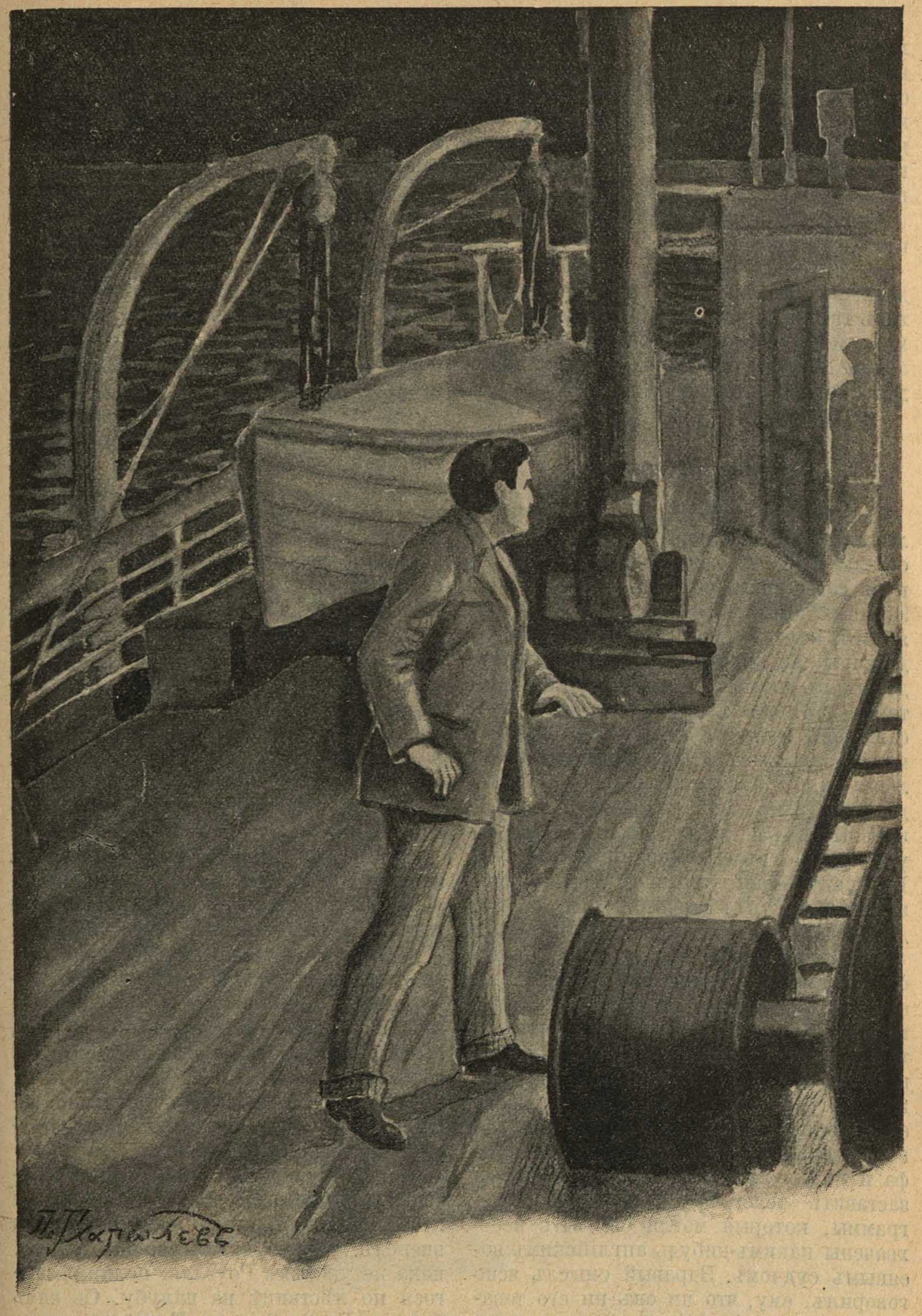
Кольтеръ молчалъ съ минуту.

— А чортъ бы побралъ все!—гнѣвно крикнулъ онъ.—Мы должны что-нибудь сдѣлать! Конечно, это не легко. Но совѣтовать, чтобы мы сидѣли, сложа руки, это... это было бы подло. И я надѣюсь, никто изъ насъ здѣсь не думаетъ такъ поступать,—закончилъ онъ возвысивъ голосъ.

— Положеніе чертовски затруднительное,—послѣ долгой паузы задумчиво проговорилъ Роуэлль.

— Мы не можемъ завладѣть пароходомъ,—медленно произнесъ фабрикантъ.

— А если бы мы могли, вотъ подвигъ-то былъ бы!—вскричалъ журналистъ.—Газеты...

Тихо скрипнула дверь телеграфной каюты, и изъ нея вышелъ капитанъ.

— На пароходѣ нѣсколько сотъ человѣкъ команды, которые всѣ, я полагаю, пойдутъ за своимъ командиромъ,— сказалъ Картрайтъ.—А кромѣ того, тутъ находится по меньшей мѣрѣ сотни двѣ пассажировъ, симпатіи которыхъ будутъ на сторонѣ своей страны, т.-е. безусловно не на сторонѣ Англіи.

Смитъ кивнулъ головой, глядя на полъ, и проговорилъ:

— Да, вы правы. — Знаете, — продолжалъ онъ, поднявъ глаза и встрѣтивъ гнѣвный взглядъ Кольтера,—я думаю, не лучше ли подождать пока и обдумать все хорошенько. Въ такомъ дѣлѣ нельзя торопиться.

II.

Перемѣна курса.

Полный негодованія на Картрайта лежалъ Кольтеръ въ постели послѣ ухода остальныхъ, тщетно пытаясь заснуть и въ сотый разъ обдумывая положеніе. Здравый смыслъ говорилъ ему яснѣе яснаго, какъ нелѣпа мысль, чтобы полдюжины англичанъ, съ помощью еще десятковъ двухъ соотечественниковъ, которые навѣрное найдутся въ числѣ пассажировъ второго и третьяго класса, могли завладѣть «Кронпринцемъ Эйтелемъ», имѣя противъ себя всю команду да нѣсколько сотъ пассажировъ - нѣмцевъ. И тѣмъ не менѣе, это нисколько не уничтожало въ его сознаніи факта, что Картрайтъ малодушный трусъ, да, презрѣнный трусъ съ заячьей душой. Бррь, даже вспоминать о немъ тошно!

Онъ мало спалъ въ эту ночь. Самые фантастическіе планы зарождались въ его мозгу, начиная съ плана заманить капитана въ свою каюту, оглушить его тамъ и потребовать, чтобы пароходъ вошелъ въ какой - нибудь англійскій портъ, грозя въ иномъ случаѣ лишить его жизни, и кончая планомъ ворваться въ помѣщеніе безпроволочнаго телеграфа и подъ угрозой немедленной смерти заставить телеграфиста послать телеграммы, которыя могли бы быть перехвачены какимъ-нибудь англійскимъ военнымъ судномъ. Здравый смыслъ ясно говорилъ ему, что ни онъ ни его товарищи не въ состояніи помѣшать капитану сдѣлать то, что ему вздумается дѣлать, и что всѣ ихъ протесты ровно ни къ чему не приведутъ. Но это только еще больше разжигало его ярость. Онъ былъ рослый, здоровый мужчина, энергичный и удачливый во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, глубоко убѣжденный въ превосходствѣ Англіи надъ всѣмъ остальнымъ міромъ, и сознаніе его безсилія теперь приводило его въ бѣшенство.

Въ шесть часовъ утра онъ уже находился на палубѣ. День былъ дивный. Море сверкало подъ лучами солнца и отливало серебромъ; легкія пушистыя облачка скользили по ясной лазури неба.

— Хорошее утро, сэръ, не правда ли?— съ привѣтливой улыбкой замѣтилъ Кольтеру одинъ изъ младшихъ помощниковъ капитана, проходя мимо него, но Кольтеръ только буркнулъ въ отвѣтъ что-то непонятное.

Однако небо тутъ же заинтересовало его. Онъ съ минуту внимательно смотрѣлъ на него, а потомъ съ рѣшительнымъ видомъ повернулся къ помощнику капитана.

— Куда это вы держите курсъ?— рѣзко спросилъ онъ.

Стройный молодой нѣмецъ бросилъ на него испытующій взглядъ, улыбнулся и отвѣтилъ:

— Въ тотъ портъ, куда намъ надо войти.

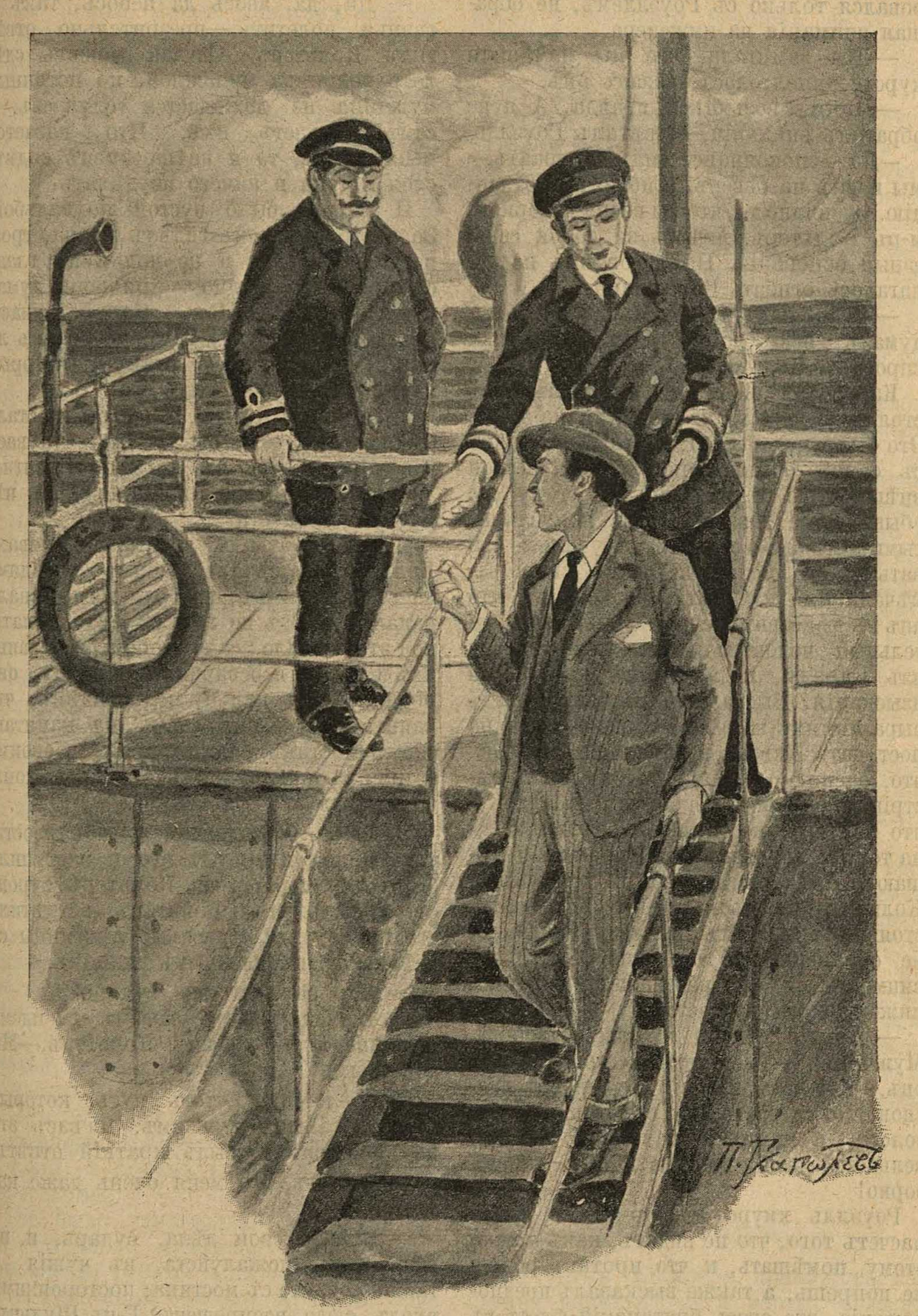
— Но мы должны итти прямо на востокъ, прямо къ солнцу,—гнѣвно заявилъ англичанинъ.—Зачѣмъ же солнце тамъ?—И онъ указалъ рукой направо.

— Нашъ курсъ правиленъ, сэръ.

— Нѣтъ, я говорю вамъ, что нѣтъ,— крикнулъ Кольтеръ, все больше возвышая голосъ. — Мы идемъ на сѣверъ, когда намъ надо прямо на востокъ. Кой чортъ!

— Мы держимъ курсъ согласно инструкціямъ капитана,—холодно отвѣтилъ помощникъ и отошелъ

Сомнѣнія не было: «Кронпринцъ Эйтель» измѣнилъ курсъ. Гнѣвно кусая губы, Кольтеръ сталъ шагать взадъ и впередъ, упорно думая все объ одномъ, пока не увидѣлъ Роуэлля, поднимающагося по лѣстницѣ на палубу. Съ нимъ былъ и Картрайтъ, но Кольтеръ поздо-

Сойдите съ мостика, сударь—гнѣвно сказалъ капитанъ.

ровался только съ Роуэллемъ, не обращая вниманія на инженера.

— Вы замѣтили, что мы измѣнили курсъ?—вполголоса сказалъ онъ.

— Чортъ возьми! И правда. А я не обратилъ вниманія,—отвѣтилъ Роуэлль

—Да,—спокойно вставилъ Картрайтъ,—мы идемъ на сѣверъ, огибаемъ Шотландію. Очевидно то, что вы вчера говорили, м-ръ Кольтеръ, имѣетъ за собой серьезныя основанія. Намъ совсѣмъ не полагалось огибать Шотландію.

— А вы какъ же полагали, что я выдумалъ всю исторію?—саркастически спросилъ Кольтеръ.

Картрайтъ ничего не отвѣтилъ. Онъ стоялъ у перилъ и смотрѣлъ на море. Это былъ худощавый, смуглый человѣкъ съ самой обыкновенной, неинтересной внѣшностью и имѣвшій къ тому же обыкновеніе держать глаза полузакрытыми. Однако всѣ, кому случалось бывать въ его обществѣ, очень скоро замѣчали или начинали подозрѣвать, что онъ въ дѣйствительности очень наблюдательный человѣкъ. Онъ возвращался изъ Канады, куда ѣздилъ на горныя изысканія. Высказывая въ энергичныхъ выраженіяхъ, какъ, по его мнѣнію, должна поступать Англія, и объясняя Роуэллю, что, очевидно, Германія заставила Австрію предъявить Сербіи ультиматумъ, и что кайзеръ, несомнѣнно, разсчитывалъ на то, что неурядицы въ Ирландіи помѣшаютъ Англіи вмѣшаться въ конфликтъ, Кольтеръ чувствовалъ, что Картрайтъ, стоявшій въ трехъ шагахъ отъ него, не обращаетъ на его слова никакого вниманія, и его раздраженіе противъ инженера все возрастало.

— Англіи теперь нужны мужчины. Мужчины! — съ горечью восклицалъ онъ.—А у насъ ихъ нѣтъ. Дункеръ преспокойно отвезетъ въ Германію все это золото, а никто и пальцемъ не шевельнетъ, чтобы помѣшать ему. Это позорно!

Роуэлль хмуро пробормоталъ что-то насчетъ того, что не видитъ, какъ можно этому помѣшать, и что противъ рожна не попрешь, а также высказалъ предположеніе, что авось британскій флотъ въ Сѣверномъ морѣ остановитъ «Кронпринца Эйтеля».

— Да, да, авось да небось, такъ и свинья полетитъ,—презрительно отвѣтилъ Кольтеръ.—Случай можетъ сдѣлать человѣка мужчиной, но истинный мужчина не дожидается случаевъ, а самъ создаетъ ихъ. Что касается меня лично, то я не намѣренъ сидѣть сложа руки и ничего не дѣлать.

И это не было пустой похвальбой. За завтракомъ онъ сидѣлъ молча, грозно насупившись и не поднимая глазъ съ тарелки, очевидно напряженно думая о чемъ-то. Когда Мак[illegible] Карроль участливо освѣдомился у него, не боленъ ли онъ, то получилъ отвѣтъ, который изумилъ и встревожилъ его:

— Боленъ! Думаю, что и вы не стали бы плясать, если бы узнали, что васъ вовсе не везутъ въ Англію. Пріятно, думаете, очутиться плѣнникомъ въ нѣмецкой крѣпости?

И въ краткихъ, рѣзкихъ словахъ Кольтеръ повѣдалъ своимъ сосѣдямъ по столу новость, которую онъ узналъ наканунѣ. Онъ не хотѣлъ этого дѣлать, но это вышло само собой. Оставивъ ихъ затѣмъ переваривать новость, онъ поднялся на палубу и, увидѣвъ, что капитанъ Дункеръ стоитъ на капитанскомъ мостикѣ, разговаривая съ своимъ старшимъ помощникомъ, онъ прямехонько направился къ нему.

Матросъ, находившійся поблизости, испуганно окликнулъ его и заступилъ было ему дорогу, но Кольтеръ сурово оттолкнулъ его. Капитанъ встрѣтилъ его на верхней ступенькѣ лѣстницы съ гнѣвнымъ, изумленнымъ лицомъ.

— Что вамъ угодно, сударь?

— Я желаю знать, зачѣмъ мы идемъ на сѣверъ? — началъ Кольтеръ.—Мы должны...

— Я выбираю тотъ путь, который считаю самымъ лучшимъ, и васъ это не касается, — былъ краткій отвѣтъ.

— О, нѣтъ, это меня очень даже касается.

— Знайте свои дѣла, сударь, и не мѣшайтесь, пожалуйста, въ чужія. А также сойдите съ мостика; постороннимъ входъ сюда воспрещенъ. Г-нъ Шульцъ, сведите, пожалуйста, этого джентльмена внизъ.

Съ бурей въ душѣ Кольтеръ волей-неволей спустился назадъ на палубу и сталъ ждать. Когда капитанъ сошелъ съ мостика, Кольтеръ рѣшительно заступилъ ему дорогу.

— Я требую, чтобы вы измѣнили курсъ, — крикнулъ онъ.—Нѣсколько пассажировъ, находившихся поблизости, остановились и съ любопытствомъ переводили взглядъ съ него на капитана и съ капитана на него. — Оттого, что у васъ на пароходѣ находится англійское золото, такъ вы рѣшили теперь, когда ваша проклятая страна объявила войну...

У капитана лицо побагровѣло, усы торчкомъ поднялись вверхъ, и онъ рѣзко перебилъ Кольтера:

— Вы съ ума сошли! Вы сами не знаете, что говорите. Я хозяинъ на пароходѣ, и я прошу васъ придержать языкъ. Не то...

Но у Кольтера кровь кипѣла, и онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно запугать. Его лицо стало такимъ же краснымъ, какъ лицо капитана.

— Я протестую! Я требую! Вы хотите украсть...

Капитанъ сдѣлалъ знакъ, и возлѣ Кольтера выросъ матросъ.

— Если вы будете буянить, сэръ, я немедленно посажу васъ подъ арестъ.

— Я этого дѣла такъ не оставлю. Я настою на томъ, чтобы вы...

Матросъ взялъ Кольтера за рукавъ. Въ тотъ же мигъ могучій ударъ кулака заставилъ его отлетѣть на нѣсколько шаговъ и онъ очутился сидящимъ на палубѣ, ошеломленный, съ разинутымъ ртомъ. Капитанъ Дункеръ крикнулъ что-то и выхватилъ револьверъ, но получилъ не менѣе могучій ударъ по переносицѣ, который заставилъ его отшатнуться. Стоявшіе поблизости пассажиры подняли визгъ и крикъ; послышался топотъ бѣгущихъ ногъ; одинъ изъ помощниковъ примчался на мѣсто происшествія, а потомъ началось нѣчто невообразимое.

Это было удивительное и далеко не назидательное зрѣлище. Разъяренный британецъ, рослый и здоровый, дрался, какъ настоящій боксеръ. Хриплые крики смѣшивались съ гулкими звуками тяжелыхъ ударовъ; кто-то отчаянно свистѣлъ въ свистокъ; одинъ молодой матросъ, у котораго перстень Кольтера разсѣкъ лицо, обливаясь кровью и крича отъ боли, старался выбраться, шатаясь, изъ толпы.

Свалка продолжалась уже минутъ пять, и Кольтеръ увидалъ, что онъ не одинъ. Какъ разъ передъ тѣмъ, какъ чья-то палка оглушительно треснула его по головѣ, онъ замѣтилъ Роуэлля, раздававшаго удары направо и налѣво, и еще двухъ англичанъ, съ которыми онъ даже не былъ знакомъ, но которые дрались не менѣе ожесточенно. Даже Смитъ, пожилой фабрикантъ, не смогъ остаться безучастнымъ зрителемъ.

Но конецъ такой неравной борьбы могъ быть только одинъ. Оглушенный, съ разбитыми суставами пальцевъ, Кольтеръ былъ насильно уведенъ съ палубы двумя матросами, крѣпко державшими его за руки. Та же участь постигла и его товарищей. Въ то время, какъ его тащили по палубѣ среди изумленныхъ, любопытныхъ взглядовъ пассажировъ, Кольтеръ замѣтилъ Картрайта. Онъ ничего не сказалъ, но только взглянулъ на него, и если бы взгляды могли убивать, горный инженеръ безусловно упалъ бы мертвымъ.

— И это англичанинъ! Боже, помилуй и спаси насъ, если всѣ въ Англіи таковы, — крикнулъ онъ, пока его тащили дальше

Онъ какъ - никакъ сдѣлалъ коечто, хоть попытался, во всякомъ случаѣ. Это сознаніе было небольшимъ утѣшеніемъ, когда онъ лежалъ въ ручныхъ кандалахъ въ каютѣ, куда его заперли по приказу разъяреннаго капитана, у котораго кровь текла изъ разсѣченной губы. Матросъ съ заряженнымъ ружьемъ караулилъ дверь снаружи. Съ остальными «бунтовщиками» было поступлено такъ же.

III.

Военный призъ.

Поступокъ Кольтера принудилъ капитана раскрыть свои карты. Созвавъ всѣхъ пассажировъ, онъ объявилъ имъ,

что намѣренъ отвести «Кронпринца» прямо въ какой-нибудь нѣмецкій портъ: между Германіей и Англіей вспыхнула война, и какъ вѣрный сынъ фатерланда, онъ обязанъ сдѣлать то, что лучше для его родины. Многимъ пассажирамъ эта вѣсть, видимо, была очень непріятна, но никто не протестовалъ. Имѣя за своей спиной нѣмецкую команду, вооруженную винтовками, капитанъ Дункеръ заявилъ пассажирамъ, что съ ними ничего дурного не случится, если только они не вздумаютъ противодѣйствовать ему.

Нѣмецкая часть пассажировъ выразила свое одобреніе громкими криками: «Hoch! hoch! Deutschland! Deutschland!» Остальные хмуро молчали. Правда, изъ второго класса раздалось нѣсколько одиночныхъ криковъ: «Да здравствуетъ Англія!» — но на нихъ никто не обратилъ вниманія. Ужъ слишкомъ мало ихъ было.

Часовъ около десяти вечера Макъ-Карроль, прогуливаясь по верхней палубѣ, наткнулся въ темнотѣ на какого-то господина. Тотъ началъ извиняться.

— Ничего, ничего, — сказалъ американецъ. — Ахъ, это вы, Картрайтъ! А я ужъ думалъ, что вы упали за бортъ, васъ цѣлый день нигдѣ не было видно. Гдѣ это вы прятались?

Не онъ одинъ замѣтилъ отсутствіе Картрайта на палубѣ и въ столовой. Англійская часть пассажировъ перваго класса — человѣкъ двѣнадцать, включая и дамъ, рѣшила, что инженеру стыдно за свою трусость, проявившуюся въ томъ, что онъ не поддержалъ Кольтера — этого «прекраснаго малаго и настоящаго англичанина» — и что онъ потому весь день просидѣлъ въ своей каютѣ, не рѣшаясь никому показаться на глаза. И всѣ были отчасти довольны этимъ. Но Макъ-Карроль отличался болѣе широкой терпимостью къ людямъ.

— Вы не знаете, гдѣ мы находимся? — продолжалъ онъ легкимъ тономъ, не получивъ отвѣта на свой первый вопросъ.

Картрайтъ посмотрѣлъ вверхъ.

— Небо можетъ вамъ сказать это, — отвѣтилъ онъ. — Мы опять измѣнили курсъ.

— Неужели?

— Да. Нашъ капитанъ, видимо, побоялся итти въ Сѣверное море—боится встрѣчи съ англійскимъ флотомъ. Мы опять повернули назадъ и идемъ на западъ. Повидимому, онъ намѣренъ вернуться къ берегамъ Америки. Хочетъ спасти золото.

— Похоже на то... Не сыграть ли намъ въ карты, а? Чертовски скучно.

— Что же, я не прочь.

И Картрайтъ отправился съ нимъ внизъ и до полуночи игралъ въ покеръ. Онъ былъ флегматичный человѣкъ и не проявилъ никакого нетерпѣнія или раздраженія, когда на слѣдующій день пароходъ, вмѣсто того, чтобы продолжать путь, зашелъ въ уединенную бухту Гебридскихъ островов и тамъ измѣнилъ свой видъ. Матросы лихорадочно работали кистями, перекрашивая его бѣлые борты въ темно-сѣрый цвѣтъ и черныя трубы, и вскорѣ «Кронпринца Эйтеля» нельзя было узнать. Это былъ совсѣмъ другой пароходъ. Даже контуры носа и кормы были измѣнены съ помощью брезента.

Только къ вечеру матросы кончили свою работу, и пароходъ продолжалъ путь.

Немного погодя, американецъ Грейкоттъ, банкиръ, съ которымъ Картрайтъ игралъ наканунѣ въ покеръ, подошелъ къ инженеру гнѣвный и взволнованный.

— Нѣтъ, вы представьте себѣ только! Вѣдь это возмутительно! — кричалъ онъ. — Вамъ-то, можетъ-быть, безразлично, вы относитесь ко всему этому такъ равнодушно, но я изъ-за этой задержки, можетъ-быть, тысячи теряю! А сейчасъ я пошелъ отправить телеграмму, и представьте — тамъ виситъ объявленіе, что пассажирамъ запрещено пользоваться безпроволочнымъ телеграфомъ. Я къ капитану, конечно, но онъ уперся какъ быкъ: нельзя да нельзя. Что же это будетъ съ нами?

Вечеромъ у дверей радіотелеграфной каюты поставили матроса съ ружьемъ. Онъ стоялъ тамъ всю ночь. Старшій по-

мощникъ капитана, поднимаясь среди ночи на мостикъ, видѣлъ, что часовой стоитъ на своемъ посту съ ружьемъ, навытяжку, все честь-честью. Однако утромъ, когда первый свѣтъ занимающагося дня разсѣялъ ночную мглу, часового не оказалось на мѣстѣ. И мало того—телеграфистъ тоже исчезъ.

Капитанъ рвалъ и металъ, но сколько онъ ни кричалъ на матросовъ, стоявшихъ ночью на вахтѣ, они упорно утверждали, что не слышали и не видѣли на палубѣ ничего необычайнаго. Немного времени спустя, исчезнувшихъ нашли: развернули два свертка брезента, лежавшихъ у борта, и тамъ съ платкомъ во рту, связанные по рукамъ и ногамъ, лежали телеграфистъ и матросъ. Оба они разсказали приблизительно одно и то же. Часовому накинули на голову мѣшокъ раньше, чѣмъ онъ успѣлъ разглядѣть нападавшихъ. Телеграфистъ, когда увидѣлъ, что дверь открыта, всталъ, но тутъ же какой-то человѣкъ съ маской на лицѣ быстро закрылъ ему ротъ ватой, пропитанной хлороформомъ. Это было приблизительно въ два часа утра. Все произошло такъ быстро, что онъ ничего не успѣлъ замѣтить и не имѣетъ понятія, кто напалъ на него.

Было произведено строжайшее разслѣдованіе. Кольтеръ и его товарищи—на нихъ капитанъ подумалъ прежде всего — оказались на своихъ мѣстахъ, подъ замкомъ. Часовые всю ночь не отходили отъ ихъ дверей и они безусловно не имѣли никакого отношенія къ загадочному ночному происшествію. Гибсона, журналиста, нашли пишущимъ очень усердно и конфисковали его бумаги; и когда оказалось, что это—описаніе происшествій послѣднихъ двухъ дней, его отправили составить компанію Кольтеру. Но больше ничего подозрительнаго не нашли.

Однако фактъ оставался фактомъ: кто-то въ теченіе по меньшей мѣрѣ двухъ часовъ безконтрольно пользовался безпроволочнымъ телеграфомъ, и единственное спасеніе парохода было въ быстротѣ хода.

— Полный ходъ на всѣхъ парахъ!— былъ приказъ капитана, и съ полдюжины матросовъ должны были все время смотрѣть въ бинокли, не видно ли военнаго судна.

— Что дѣлаетъ эта собака, Картрайтъ,— былъ первый вопросъ Кольтера, когда Гибсонъ явился раздѣлить его одиночество. А когда Гибсонъ сообщилъ, что инженеръ почти не показывался ни на палубѣ ни въ общей залѣ, и что онъ перемѣнилъ свою каюту перваго класса на койку во второмъ, Кольтеръ пренебрежительно замѣтилъ:

— Самое подходящее мѣсто для него. Недостоинъ быть вмѣстѣ съ приличными англичанами.

Въ шесть часовъ слѣдующаго утра главный машинистъ доложилъ капитану, что въ машинѣ что-то испортилось. Пришлось остановить машину, и огромный пароходъ тихо покачивался на волнахъ океана, пока механики лихорадочно работали, исправляя поврежденіе. Капитанъ проклиналъ свою неудачу и всю англійскую націю, а пассажиры начали тревожиться. Къ десяти часамъ оказалось, что темное пятно на горизонтѣ, о которомъ дозорные уже раньше доложили мечущему громы и молніи командиру, есть не что иное, какъ военное судно. Еще получасомъ позже всѣ пассажиры видѣли, что это англійскій крейсеръ, и нѣмцамъ ничего не оставалось, какъ признать игру проигранной.

Это былъ «Глоучестершайръ», второразрядный броненосный крейсеръ, и капитанъ Дункеръ зналъ, что на немъ двѣнадцать пушекъ и что онъ можетъ дѣлать двадцать пять узловъ въ часъ. Тысяча чертей! Проклятые англичане перехитрили-таки его. Ничего не оставалось, какъ сдаться, потерять пароходъ и золото, ради котораго онъ поставилъ на карту такъ много! Онъ топалъ ногами отъ безсильной ярости.

«Кронпринцъ Эйтель», первый военный призъ въ эту войну, опять шелъ къ берегамъ Англіи подъ конвоемъ «Глоучестершайра», и Стэнли Кольтеръ разгуливалъ по его верхней палубѣ, радостный и счастливый. Рядомъ съ нимъ шагалъ Гибсонъ.

— Какая удача, не правда ли, что нашъ крейсеръ оказался тутъ, когда случилась эта поломка въ машинѣ? — весело сказалъ Кольтеръ.

— Видите ли, дѣло тутъ, кажется, не въ одной удачѣ,—отвѣтилъ журналистъ, не потерявшій времени даромъ. — «Глоучестершайръ» узналъ обо всемъ изъ радіотелеграммы, посланной со станціи Маминъ-Хидъ, а станція получила это извѣстіе съ океана.

— Но кто же послалъ телеграмму?

— Помните, что я вамъ разсказывалъ, когда составлялъ вамъ компанію внизу, про ночное нападеніе на телеграфиста? Ну, такъ, повидимому, это Картрайтъ и одинъ пассажиръ второго класса, котораго онъ подговорилъ...

— Картрайтъ! — проговорилъ Кольтеръ, и лицо его вытянулось.

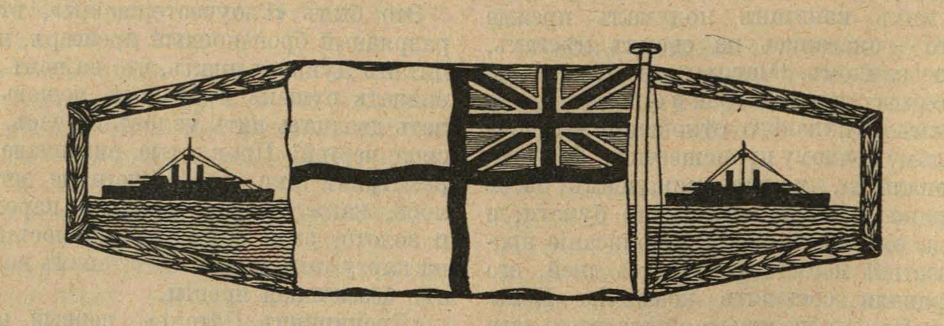
— Да, онъ самый. Онъ оказался не такимъ, какъ мы думали. И мало того. Вѣдь это онъ съ двумя другими... Боже, какую исторію я изъ этого сдѣлаю!.. Такъ это, значитъ, онъ съ двумя другими вызвалъ поломку въ машинѣ. Какъ онъ это сдѣлалъ, я не могу вамъ сказать. Онъ нѣмъ, какъ могила, изъ него слова не вытянешь, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ и тѣ двое рисковали жизнью. Ему руку ушибло при этомъ. Молодчина, а? Мнѣ удалось сдѣлать съ него съ полдюжины моментальныхъ снимковъ. Вѣдь это не шутка—захватить пароходъ съ тремя милліонами золота. Но я все-таки хотѣлъ бы, чтобы онъ былъ поразговорчивѣе.

Кольтеръ ничего не отвѣтилъ. Онъ замѣтилъ Картрайта, который сидѣлъ въ креслѣ съ книгой, и горячая краска залила его лицо. Съ минуту онъ колебался, но потомъ рѣшительно направился къ инженеру, не сводя взгляда съ бѣлой повязки на его рукѣ.

— Я... — началъ онъ и остановился. Картрайтъ поднялъ глаза съ книги.— Я... Мнѣ чертовски совѣстно за себя. Пришелъ вамъ сказать это... Я... я извиняюсь передъ вами. У васъ рука ушиблена?

— Нѣтъ, ничего, пустяки, — спокойно отвѣтилъ Картрайтъ. — Палецъ оторвало или что-то въ такомъ родѣ. Но это не мѣшаетъ намъ пожать другъ другу руку.

И, опустивъ правую руку, онъ протянулъ Кольтеру лѣвую. Кольтеръ схватилъ ее почти съ благоговѣніемъ. Спазма сдавила ему горло.

СОДЕРЖАНІЕ.

